

ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Выпуск 3

ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск 3

Материалы всероссийской научно-практической конференции
(Владивосток, 22 октября 2021 г.)

Хабаровск
Издательство «Форпост науки»
2022

ISBN 978-5-6048063-2-6

© Издательство «Форпост науки»

УДК 93/94+34
ББК 63.3(2)
Г 94

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *Н. А. Шабельникова*;
канд. юрид. наук, доцент *М. А. Тулиглович*
(ответственные редакторы);
канд. ист. наук *А. В. Милежик*;
канд. ист. наук *А. В. Усов*

Г 94 **Гуманитарные** чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол. : Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. – Текст : электронный. 2022. – 249 с. – URL: <https://forpostnauki.ru/file7> (дата обращения: 22.04.2022). – ISBN 978-5-6048063-2-6.

В сборнике материалов конференции освещается широкий круг вопросов: Россия и Дальний Восток в исторической ретроспективе; проблемы правотворчества и правоприменения; история и деятельность органов внутренних дел; традиции и инновации в современной науке и образовании: теория и практика. Статьи магистрантов, курсантов, аспирантов и адъюнктов выделены в отдельную рубрику «Трибуна молодых ученых».

Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 93/94+34
ББК 63.3(2)

Является самостоятельным электронным изданием.

Минимальные системные требования: 1) браузер Internet Explorer 6 или более поздней версии; 2) скорость подключения к сети Интернет – 1 Мбит/с и выше; **дополнительные программные средства:** Acrobat 6.0 и Adobe Reader 6.0, а также их более поздние версии.

Электронное научное издание выполнено с помощью пакета программ Adobe (Adobe InDesign CC, Adobe Acrobat DC).

Корректор – *Е. А. Прохорова*
Компьютерная верстка, дизайн *С. Н. Ващенко*

Объем издания: 2 Мбайт

Подписано к использованию 22.04.2022.
Издательство «Форпост науки».
680030, г. Хабаровск, ул. Шеронова, д. 10.
E-mail: forpostnauki@yandex.ru
www.forpostnauki.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Россия и Дальний Восток в исторической ретроспективе	8
Анисимов А. Л. Альтруистическая концепция дальневосточной политики США в середине XIX в. в зарубежной историографии.....	8
Бандурин С. Г., Козубов А. А. Об английской версии политики «двойных стандартов».....	17
Бучко Н. П. Модели политического развития России в планах военных руководителей в годы Гражданской войны на востоке России	27
Виноградов П. В. Военно-техническое сотрудничество России с союзными государствами в годы Первой мировой войны.....	32
Мартынюк Э. А. Обеспечение безопасности морских рубежей Дальнего Востока России в 1930–е гг.: основные направления изучения.....	36
Милежик А. В. Подготовка кадров народной милиции Дальневосточной республики (по материалам государственного архива Забайкальского края).....	42
Седов Е. Л. О степени научной разработанности операции «согласие»	49
Усов А. В. Опыт реализации научно-образовательного проекта «История ЭПРОН. Подъем из глубины десятилетий» по привлечению и популяризации материалов из личных (семейных) архивов	55
Шадрин А. Н. «Далекий, но нашенький». Особенности становления и развития дальневосточных территорий России (XVII–XXI вв.).....	60
Раздел 2. История и деятельность органов внутренних дел	66
Виноградов А. М. Кадровая политика МВД России – основа совершенствования оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел по борьбе с экономической преступностью на рубеже XX–XXI вв.	67
Кулажников В. В. Правовые аспекты взаимодействия налоговых органов и полиции при осуществлении мероприятий налогового контроля.....	76

Никонов К. О. Деятельность жандармских подразделений на Дальнем Востоке Российской империи по противодействию шпионажу	84
Орнацкая Т. А. Сотрудничество дальневосточных спецслужб с иностранными партизанскими отрядами в 1930–1940-е годы	88
Тулиглович М. А. «Только тот народ, который чтит своих героев, может считаться великим»: к вопросу об актуальности изучения истории органов внутренних дел России.....	93
Шабельникова Н. А. Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне как объект исторического исследования.....	99
Раздел 3. Проблемы правотворчества и правоприменения.....	105
Атанова Т. О. Неоднократность как квалифицирующий признак «опасного вождения».....	105
Базарова Ю. И. Арбитражный управляющий как субъект преступлений в сфере банкротства	110
Бандурин С. С. Экспресс-оценка развития антиэкстремистского законодательства в России.....	115
Веснина С. Н., Неустроева А. В., Пилецкая Т. Е. Криминалистически значимые сведения о способах умышленного причинения тяжкого вреда здоровью	120
Золотарева О. В. Ретроспективный анализ уголовной ответственности за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов	125
Клочков П. В. Исторический анализ процессуального положения дознавателя и органа дознания в отечественном уголовном процессе	132
Котельникова О. А. Основные положения теории криминологической детерминации: современные аспекты.....	136
Кошкина В. В. Борьба с должностными хищениями в России в XVIII–XIX вв.	141
Крапива И. И. О понятии «экстремизм».....	146
Кузора С. А. Анализ особенностей производства негласных следственных действий по УПК Украины	151
Мороз Р. Н. Уголовное судопроизводство в эпоху цифровой революции: краткий анализ мнений	156
Овчинников Ю. Г. Существует ли концепция развития органов предварительного расследования в современный период?	163

Цуканов С. С. Особенность судебной системы России: принцип законности	169
Раздел 4. Традиции и инновации в современной науке и образовании: теория и практика	174
Загвоздкин Н. Н. Профессиональная подготовка следователей: поиск оптимальной модели	174
Захаров К. П. Основания этического дискурса «глубинной экологии» и постгуманизма в контексте постнеклассической науки	179
Разина Е. П. О значении практического опыта в преподавательской деятельности в образовательных организациях высшего образования МВД России.....	189
Романов Р. В., Синянский В. А., Гапонова Л. В. Эффективность использования мультимедийных технологий на этапах формирования общекультурных и профессиональных компетенций в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации.....	193
Якимова З. В. Управление корпоративными знаниями в контексте кадровой политики организации.....	199
Раздел 5. Трибуна молодых ученых.....	208
Жеремян В. В. Объем процессуальных полномочий представителя в суде.....	208
Климов В. Д. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе в сфере хищения транспортных средств в 1990-е гг. как аспект противодействия транснациональной преступности.....	213
Ляскина Н. В. Учебой и делом едины: молодые камчатцы в годы Великой Отечественной войны.....	219
Позднякова В. И. Патриотическое воспитание и особенности его реализации в органах внутренних дел.....	225
Степанов Н. С. Проблемы борьбы с транснациональной преступностью на Дальнем Востоке в 1990–2000-х гг.	229
Суверов С. В. Отдельные недостатки, в деятельности советской пенитенциарной системы в Западной Сибири (1950–1960-е гг.).....	235
Тюрькова А. А. Меры медицинского характера по борьбе с наркоманией в Советской России в 1920-е годы.....	238
Ширина Е. С. Развитие норм ответственности за контрабанду морских биоресурсов на рубеже XX – начала XXI вв.	245

Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол. : Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022.

РАЗДЕЛ 1. РОССИЯ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Научная статья

УДК 951.081:973.06

АЛЬТРУИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ США В СЕРЕДИНЕ XIX В. В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Анисимов А. Л., профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, г. Хабаровск, доктор исторических наук, профессор

В статье проанализирована одна из основных направлений дальневосточной политики США в середине XIX в. в зарубежной историографии – альтруистическая. Рассмотрены ее основные представители и основные положения концепции, причины ее появления; выявлены слабые стороны альтруистической концепции.

Ключевые слова: альтруистическая концепция, дальневосточная политика США, XX век, американская историография, английская историография, гоминдановская историография.

Для цитирования: Анисимов А. Л. Альтруистическая концепция дальневосточной политики США в середине XIX в. в зарубежной историографии // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 8–16.

Original article

ALTRUISTIC CONCEPT OF THE FAR EASTERN POLICY OF THE UNITED STATES IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY

Anisimov A. L., Professor of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, Doctor of History, Professor

The article analyzes one of the main directions of the Far Eastern policy of the United States in the middle of the XIX century. in foreign historiography – altruistic. Its main representatives and the main provisions of the concept, the reasons for its appearance are considered; the weaknesses of the altruistic concept are revealed.

Keywords: altruistic concept, Far Eastern policy of the USA, the twentieth century, American historiography, English historiography, Kuomintang historiography.

For citation: Anisimov A. L. Altruistic concept of the Far Eastern policy of the United States in the middle of the XIX century in foreign historiography. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 8–16. (In Russ.).

Американская буржуазная историография политики США в странах Тихоокеанского региона анализировалась в работах А. А. Мурадяна, Л. А. Березного, Н. А. Халфина, Б. Н. Занегина, Е. Б. Черняка [5; 6; 7; 8; 9; 2; 3; 1; 4; 12; 13; 10].

А. А. Мурадян рассмотрел основные концепции американской буржуазной историографии тихоокеанской политики США, включая альтруистическую (официальную) концепцию [5]. Работы Л. А. Березного посвящены разбору концепции одного из ведущих американских китаистов Дж. К. Фэрбенка, анализу «институционалистского подхода» американских буржуазных историков к проблемам Китая и освещению историографией США первого американо-китайского договора 1844 г. [2; 3; 1].

Б. Н. Занегин исследовал основные этапы развития китаеведения в США, связь американского китаеведения с целями внешней и внутренней политики правящих кругов США [4].

Роль американской буржуазной историографии в системе идеологического обеспечения неокOLONIALИСТИЧЕСКИХ устремлений США в Китае показана в работах Е. Б. Черняка [12; 13].

Но нам представляется, что альтруистическая концепция внешней политики США в середине XIX в. присуща не только американской, но и английской и китайской (гоминдановской) историографии.

Одной из основополагающих концепций дальневосточной политики США в середине XIX в. в зарубежной историографии была Альтруистическая (идеалистическая) концепция.

Одним из фундаментальных тезисов американской историографии внешней политики США на Дальнем Востоке был тезис о том, что Соединенные Штаты были движимы идеями «гуманизма», «благожелательности», «альтруизма», защиты интересов Китая. Этот тезис появляется уже у первых американских историков. В 1900 г. Ч. Холдер писал, что США в 50-х – начале 60-х гг. XIX в. имели «сердечные» отношения с Китаем, не симпатизировали агрессивным акциям европейских держав в Китае [28, р. 215–216].

С. Пэн, из Вашингтонского католического университета, в статье «Первый договор между Соединенными Штатами и Китаем», опубликованной в «Чайниз сошиэл энд политикел сайенс ревью» в 1937 г., стремился доказать, что со времени миссии К. Кашинга в Китай начался длительный период дружественных и взаимовыгодных сношений между двумя странами, что названная выше миссия открыла новую эпоху в дипломатической истории США и Китая, стала символом прогресса. Пэн утверждал, что США уважают честь, достоинство и право Китая, не стремятся приобрести в Китае каких-либо территорий или концессий [37, р. 189, 181, 188].

В период Первой опиумной войны США являлись противниками агрессивной политики Англии в Китае, по мнению С. Пэна, но не были достаточно сильны, чтобы оказать помощь Китаю [7, р. 164–165].

После Первой мировой войны американская историография вынуждена была приспособляться к новым историческим условиям. Возникновение СССР, подъем национально-освободительного движения китайского народа, обострение противоречий с Великобританией и Японией на Дальнем Востоке, развитие массового антивоенного движения в стране вынуждало американских историков изменить подход к истории дальневосточной политики США в середине XIX в. Исчезают концепции, которые откровенно обосновывают и защищают необходимость колониальной экспансии Соединенных Штатов в Китае.

Это привело к широкому распространению идеалистических взглядов на американо-китайские отношения в XIX в. В вышедшей в Нью-Йорке в 1923 г. книге «Соединенные Штаты как мировая держава» А. Кулидж подчеркивал, что «американская политика в отношении Китая была действительно политикой последовательного дружелюбия» [18, р. 332].

В опубликованной в 1926 г. работе «Внешняя политика Соединенных Штатов» Дж. Дили пришел к выводу, что цели первых американцев в Китае были честные, справедливые, а отношения между США и Китаем были дружескими. Китайское же правительство рассматривало США в качестве своего лучшего друга среди западных держав [21, р. 265–266].

Такой же точки зрения придерживались Э. Джонсон, Т. Ван Метре, Дж. Хюбнер, Д. Ханчетт, Дж. Дантон, Ф.Р. Даллес [29, р. 146; 20; 24].

Одним из первых крупных американских историков Дж. Фостер в монографии «Американская дипломатия на Востоке» пытался доказать, что американское правительство и дипломаты проводили благородную и бескорыстную политику в Китае. Но одновременно Дж. У. Фостер восхищался «великими успехами» душителя Тайпинского восстания Ф. Т. Уорда [26, р. 93, 212].

Сторонники идеализации внешней политики США в Китае верно указывали на то, что Соединенные Штаты не проводили откровенно агрессивную политику по отношению к Цинской империи, но они не видели истинных причин относительного нейтралитета США во время опиумных войн: относительную военно-экономическую слабость Соединенных Штатов, удаленность театра военных действий, возможность экспансии на американском континенте и др.

Превращение США в ведущую капиталистическую страну, их претензии на мировое господство после Второй мировой войны способствовало проведению исследований, направленных на поиск исторического обоснования особой роли Соединенных Штатов в мире. В США вновь получают широкое распространение взгляды об особой миссии США, об их антиколониализме и альтруизме американской внешней политики, о прогрессивной роли Соединенных Штатов в деле преодоления отсталости стран Востока.

Один из крупнейших американских китаеведов Э. Суишер настойчиво подчеркивал созидательную роль американско-китайского сотрудничества в деле вестернизации Китая, помощи США Цинской империи в преодолении отсталости [38, р. XVII, 70, 30.]. Он утверждал, что США не вели военных действий в Китае [38, р. XVI], что не соответствует действительности. Во время Второй опиумной войны американская эскадра бомбардировала и захватила Барьерные форты близ Гуанчжоу.

Распространение принципа наибольшего благоприятствования на американцев Суишер, как и многие американские историки, рассматривает как применение традиционной китайской политики равного обращения со всеми «варварами» [39, р. 39]. Этот тезис вплоть до настоящего времени используется американской историографией [25, р. 606], хотя не соответствует действительности, противоречит историческим фактам.

Ч. Бейн в статье «Мэттью Перри, Хамфри Маршалл и Тайпинское восстание» выдвинул тезис, что основным принципом политики США в Китае со времени Х. Маршалла было поддерживать признанное центральное правительство Китая, каким бы оно ни было, до тех пор, пока новое китайское правительство не проявит себя в спасении страны от разобщения и иностранного завоевания [14, р. 269].

М. Кэрти и Дж. Столкер в статье, в которой исследовался процесс складывания образа США в глазах китайцев во второй половине XIX в., подчеркивали, что правительство Соединенных Штатов, большинство американцев выступали за дружбу и ведение мирной торговли с Китаем. Они утверждали, что американская нация играла в это время «выдающуюся роль» в деле создания у китайцев впечатления о превосходстве западной цивилизации над китайской [19, р. 664].

Один из ведущих современных американских историков международных отношений А. ДеКонде, редактор трехтомной «Энциклопедии американской внешней политики», в своей монографии утверждал, что во время Первой и Второй опиумных войн США оставались нейтральными, симпатизируя Китаю [22, р. 228, 230]. На самом деле, оставаясь формально нейтральными, США во время опиумных войн симпатизировали и помогали Великобритании и Франции.

Тезис о дружественном нейтралитете США, их благожелательном отношении к Китаю в период опиумных войн присутствует в работах П. Х. Клайда, Б. Ф. Блерса, Тонг Теконга и др. [17, р. 74; 40, р. 24, 25].

Английская историография начала XX в. подчеркивала мирный характер политики США в Китае и Японии. Так, Э. Паркер писал, что Соединенные Штаты «всегда старались показать себя в глазах Китая добрым, незаинтересованным другом, которым не торговал опиумом и не злоупотреблял политическим влиянием», что США претендовали на положение «честного маклера» [11, с. 194].

Известный английский исследователь Х. Б. Морз утверждал, что «не крутыми методами, не проявлением силы, а под давлением логики и справедливости» были урегулированы отношения между США и Китаем, заключен договор 1844 г. [36, р. 322] Х. Б. Морз и Х. Ф. Макнейр в совместной монографии «Международные отношения на Дальнем Востоке», вышедшей в 1931 г., утверждали, что договор Ванся был выгоден как США, так и Китаю, и что Китай приобрел в лице Соединенных Штатов друга, который и сам не хотел захватывать китайские территории и не хотел, чтобы это делали другие. В опиумных войнах Х. Б. Морз и Х. Ф. Макнейр видели «неизбежный конфликт между Востоком и Западом» [35, р. 183–184, 132]. Такими же взаимовыгодными были отношения между США и Японией.

Один из ведущих английских историков по истории международных отношений на Дальнем Востоке Х. Ф. Макнейр в 20-е годы писал, что США были единственной страной, которая проводила политику поддержки Китая, защищала его суверенитет и территориальную целостность и никогда не выказывала даже малейшего желания захватить какие-либо китайские территории [34, р. 29]. В целом, английская историография конца XIX – начала XX в. идеализировала политику США на Дальнем Востоке, так же как и официальная американская историография изоляционизма.

Китайские гоминдановские историки воспитывались на основных концепциях англо-американской историографии. В связи с этим их концепции схожи с концепциями американской буржуазной историографии. К тому же зависимость гоминдановского Китая, тайбэйского правительства, также не могло не наложить отпечатка на китайскую буржуазную историографию. В связи с этим китайские буржуазные историки в своих трудах неизменно подчеркивают дружественные отношения между США и Цинской империей. Так, М. Дж. Бау, профессор Пекинского национального университета, получивший образование в Соединенных Штатах, в своей работе «Внешняя политика Китая», вышедшей в 1922 г., отмечал, что американцы не желали быть недружественными по отношению к Китаю [15, р. 14–15].

Вен Хуанма в своей монографии «Американская политика в отношении Китая» утверждает, что между США и Китаем существовали непрерывные дружеские отношения, а руководящим принципом американских дипломатов, в частности К. Кашинга, была дружба с Китаем ради торговли. На эту дружбу, считает Вен Хуанма, работали «почти все без исключения американские миссионеры, купцы и дипломаты», США стремились достичь своих целей «посредством методов мирного проникновения и дружественных соглашений» [43, p. VI, 7, 12].

Китайские историки утверждали, что США не использовали силу, не навязывали Цинской империи неравноправных договоров. Китай сам добровольно предоставил США равные права с Англией: право наибольшего благоприятствования и право экстерриториальности на основе существовавшей в то время старой китайской торговой системы, которая предусматривала равное обращение со всеми «варварами». Этот тезис присутствует и в статьях китайского гоминдановского ученого Цзян Тинфу [41, p. 423; 42, p. 109; 31, p. 36; 30, p. 190]. Первый неравноправный американо-китайский договор Ванся китайская буржуазная историография превозносила как «выдающийся» [30, p.193].

Слабые стороны сторонников альтруистического идеализма были замечены рядом американских историков уже в 20-е гг., которые пытались преодолеть их.

Значительным явлением в американской историографии межвоенного периода стала монография Т. Деннета «Американцы в Восточной Азии. Критическое исследование политики Соединенных Штатов в отношении Китая, Японии и Кореи в XIX веке», опубликованная в 1922 г. Она была написана на основе изучения большого количества источников. Т. Деннет выдвинул тезис о единстве тихоокеанской политики США, которая основывалась на двух принципах: наибольшего благоприятствования и сотрудничества с другими капиталистическими державами. Деннет заявлял, что США добивались в Китае и во всей Восточной Азии только равных коммерческих возможностей, проводили политику «открытых дверей», а не занимались филантропией [23, p. VII].

Таким образом, Т. Деннет выступил против альтруистической (идеалистической) трактовки политики США в Китае. Так как США стремились только к созданию благоприятных условий для коммерческой деятельности в Китае» то они, согласно Т. Деннету, не стремились к территориальным захватам. Т. Деннет утверждал, что США традиционно, с 1842 г., проводили в Китае политику «открытых дверей». В силу этого Соединенные Штаты выступали за сохранение мира и не желали усиления влияния европейских стран в Китае и в целом на Дальнем Востоке. Это делало США, до некоторой степени, союзником Китая и других восточных государств [23, p. VII, 489].

С другой стороны, Т. Деннет утверждал, что ради достижения своих внешнеполитических целей в Китае, США в 50–60-е гг. XIX в. сотрудничали с европейскими державами [23, p. 677].

В целом концепция Т. Деннета носила противоречивый характер и, в ряде случаев, смыкалась с официальной концепцией.

Концепцию Т. Деннета разделяли и другие американские историки, такие как Дж. Х. Латанэ, С. Ф. Бемис, А. Гриссуолд [32; 33; 16; 27].

Распространению Альтруистической (идеалистической) концепции дальневосточной политики США в середине XIX в. в зарубежной историографии способствовало своеобразие политики США в Китае (преобладание торговой экспансии, отсутствие юридически оформленных колониальных владений, сфер влияния).

США своей политикой содействовали превращению Китая и Японии в полуколонии. Уже в середине XIX в. США проводили политику, направленную против китайского народа, на его закабаление, против освободительной борьбы китайцев, они применяли принцип «разделяй и властвуй», не останавливаясь перед планами раздела Китая на два или несколько государств. В то же время США, американская буржуазия прикрывали свою агрессивную политику фразами о мире, дружбе и нейтралитете, стремились представить США в качестве друга Китая. Но Соединенные Штаты никогда не упускали возможности демонстрации силы и ее использования в Китае, когда считали это выгодным для себя. Такая же политика была характерна для Вашингтона и в отношении Японии.

Американцы в своих отношениях с народами Дальнего Востока в 30–60-е гг. XIX в. исходили в первую очередь из собственных интересов (политических, экономических, стратегических и др.). При этом далеко не всегда главным критерием разделения на друзей и врагов в регионе была степень похожести (расовая, цивилизационная), возможность эмоционального контакта. Чаще это был критерий конкурентоспособности, ожидаемой агрессии. «Друзьями» были те, кто не представлял угрозы самим США, кто не являлся их соперником в торговле. К ним принадлежала в первую очередь Россия и, временами, Цинская империя и Япония. Англия и англичане в большинстве случаев рассматривались как источники угрозы стране, ее национальным интересам, как «враги». Хотя, если американские интересы требовали, то «друзья» (цинский Китай, Тайпинское государство, Японская империя) становились «врагами», а «враги» (Англия, Франция) – «друзьями», пробивавшими своей агрессивной политикой в период опиумных войн путь для американских товаров на дальневосточные рынки. Цинская империя больше ассоциировалась как принадлежащая к кругу «друзей». Но были периоды, когда она переходила в разряд «врагов», но не столько как политическая или военная угроза США, а как препятствие на пути расширения экономической экспансии США.

Военно-политическая экспансия США на Дальнем Востоке особенно активно проявилась в 50–60 гг. XIX в., когда Соединенные Штаты активно использовали «политику канонерок» для навязывания Цинской империи и Японии новых договоров.

Неравноправные договоры с дальневосточными империями были призваны создать благоприятные условия для проведения торгово-экономической, идеологической и политической экспансии американской буржуазии. Они значительно ограничивали суверенитет Китая и Японии, способствовали превращению их в полуколонии западных держав.

Список источников и литературы

1. Березный Л. А. Американо-китайский договор 1844 г. в освещении американской историографии // Новая и новейшая история. 1971. № 2. С. 184–193.
2. Березный Л. А. Апология капитализма (экспансия капиталистических держав в Китае в интерпретации буржуазных историков) // Историография и источниковедение стран Азии. Л., 1965. Вып. 1. С. 81–97.
3. Березный Л. А. Начало колониальной экспансии в Китае и современная американская историография. М., 1972. 222 с.
4. Занегин Б. Н. Основные этапы развития китаеведения в Соединенных Штатах Америки // Современная историография стран зарубежного Востока. Вып. I. Китай / Отв. ред. Б. Н. Занегин. М., 1963. С. 11–87.
5. Мурадян А. А. Американская историография тихоокеанской политики США в XIX веке (Критика основных концепции). М., 1975. 246 с.
6. Мурадян А. А. Критический анализ американской историографии тихоокеанской политики США в XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975. 392 с.
7. Мурадян А. А. Некоторые вопросы политики США в бассейне Тихого океана до второй мировой войны в американской буржуазной историографии // Австралия и Океания (история и современность) / Отв. ред. А. А. Губер и К. В. Малаховская. Л., 1970. С. 103–129.
8. Мурадян А. А. Советские историки о тихоокеанской политике США // Народы Азии и Африки. 1969. № 4. С. 168–176.
9. Мурадян А. А., Халфин Н. А. Эволюция интерпретации политики США на Дальнем Востоке в XIX – начале XX века // Основные проблемы истории США в американской историографии (1861–1918 гг.). М., 1974. С. 258–275.
10. Никифоров В. П. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. 416 с.
11. Паркер Э. Китай. Его история, политика и торговля с древнейших времен до наших дней / Пер. с англ. СПб., 1903. 569 с.
12. Черняк Е. Б. Адвокаты колониализма. Неоколониалистская историография. М., 1964. 375 с.
13. Черняк Е. Б. Историография против Китая. (Критика реакционной историографии эпохи крушения капитализма). М., 1962. 368 с.
14. Bain C. A. Commodore Matthew Perry, Humphrey Marshall, and the Taiping Rebellion // The Far Eastern Quarterly. 1951. Vol. X. No 3.
15. Bau M. J. The Foreign Relations of China: A History and a Survey. N. Y. Chicago, 1922. XII, 541 p.
16. Bemis S. F. A Diplomatic History of the United States. Revised Edition. – N. Y., 1946. VIII, 934 p.
17. Clyde P. H., Bears B. F. A History of the Western Impact and the Eastern Response (1830–1965). 4th ed. Englewood Cliffs, 1966. 511 p.
18. Coolidge A. C. The United States as a World Power. N. Y., 1923. 385 p.
19. Curti M., Stalkier J. “The Flowery Flag Devils”: The American Image in China 1840–1900 // Proceeding of American Philosophical Society. 1952. Vol. 92. No 6. P. 663–690.
20. Danton G. H. The Culture Contact of the United States and China. The Earliest Sino-American Culture Contacts 1784–1844. – N. Y., 1974. XIV, 133 с.
21. Dealey D. L. Foreign Policies of the United States. Their Bases and Development. Boston – San Francisco, 1926. – VIII, 402 p.
22. DeConde A. A History of American Foreign Policy. N.Y., 1963. XI, 914 p.

23. Dennett T. *Americans in Eastern Asia: A Critical Study of the Policy of the United States of America with References to China, Japan and Korea in the 19-th Century*. N. Y., 1941. XVIII. 725 p.
24. Dulles F.R. *The Old China Trade*. N. Y., 1970. 228 p.
25. *Encyclopedia of American Foreign Policy* / Ed. A. DeConde. N. Y., 1978. Vol. II. – [3], 372–751 p.
26. Forster J.W. *American Diplomacy in the Orient*. Boston N.Y., 1926. XIV, 498 p.
27. Griswold, A.W. *The Far Eastern Policy of the United States*. New Haven L., 1962. 530 p.
28. Holder C. F. *American Treatment of the Chinese // The North American Review*. 1900. – Vol. 171. No DXXV. P. 214–220.
29. Johnson E. R., Van Metre T. W., Huebner G. G., Hunchett D. S. *History of Domestic and Foreign Commerce of the United States*. W., 1922. Vol. II. VII, 398 p.
30. Kuo P.C. *A Critical Study of the First Anglo-Chinese War, with Documents*. Westport, 1973. IX, 315 p.
31. Kuo Ping Chia. *Caleb Cushing and the Treaty of Wanghia, 1844 // Journal of Modern History*. 1933. Vol. 5. No 1. P. 34–54.
32. Latané J. H. *A History of American Foreign Policy*. Garden City N.Y., 1927. 725 p.
33. Latané J. H., Weinhouse D. W. *A History of American Foreign Policy 1776–1940*. N.Y., 1941. IX, 1028 p.
34. MacNair H. F. *China's International Relations and Other Essays*. – Shanghai, 1926. – VII, 326 p.
35. Morse H. B., MacNair H. P. *Far Eastern International Relations*. In Two Volumes. N.Y., 1967. Vol. 1. 596 p.
36. Morse H. B. *The International Relations of the Chinese Empire. The Period of Conflict 1834–1860*. – L., 1910. Vol. 1. XXXIX, 727 p.
37. Pan S. C.C. *The First Treaty between the United States and China // The Chinese Social and Political Science Review*. 1937. Vol. XXI. No 2. P. P. 155–189.
38. Swisher E. *China's Management to the American Barbarians: A Study of Sino-American Relations, 1841–1861, with Documents* / E. Swisher. New Haven (Connect.): Far Eastern Publications, Yale University, 1953. XXI, 844 p.
39. Swisher E. *Early Sino-American Relations, 1841–1912. The Collected Articles of Earl Swisher* / Ed. by K. W. Rea. Boulder, 1977. XII, 228 p.
40. Tong Te-Kong. *United States Diplomacy in China, 1844–60*. Seattle, 1964. XVI, 332 p.
41. Tsiang T. F. *The Extension of Equal Commercial Privileges to Other Nations than the British after the Treaty of Nanking // The Chinese Social and Political Science Review*. 1931. Vol. XV. No 3. P. 422–444.
42. Tsiang T. P. *A Note in Reply // The Chinese Social and Political Science Review*. 1932. Vol. XVI. No 1. P. 105–109.
43. Wen Hwan Ma. *American Policy Toward China. As Revealed in the Debates of Congress*. N. Y., 1970. X, 293 c.

© АНИСИМОВ А. Л., 2022

Научная статья

УДК 94 (366)

ОБ АНГЛИЙСКОЙ ВЕРСИИ ПОЛИТИКИ «ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ»

*Бандурин С.Г., Общество изучения истории отечественных спецслужб,
доктор исторических наук, доцент (г. Москва)*

Козубов А.А., исследователь (г. Москва)

В статье рассмотрено применение Великобританией «двойных стандартов» в военно-политической сфере как элемент информационного доминирования и нивелирование фактов нарушения международного гуманитарного права вооруженными формированиями этой страны в ходе военных конфликтов (войн).

Ключевые слова: «двойные стандарты», Великобритания, международное гуманитарное право, имидж, манипуляция, средства массовой информации.

Для цитирования: Бандурин С.Г., Козубов А.А. Об английской версии политики «двойных стандартов» // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н.А. Шабельникова, М.А. Тулиглович (отв. редакторы), А.В. Милежик, А.В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 17–26.

Original article

ABOUT THE ENGLISH VERSION OF THE «DOUBLE STANDARDS» POLICY

Bandurin S. G., Society for the Study of the History of Domestic Special Services, Doctor of History, Docent (Moscow)

Kozubov A. A., researcher (Moscow)

The article considers the application by the United Kingdom of «double standards» in the military-political sphere as an element of informational domination and levelling the facts of violation of international humanitarian law by the armed formations of this country during military conflicts (wars).

Keywords: «double standards», Great Britain, international humanitarian law, look, manipulation, mass media.

For citation: Bandurin S. G., Kozubov A. A. About the English version of the «double standards» policy. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 17–26. (In Russ.).

Великобритания – страна, которая давно признала главенство международного права над национальным и обязалась соблюдать нормы международного гуманитарного права.

В действительности наблюдаются отклонения от указанных обязательств. Для обоснования законности таких действий придумываются разные причины, например, борьба с военными диктатурами; ликвидация незаконных вооруженных формирований, террористов и т. д. Возникающие жертвы среди мирных жителей в таких случаях либо замалчиваются и занижаются, либо обосновываются как вынужденная военная необходимость. Кроме того, накопилось значительное количество фактов, в которых информация по «доказательству вины одной из сторон конфликта» массово забраковывалась за счет доминирования той или иной стороны в политическом или правовом споре. Подобную практику принято называть «двойными стандартами».

В историческом контексте «двойные стандарты» проявлялись постоянно. В основном понятие использовалось в философских размышлениях о сущности добра и зла. Родиной появления современного термина стала Великобритания, которая часто выступала законодателем мод в плане выдумки и внедрения чего-либо нового. Термин «double standard» появился в Великобритании в середине XIX в. и использовался для обозначения одновременно двух существующих стандартов неравного поведения для мужчин и женщин в одном и том же обществе [1, p.181].

В СССР этот термин стал применяться на фоне борьбы колоний за свою независимость и применялся для обозначения классового и расового неравенства в капиталистических странах [2, с. 135].

В последние десятилетия словосочетание «двойные стандарты» всё чаще стало встречаться в СМИ, в выступлениях политиков, журналистов, общественных деятелей как за рубежом, так и в России. Однако в различных источниках, в тексте которых присутствовал этот термин, найти единую, общепринятую трактовку «двойным стандартам» не представляется возможным.

Исходя из этого, уместно провести некий обзор ряда работ, где авторы уделили этому вопросу внимание.

Исследователь в области философии А. С. Тимощук определяет двойной стандарт как «несимметричное поведение в аналогичных ситуациях» [3, с. 218–221], а политолог Е. В. Булипопова – как «совокупность авторитетных суждений, норм и принципов, теоретически обосновывающих и/или фактически устанавливающих неравновесное положение элементов политико-правовой системы при формальном юридическом равенстве последних» [4, с. 112–118].

По мнению авторов, наиболее подходящее определение было предложено политологом А. Ф. Тузовой, у которой термин «двойной стандарт»

представлен как «принципиальная вариативность подходов к оценке одних и тех же, либо аналогичных событий и явлений, обусловленная неосознанными субъективными причинами или осознаваемыми мотивами, чаще корыстного характера» [5, с. 28].

Это связано с необходимостью исследования «двойных стандартов» в общественных отношениях, прежде всего в информационном пространстве. Информационное пространство, являясь системообразующим фактором жизни общества, активно влияет на состояние международной, политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности любого государства [6, с. 3].

Именно в информационном пространстве, для которого нет границ между государствами, возникают общественные отношения, в которых проявляются «двойные стандарты» со своей определенной спецификой и формой проявления.

Факт существования «двойных стандартов» в информационном пространстве был представлен и в диссертации Е. В. Булипоповой [7], в которой были исследованы суть данного явления; причины, условия его существования; рассматривались различные формы и специфика его проявления; проанализирован этический аспект практики двойных стандартов. Также были определены особенности существования «двойных стандартов» в информационно-коммуникативном процессе; выявлены основные приемы их реализации; проведен анализ практики «двойных стандартов» при освещении одних и тех же актуальных событий западной и российской прессой, а также роль СМИ и журналистов в этом процессе.

Подобное явление часто встречается при анализе материалов американской и британской прессы, освещающих военные конфликты, в частности, с применением приема подмены понятий, который проявляется в употреблении нейтрально-положительной лексики.

Например, термин «террорист» представителями британских СМИ заменялся терминами «повстанцы» или «борцы», если это событие происходило там, где затрагивало интересы собственного государства и было выгодно англичанам именно в таком контексте. Если это не совпадало с интересами Великобритании и было ей выгодно хотя бы временно, то термин не заменялся. Этот подход применим, например, и к фотографиям, когда автор может принципиально изменить смысл изображения при помощи его описания, придавая ему то значение, которое ему выгодно, и тем самым нарушить этические принципы журналистики.

В то же время исследователи отмечают большое влияние использования фотографий на эмоционально-бессознательном уровне на аудиторию, т. е. к снимку у читателя больше доверия, чем к комментариям. В целом манипуляции с подписями, или намеренная подача фотографий с целью предоставления свободной трактовки их смысла на усмотрение читателя, а также постановочные фотографии составляют арсенал способов, используемых специалистами «двойных стандартов» [5, с. 82].

Доминирование примеров практики «двойных стандартов» именно в западной прессе обусловлено расстановкой сил после окончания Второй мировой войны, условно разделившей мир на две половины. Вполне естественно, что в настоящее время, когда не удалось осуществление модели «монополярного мира», наблюдается развитие этой практики в ряде СМИ.

Особенностью действий британских властей в период ведения колониальных войн было то, что любая негативная информация о деятельности вооруженных сил Великобритании замалчивалась, уничтожалась или засекречивалась. С развитием средств связи, возможностей по передаче и распространению информации, с размыванием границ между государствами и появления «независимых» СМИ нужная интерпретация событий стала поступать через официальные источники. Ими могли быть как общественные «независимые» или «неправительственные» организации, так и местные, подконтрольные или государственные СМИ, которые информировали общественность в необходимом ракурсе.

В нужном контексте Великобритания часто интерпретировала свои действия с применением вооруженных сил на территориях своих бывших колоний. Вместо официального объявления войны в колониях, она ограничивалась лишь введением чрезвычайного положения. Все свои действия расценивала не иначе, как законные (вполне обоснованные), не попадающие под положения Женевских, Гаагских конвенций, а также Устава и конвенций ООН. С этой целью официальные власти Великобритании осуществляли подмену понятий. Борцов за независимость этих стран считали террористами, и тем самым закрепляли за собой право применять любые способы и методы в борьбе с ними.

В СМИ и на международной арене Великобритания отстаивала свое право на подобные действия и проводила информационно-пропагандистские кампании для придания видимости законности своим действиям, регулярно распространяя негативную информацию о деятельности представителей национально-освободительных движений (повстанцев), в том числе приписывая им жестокость, расправы над мирным населением и даже использование колдовских методов и черной магии.

Все это представители властных структур Великобритании делали сознательно, чтобы представить борцов за независимость этих колоний в глазах международной общественности полными дикарями, недостойными жалости со стороны цивилизованного общества.

В период ведения коалиционных войн Великобританией было положено начало подмене международного права «порядком», основанным на неких произвольных правилах, а точнее на праве сильного. Классическим примером в этом отношении стала военная операция НАТО «Союзная сила» против СРЮ в 1999 г.

Тогда альянс не имел никаких легитимных оснований для действий, которые были произведены, и прежде всего – мандата Совета Безопасности ООН. Этим актом агрессии были грубо нарушены основополагающие принципы международного права, закрепленные в Уставе ООН, а также международные

обязательства государств – членов блока НАТО. Действия альянса противоречили даже Североатлантическому договору 1949 г., в котором страны НАТО обязались не ставить под угрозу международный мир, безопасность и справедливость, а также воздерживаться от применения силы или угрозы её применения в международных отношениях. Всё это явно указывает на практику применения «двойных стандартов».

Следует отметить, что в большинстве авторитетных СМИ Великобритании существует редакционное руководство. По существу, оно призвано следить за репутацией издания и обеспечивать соблюдение главных принципов журналистики – правдивости и объективности, ограничивать предвзятость освещения, а значит, и контролировать практику двойных стандартов.

Так, в основах редакционной политики всемирно известной вещательной корпорации ВВС закреплено следующее: «Аудитория ВВС должна быть уверена в том, что решения принимаются исключительно при наличии весомых редакционных причин, а не в результате ненадлежащего давления, будь то давление политического, коммерческого характера или личной заинтересованности. Мы не должны подрывать эти ценности какими-либо действиями, которые могут пагубно отразиться на ВВС и ее репутации» [8].

Однако, несмотря на наличие редакционных установок, требующих объективности освещения, практика «двойных стандартов» допускается даже СМИ, имеющими репутацию надежных и непредвзятых источников информации.

Или наоборот, когда при отсутствии четко выраженных и зафиксированных редакционных установок, редакция вырабатывает негласный единый критический подход ко всей поступающей информации. Но подобная практика требует максимальной независимости канала СМИ от любых «агентов влияния», чего нет в действительности, т. к. «двойные стандарты» могут проявляться ещё на этапе выбора сюжетов для программы или издания. Обычно этим занимается издатель, редактор и другие лица, которые могут просто иметь свою предвзятую точку зрения к освещаемому материалу.

Часто слоган СМИ, подобных ВВС, звучит категорично: «мы делаем новости»; т. е. его можно расшифровать и так: «мы творим историю». Редакция может оценить совершенно по-разному степень важности аналогичных по значимости событий. В результате одно из них получит полномасштабное освещение (попадет на страницы издания, будет включено в информационные выпуски различных информационных каналов), а другое останется «незамеченным», т. е. будет проигнорировано. Чрезвычайно вредно то, что это происходит не по причине специфики издания, а в силу предвзятости и необъективности в отборе информации [5, с. 80].

В результате практики «двойных стандартов» создаются противоположные по значению (негативные) образы значимых, важных, позитивных событий, явлений, субъектов, при последовательном тиражировании которых возникают необходимые выгодные заказчикам устойчивые стереотипы в сознании общественности. Системное применение «двойных стандартов» влияет на имидж субъекта, от индивида до государства. При этом они могут использо-

ваться в информационно-психологической войне каким-либо государством с целью реализации своих геополитических стратегий.

Прослеживается общая тенденция, которая заключается в том, что английская пресса в целом поддерживает внешнеполитическую линию своего правительства, в соответствии с которой все принципиально вариативные подходы и различные трактовки аналогичных событий, будь то теракт, межэтнический или вооруженный конфликт, различные операции и акции, объединяет правило: «Нам можно, а вам нельзя» или «Вам нельзя, а нам можно».

Это правило можно встретить в книге американского публициста и бывшего корреспондента Financial Times в Москве Д. Саттера. В ней данное правило переросло в нечто большее и звучит так: «Чего мне хочется – то и есть всемирный закон» [9, p.103].

Например, 11 февраля 2019 г. через Ассошиэйтед Пресс, штаб-квартира европейского отделения которого расположена в Лондоне, министр обороны Великобритании Г. Уильямсон предупреждал Российскую Федерацию о высокой цене за провокационные действия, которые она якобы предпринимает в отношении стран НАТО, а также о готовности «... использовать жесткую силу для защиты своих интересов против стран, которые насмеются над международным правом» [10].

В то же время глава британского оборонного ведомства призывал НАТО повысить свою готовность в свете ситуации с Договором о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Однако в материале агентства не уточнялось, что инициатором выхода из двухстороннего договора являются США и Великобритания.

Можно предположить, что целенаправленная манипуляция при помощи технологии «двойных стандартов» может являться частью обширной спланированной информационно-психологической войны с целью формирования негативного имиджа Российской Федерации, создания необходимого информационного фона для действий в соответствии с геополитическими интересами Великобритании. Очевидно, что истинные причины практики «двойных стандартов» в СМИ определить достаточно сложно.

При необходимости, а также для создания «законных» оснований для свержения неудобного правительства в какой-либо стране или других агрессивных действий Великобритания может прибегать к различным видам провокаций. Например, для обвинения законного сирийского правительства в военных преступлениях и его дискредитации перед мировым сообществом была использована провокация с созданием бывшим офицером британской армии и частным советником по вопросам безопасности Джеймсом Ле Мезюре в начале 2013 г. неправительственной добровольческой организации «Белые каски» (или «Сирийская гражданская оборона»).

Помимо заявленной деятельности, «Белые каски» занимались съёмкой провокационных ложных сюжетов. Так, в 2018 г. эта организация была уличена Министерством обороны России в постановочном видео химических атак в сирийском городе Дума [11].

Кроме манипуляции при помощи «двойных стандартов» и провокаций, Великобритания всегда находила казуистические оправдания в ответ на ее обвинения в военных преступлениях. Такими оправданиями могли быть как истекший срок давности по военным преступлениям, так и то, что «британские солдаты во время боя в незнакомой обстановке находятся в очень сложной ситуации и любое промедление при принятии решения на открытие огня может стоить им жизни, особенно когда враг, прикрываясь мирными жителями, специально провоцирует солдат на стрельбу» [12].

Так, бывший командующий британскими войсками в провинции Гельменд (Афганистан) полковник Р. Кемп заявлял: «Армия Великобритании десятилетиями воевала в Северной Ирландии, где противник вел боевые действия, прячась среди гражданского населения. Были даже разработаны специальные методики подготовки, направленные на то, чтобы помочь солдатам в принятии невероятно трудного решения в ситуации, где у военнослужащего есть только доли секунды для принятия решения – открывать огонь или нет, но в Афганистане ситуация выглядела еще более сложной. Всякий раз, когда солдаты открывали огонь, появлялись жертвы среди гражданского населения, а если же военнослужащие воздерживались от стрельбы, то враг оставался в живых, подвергая смертельной опасности военнослужащих, участвующих в данном конфликте, значительно повышая вероятность их гибели или получения увечья» [12].

В ситуациях, когда в СМИ все-таки появлялась информация о военных преступлениях британских солдат, британские политики и генералы также находили оправдания, но не всегда удачно. В частности, в 2016 г. факт массовых военных преступлений в Ираке и Афганистане британское командование объясняло необоснованной травлей своих солдат алчными адвокатами, которые ради наживы бездоказательно обвиняют их в совершенных на войне преступлениях.

Однако такое оправдание сразу ставилось под сомнение на страницах британских изданий. Так, независимая немецкая журналистка Г. Маутнер в газете *The Guardian*, отмечала, что «... все это выглядит срежиссированной кампанией и оправдание, что большинство обвинений – ложные, полностью абсурдно. Ведь британское министерство обороны уже выплатило в виде компенсаций жертвам насилия в Ираке 20 млн фунтов стерлингов по 326 делам» [13].

Великобритания нередко оказывала политическое давление на различные организации, прибегая к различным уловкам и манипуляциям. Например, в 2017 г. правительству Великобритании удалось не только дискредитировать работу Группы по расследованию обвинений в Ираке (ИНАТ), но и добиться её закрытия. Под обязательства расследовать все факты военных преступлений в Ираке Великобритании удалось убедить (обмануть) Международный уголовный суд (МУС) и Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), передав все оставшиеся нераскрытые дела британской военной полиции [14].

Это объяснялось ещё и тем, что в данных делах отсутствовала необходимость проведения какого-либо дополнительного расследования со сто-

роны международных институтов, поэтому национальное законодательство, по мнению, британской стороны, способно было справиться с этой задачей. Фактически же все невыясненные случаи были сокращены в одночасье с 3400 до 20; при этом был вынесен всего один судебный приговор [15].

Если бы этого не произошло, скорее всего британским политикам и генералам, находящимся у власти во время войны в Ираке, пришлось бы предстать перед МУС.

К характерной особенности можно отнести то, что военное ведомство Великобритании всегда проявляло скрытность и нежелание пролить свет на число потерь среди гражданского населения в ходе проводимых военных операций. Особенно это видно по Афганистану, когда ведомство умышленно затягивало или игнорировало заявки британских СМИ о передаче документов по ставшим известным фактам военных преступлений в рамках правовой нормы о свободном доступе к информации.

Следовательно, в сфере соблюдения норм международного гуманитарного права у Великобритании сформировался свой подход – действовать с позиции силы и своей значимости на мировой арене, применяя свои проверенные веками методы и способы. При этом Великобритания использовала «двойные стандарты», якобы соблюдая нормы и принципы международного гуманитарного права. В настоящее время двойные стандарты позволяют Великобритании не только уходить от ответственности за нарушения прав человека и военные преступления, но и обвинять другие государства в действиях, не превосходящих по негативным последствиям факты деятельности вооруженных сил Великобритании в аналогичных ситуациях.

В сфере межнациональных отношений «двойные стандарты» проявлялись в форме принципиально противоположных подходов к действиям народов, стремящихся к независимости на территории бывших английских колоний, и населению других государств. В соответствии с разницей в подходах, Великобританией по-разному трактовалось международное законодательство: в одних случаях защищался принцип территориальной целостности государства, а в других – приоритетным признавался право народов на самоопределение. На вопросы со стороны международных институтов, связанные с объективностью и справедливостью, Великобритания находила абсурдные аргументы, а в ряде случаев и оказывала давление на данные органы.

В случае выявления фактов военных преступлений с участием вооруженных сил на международном уровне Великобритания всячески старалась понизить значимость выявленных фактов, вывести их на уровень национального законодательства, используя для этого авторитет, положение, «двойные стандарты», подмену понятий и другие инструменты своей политики в сфере международного права. Если это получалось, должностные лица Великобритании продолжали оказывать всяческое воздействие на сокращение таких фактов, ограничивали материальные выплаты жертвам преступлений. В результате, такие случаи, за редким исключением, оставались без наказания виновника,

т. к. командиры любым путем старались вывести своих подчинённых из-под «удара», способствуя их дальнейшему оправданию.

Таким образом, «двойные стандарты» традиционно присутствуют в военно-политической сфере Великобритании, что позволяет трактовать те или иные события и подходы в выгодном для страны ракурсе. В истории известен ряд фактов, когда Великобритания и ее вооруженные формирования безнаказанно нарушали нормы международного гуманитарного права, прикрываясь демагогическими отговорками или откровенно игнорируя общественное мнение у себя в стране или за рубежом. Такие действия в совокупности носили системный, антиправовой и аморальный характер. В ряде случаев присутствовала незадекларированная зависимость СМИ от политики Великобритании; наличие цензуры и притеснения свободы прессы, в том числе из соображений превратно понимаемой безопасности; корректировка механизма обратной связи с органами власти через пресс-службы; двойное отношение к принципам информационной политики, подкуп журналистов, редакционное давление на них и др. При таких обстоятельствах перед международным сообществом остро стоит вопрос о равенстве государств, включая Великобританию, в международном правовом пространстве в историческом контексте.

Список источников и литературы

1. Charles E. R. The Draytons and the Davenants: A story of the Civil Wars. London, 1867. 494 p.
2. Геевский И. А. Расистская политика американских империалистов. М.: Госполитиздат, 1954. 248 с.
3. Тимошук А. С. Онтология двойных стандартов // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 1.
4. Булипопова Е. В. «Двойные стандарты»: проблема и понятие в дискурсивном пространстве современной политической теории // Политическая лингвистика. 2011. № 1(35).
5. Тузова А. Ф. «Двойные стандарты» в массмедийной практике: социально-политический анализ: дис. ... канд. полит. наук. С-Пб., 2010. 282 с.
6. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2000. № 187.
7. Булипопова Е. В. Проблема двойных стандартов в современном политическом дискурсе: теоретический анализ: дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2011. 155 с.
8. Редакционные ценности Би-Би-Си. [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/help/newsid_4662000/4662388.stm (дата обращения: 24.09.2021).
9. Satter D. The Less You Know, the Better You Sleep: Russia's Road to Terror and Dictatorship under Yeltsin and Putin. London, 2016. 240 p.
10. Министр обороны Великобритании предупредил Российскую Федерацию о высокой цене за провокации. [Электронный ресурс]. URL: <https://www/bfm.ru/news> (дата обращения: 11.09.2021).
11. Брифинг первого заместителя начальника Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерал-лейтенанта Виктора Позни-

- хира. [Электронный ресурс] URL: <https://function.mil.ru/news> (дата обращения: 10.09.2021).
12. British troops in Afghanistan have faced 99 inquiries into actions. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/oct/04/british-troops-afghanistan-civilian-casualties> (дата обращения: 25.09.2021).
 13. British War Crimes Shouldn't Go Unpunished. // The online magazine «New Eastern Outlook». 6 Oct. 2016. [Электронный-ресурс] URL: <https://journal-neo.org> (дата обращения: 15.09.2020).
 14. Why we may never know if British troops committed war crimes in Iraq. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/news> (дата обращения: 21.12.2018).
 15. В Британии распустят группу по расследованию деятельности военных в Ираке. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20170211/1487737482.html> (дата обращения: 11.08.2021).

© Бандурин С. Г., Козубов А. А., 2022

Научная статья

УДК 93/94+323.4

МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПЛАНАХ ВОЕННЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

Бучко Н. П., доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат исторических наук, доцент

В статье проанализированы отдельные идеи представителей военно-политического руководства антибольшевистских сил на в годы Гражданской войны на Востоке России о путях политического развития страны. Они отражали представления военных на будущее России, которые во многом опирались на их идеалистические идеи, без учета политических факторов внутреннего и внешнего содержания.

Ключевые слова: гражданская война в России военно-политическое руководство, политические взгляды.

Для цитирования: Бучко Н. П. Модели политического развития России в планах военных руководителей в годы Гражданской войны на востоке России // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 27–31.

Original article

MODELS OF POLITICAL DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE PLANS OF MILITARY LEADERS DURING THE CIVIL WAR IN THE EAST OF RUSSIA

Buchko N. P., associate Professor of the Department of General Education Disciplines of the Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice, candidate of history, associate professor

The article analyzes certain ideas of representatives of the military-political leadership of anti-Bolshevik forces during the Civil War in the East of Russia about the ways of political development of the country. They reflected the military's vision for the future of Russia, which relied largely on their

idealistic ideas, without taking into account political factors of internal and external content.

Keywords: Civil war in Russia military-political leadership, political views.

For citation: Buchko N.P. Models of political development of Russia in the plans of military leaders during the Civil War in the East of Russia. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 27–31. (In Russ.).

Военно-политическое руководство антибольшевистских сил на Востоке России в годы Гражданской войны формировало свои представления о перспективах политического развития страны, выражая в них различные политические идеи и планы. Во многом они отражали тот незначительный политический опыт, который многие военные имели к моменту наступившего в России катаклизма.

Главенствующее положение в иерархии военных руководителей антибольшевистских сил занимал бывший командующий императорского Черноморского флота вице-адмирал А. В. Колчак. Политические взгляды Колчака формировались еще до Первой мировой войны. По его мнению «... сущность государственной политики покоится на тех же началах, что и военное дело, так как политика является лишь формой основного представления о борьбе, общего в приложении к решению государственных задач, достижению стратегических или тактических целей» [6, с. 291].

События 17 ноября 1918 г. в Омске и принятие на себя Колчаком полномочий Верховного правителя России в корне изменили политическую картину антибольшевистской Сибири и Дальнего Востока. Произошедшее заставило адмирала окунуться в процессы не только военного характера, но и политической практики, без которой было невозможно управлять регионом.

Еще до войны, формулируя пути возможного решения политических проблем, адмирал А. В. Колчак отмечал возможность применения вооруженного принуждения как вероятного средства политического противостояния, а саму войну он определял как неперемное проявление общественной жизни [6, с. 264, 303]. Такие идеи не могли не сказаться на той политической практике, которая была реализована колчаковским режимом.

При решении внутривнутриполитических задач, стоящих перед властью Колчака, сам Верховный правитель отдавал предпочтение военной креатуре, направляя ее на решение возникающих проблем. Военная составляющая власти, по мнению адмирала, являлась основой ее существования [1, с. 283, 284]. В своей политике адмирал исключал какие-либо послабления и только надвигающийся крах режима, на фоне военных поражений во второй половине 1919 г. подвиг Верховного правителя пойти на создание Государственного Земского Совещания, которое должно стать инструментом содействия правительству при переходе от «суровых начал военного управления» к «началом жизни мирной» [9].

Оценивая колчаковский режим в его политических характеристиках необходимо отметить, что он не соответствовал ни парламентской демократии, ни президентской республике [2]. Сам режим опирался на военную силу и ограничивал функции гражданской власти чисто номинальными функциями. Фактически правление адмирала А. В. Колчака представлялось как военная диктатура. Верховный правитель разделял идеи беспартийности армии и политики «непредрешения» в проблемах будущего политического устройства России. Уже в первом своем обращении к населению 18 ноября 1918 г. адмирал Колчака заявил: «... Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру [10]. Отчасти именно эти идеи не позволили Колчаку обуздать сепаратизм дальневосточных казачьих атаманов, достичь соглашения с территориями национальных окраин России.

В перечне военных руководителей антибольшевистских политических сил Востока России в годы Гражданской войны важное место занимал походный атаман Забайкальского казачьего войска Г. М. Семенов. Колчаковский режим обвинял атамана в сепаратизме, и тому было достаточное основание. Приход к власти в Омске Колчака не вызвал у Семенова одобрение. В это же время он начал предпринимать усилия по созданию панмонгольского государства, что нашло одобрение в некоторых кругах военно-политического руководства Японии и бурятского национального движения, не получивших поддержки автономии Бурятии в Омске.

25 февраля 1919 г. в Чите начал работу съезд приверженцев панмонголизма. В работе съезда приняли участие атаман Семенов и его помощники, представитель японской военной миссии. По итогам работы форума было принято решение о создании независимого «Велико-монгольского государства». Новое государство должно было включать в себя все земли Внутренней и Внешней Монголии, Забайкалья и Тибета. Северная граница этого искусственного новообразования проходили до озера Байкал на севере, охватывая часть российской территории, хребта Тянь-Шань на западе и Большого Хингана на востоке [5, с. 762–763]. На съезде прозвучали заявления о создании армии под командованием атамана Семенова, в которую планировалось призвать более 20 тыс. человек [7, с. 258]. Все это пользовалось негласной поддержкой со стороны Японии [16, с. 183.].

Идея объединения национальных сил под лозунгом панмонголизма так и осталась только декларацией. было не суждено сбыться. Появление «Велико-монгольского государства», не входило в планы монгольской верхушки Внешней Монголии и не могло получить поддержки колчаковского режима, считавшего действия Г. М. Семенову наносящими урон единству российской государственности и носящие сепаратистский характер. Несмотря на попытки

самого Семенова поддерживать существование новогосударственного образования, уже осенью 1919 г. оно прекратило свое существование [7, с. 260].

Практически последней попыткой реанимировать антибольшевистскую государственность стала деятельность одного из военных руководителей белых сил на Востоке России генерала М. К. Дитерихса на юге Приморья во второй половине 1922 г. Его приход к власти в регионе был обусловлен кризисом правительства Меркуловых и его неспособностью противостоять надвигающейся угрозе уничтожения большевиками. Против власти выступили военные, что привело Дитерихса на вершину политической власти в Приморье, который приказом Председателя правительства С. Д. Меркулова 11 июня 1922 г. № 320 был назначен Командующим войсками и флотом Приамурского государственного образования [Русская армия. 1922. 14 июня]. Военные выступили инициаторами созыв Земского Собора для определения будущего власти в регионе [4, л. 7]. 23 июля 1922 г. Во Владивостоке начал свою работу Приамурский Земской Собор, который 5 августа 1922 г. избрал Правителем образованного Приамурского Края генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса [13].

На заседании Собора 8 августа 1922 г. Дитерихс заявил о приверженности монархической идее. Главной задачей своего правления генерал видел борьбу с властью большевиков, а желание предыдущих белых режимов притязать на всероссийский уровень было подвергнуто им критике [14]. Указом за № 1 М. К. Дитерихс предписал созыв Земской Думы, которой принадлежала исполнительная власть и формирование Приамурского Церковного Собора. В конфигурации новой власти армия стала именоваться «земской ратью», Дитерихс стал именоваться ее «воеводой» [15].

Фактически заявив о начале своего правления на основе монархической идеи, рассчитывая на спасение великого князя Михаила Александровича, новые приморские власти высказались о поддержке членов дома царской семьи, наладили контакты с представителями бывшей правящей династии с целью прояснения вопроса о восстановлении правления Романовых в России. Лозунгом Рати стали слова «За веру, царя Михаила и Родину!». Основной административной единицей нового государственного образования стал церковный приход, который управлялся Советом района во главе с пастырем по духовным делам и назначаемым Председателем из прихода по гражданскому управлению. Те кто не исповедовал религии, лишался гражданства Приамурского края и подлежал выселению за пределы региона [3, л. 242]. По мнению одного из руководителей конституционно-демократической партии П. Н. Милюкова в Приморье ставился эксперимент в старо-монархическом стиле с возможным расчетом на всероссийский масштаб [8, с. 189].

Рестаurationный монархический эксперимент генерала Дитерихса не увенчался успехом. В октябре 1922 г. он пал под ударами Народно-революционной армии Дальневосточной республики, не получив и необходимой поддержки и среди населения региона.

Попытку объяснить неудачи военно-политического руководства белых сил в годы Гражданской войны предприняли сторонники правоконсервативных

сил заявивших, что в основе поражения были нежелание некоторых классовых элементов примириться с переходом земли в руки крестьян, пренебрежительное отношение властей к местным силам и возвращением к старым приемам управления, промедление в вопросах восстановления основ экономической жизни населения, нежелание пойти навстречу законным требованиям автономии и свободы национального самоопределения, ослабление связи между армией и населением, разложение в рядах самой армии, насилие над населением [11, с. 12–13].

Вместе с этим необходимо отметить, что реализуемые военно-политическим руководством белых сил на Востоке России модели политического развития носили лишь декларационный характер, на деле же не учли характер меняющейся России, ставшей на путь кардинальных общественно-политических перемен.

Список источников и литературы

1. Арестант пятой камеры. М.: Политиздат, 1990. 479 с.
2. Бучко Н.П., Ципкин Ю.Н. Политические взгляды и деятельность А.В. Колчака в 1917–1920 гг. // Армия и общество. Научно-информационный журнал. 2014. № 6 (43), С. 46–51.
3. Государственный архив Хабаровского (ГАХК). Ф. П-44. Оп. 1. Д. 40.
4. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 147.
5. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край: Том второй: исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.: Комитет Монгольской Народной Республики, 1926. 900 с.
6. Колчак В.И., Колчак А.В. Избранные труды. СПб.: Судостроение, 2001. 384 с.
7. Курас Л.В. Геополитические амбиции атамана Семенова: попытка создания федеративного «Велико-Монгольского государства» // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 255–261.
8. Милуков П.Н. Россия на переломе: Большевицкий период русской революции. Т. II. Антибольшевистское движение. Париж: Б. и., 1927. 281 с.
9. Правительственный вестник. 1919. 17 сентября.
10. Правительственный Вестник. 1918. 20 ноября.
11. Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти т. / Т. 4. Протоколы зарубежных групп конституционно-демократической партии. Май 1920 г. – июнь 1921 г. М.: Прогресс-Академия, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. 544 с.
12. Русская армия. 1922. 14 июня.
13. Русская армия. 1922. 6 августа.
14. Русская армия. 1922. 9 августа.
15. Русская армия. 1922. 11 августа.
16. Шулунов Ф. Из истории паназиятской политики милитаризма // Революционный Восток. 1924. № 6 (28). С. 181–195.

© Бучко Н.П., 2022

Научная статья

УДК 94 (47).083

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ С СОЮЗНЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Виноградов П. В., начальник кафедры естественно-научных и специальных дисциплин, Дальневосточной пожарно-спасательной академии – филиала, Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, кандидат исторических наук

В статье рассматриваются вопросы военно-технического сотрудничества Российской империи с союзниками в годы Первой мировой войны. Проанализированы основные структурные элементы, определяющие организацию и функционирование данной системы межгосударственного взаимодействия России с государствами Антанты во время войны.

Ключевые слова: Антанта, военно-техническое сотрудничество, военные заказы и поставки, транспортировка грузов.

Для цитирования: Виноградов П. В. Военно-техническое сотрудничество России с союзными государствами в годы Первой мировой войны // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 32–35.

Original article

MILITARY-TECHNICAL COOPERATION OF RUSSIA WITH THE ALLIED STATES DURING THE FIRST WORLD WAR

Vinogradov P. V., Head of the Department of Natural Sciences and Special Disciplines, Far Eastern Fire and Rescue Academy – Branch, St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Candidate of History

The article deals with the issues of military-technical cooperation of the Russian Empire with the allies during the First World War. The main structural elements determining the organization and functioning of this system of interstate interaction between Russia and the Entente states during the war are analyzed.

Keywords: Entente, military-technical cooperation, military orders and supplies, cargo transportation.

For citation: Vinogradov P. V. Military-technical cooperation of Russia with the allied states during the First World War. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 32–35. (In Russ.).

Первая мировая война обнажила глубокий кризис в снабжении русской армии предметами военного имущества. Армия, промышленность и правительство оказались не подготовленными к затяжной и крупномасштабной войне. Отечественная экономика была не в состоянии в сжатые сроки удовлетворить потребности фронта, поэтому царское правительство вынуждено было обращаться за помощью к союзникам [1, с. 64–65]. Размер предметов военного назначения требуемых для фронта был по словам военного министра А. А. Поливанова «громаден, особливо в винтовках и пушечных снарядах» [2, с. 135–136]. В связи с чем, в годы войны поставки вооружений и стратегического имущества от государств Антанты – Великобритании, Франции, Японии и Италии, а также США – имели важное значение для оснащения оружием российских вооруженных сил. Например, по свидетельству главы Русского заготовительного комитета в США генерала-лейтенанта А. П. Залюбовского в 1915 г. поставки винтовок из-за границы «...сыграли существенную роль, так как 60 % из общего количества поступивших ружей были иностранного образца» [3, с. 78]. Не менее $\frac{1}{3}$ артиллерийских боеприпасов, поступивших в войска в годы войны, были заграничного производства [4, л. 177]. Поэтому во время войны потребовалось сформировать отдельную систему межсоюзных взаимоотношений, а именно, систему военно-технического сотрудничества.

Формируемая в годы войны система военно-технического сотрудничества с союзниками включала в себя три взаимосвязанных элемента.

Первый и главный элемент – это поставки оружия и стратегического имущества. Для их осуществления потребовалось сформировать специализированные государственные органы, занимающиеся разрешением всех вопросов, связанных с военными поставками.

На размеры и масштабы заграничных поставок, особенно в 1914–1915 гг. негативное влияние оказывало отсутствие четко очерченного круга правительственных ведомств, выполнявших данную функцию. Фактически, каждое царское ведомство самостоятельно занималось размещением заказов за рубежом, используя услуги посредников, что вело к удорожанию контрактов и, зачастую, приводило к финансовым аферам, осуществляемым посредниками, услугами которых пользовались при закупках оружия. Генерал-лейтенант А. С. Лукомский, в годы войны занимавший должность помощника военного министра, и, естественно близко знакомый с организацией иностранных поставок, в своих мемуарах писал, что «еженедельно не менее двух-трех часов, принимал всевозможных лиц, являвшихся с предложениями доставить то или иное» [5, с. 282]. Военно-морской атташе в Великобритании в одной из

своих телеграмм, затрагивая деятельность комиссионеров, не без сожаления писал, что «сотни и сотни тысяч идут в карман этих хищников...все эти господа делают все, чтобы дискредитировать нашу деятельность и самим получить заказы, так как мы стоим поперек их горла» [6, л. 18].

Пресечь подобную практику и создать централизованный механизм размещения и закупки вооружений за границей удалось только к началу 1916 г. Для этого в странах, где осуществлялись и размещались наиболее масштабные закупки и заказы – США и Великобритания – были образованы специальные Заготовительные комитеты. В России в иерархии государственных органов власти полномочиями по организации и размещению военных заказов за рубежом наделялись: Особое совещание по обороне государства, Военное министерство и Министерство финансов.

Однако, поставки стратегических материалов были бы невозможны без их финансового обеспечения. На масштабы заграничных поставок существенное влияние оказывали финансовые возможности царского правительства. Поэтому финансовые взаиморасчеты по военным заказам России в союзных и нейтральных государствах являлись еще одним важнейшим элементом военно-технического сотрудничества. Начиная с середины 1915 г., оплата заграничных заказов производилось за счет кредитов, предоставленных союзниками, главным образом, Великобританией. Председатель Русского заготовительного комитета в Англии в телеграмме министру финансов отмечал: «Отсутствие свободного кредита самым пагубным образом отражается на размещении заказов. Не только новые заказы трудно провести, но и некоторые заказы, уже окончательно решенные фактически, не размещаются за отсутствием кредитов» [7, л. 223]. Выявилась жесткая зависимость объемов иностранных поставок от размеров кредитов, предоставляемых союзниками.

Для обеспечения оплаты военных заказов и закупок российским правительством в течении войны были заключены финансовые соглашения с государствами Антанты. Кроме того, финансовые займы союзников в военное время предоставлялись и для покрытия долгов русских банков, промышленных и коммерческих фирм. В итоге суммарная задолженность царского правительства союзным странам за период с августа 1914 г. по октябрь 1917 г. составила 7,7 млрд руб [8, с. 520].

Немаловажным элементом военно-технического сотрудничества оказалось морская транспортировка грузов в Россию. Военные действия на морском театре Первой мировой войны обуславливали возможность использования для морских перевозок только второстепенные морские порты на Европейском севере и Дальнем Востоке страны. Современные Балтийские и Черноморские порты оказались блокированными. Причем, к началу войны на Севере и Дальнем Востоке оказалось всего 70 и 38 отечественных торговых судов, которые по своим характеристикам были малотоннажными и тихоходными. Поэтому уже к осени 1915 г. российская сторона столкнулась с острой нехваткой тоннажа для перевозки грузов из-за границы [9, С. 200, 203]. Наличных сил российских торговых судов не хватало для осуществления масштабных и систематических морских перевозок.

Выход удалось найти путем заключения англо-русского соглашения о морских перевозках весной 1916 г. Английская сторона предоставляла свои суда, а также фраговала пароходы судовых компаний для морской перевозки грузов из Северной Америки и, собственно, Великобритании в Архангельск, и, частично во Владивосток. Транспортировка грузов в Россию из Франции также осуществлялась с привлечением французских торговых судов. Однако, даже задействование в перевозках российских стратегических грузов союзного торгового флота не могло кардинально увеличить объемы перевозок. К 1917 г. в Великобритании, Франции, США и Японии скопилось значительное количество военного и стратегического имущества, ожидавшего своей транспортировки в Россию.

Таким образом, в годы Первой мировой войны военно-техническое сотрудничество с союзниками играло важную роль в снабжении российской армии военным снаряжением. Для его надлежащего формирования требовалось организовать взаимодействие с союзными странами не только в сфере непосредственных поставок оружия, но и в области финансовых взаиморасчетов за военные закупки и поставки, а также наладить регулярную морскую транспортировку грузов в Россию. Все эти факторы, в конечном итоге, оказывали значительное влияние как на размеры союзной помощи, так и на ее эффективность. В итоге, стройную систему военно-технического взаимодействия удалось сформировать только к 1916 г., поэтому основной поток союзной помощи пришелся на 1916–1917 гг., когда пик кризиса вооружений царской армии уже прошел.

Список источников и литературы

1. Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 391 с.
2. Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. / А. А. Поливанов. М.: Высший военный редакционный совет, 1924. Т. 1. 240 с.
3. Залюбовский А. П. Снабжение русской армии в Великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним. Белград, Центральное правление общества офицеров артиллеристов за рубежом, 1936. 127 с.
4. ГА РФ Государственный архив Российской Федерации (Государственный архив Российской Федерации) Ф. Р – 6173. Оп. 1. Д. 26.
5. Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. М.: Айрисс-пресс, 2012. 752 с.
6. РГА ВМВ (Российский государственный архив Военно-морского флота) Ф. 403. Оп. 1. Д. 607. Л. 1.
7. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив) Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5469. Л. 223.
8. Сидоров А. Л. Финансовое положение России в Первой мировой войне. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 579 с.
9. Россия в стратегии Первой мировой войны. / Под ред. А. Ю. Павлова: в 2-х кн. СПб.: изд-во РХГА, 2014. Кн. 1. 316 с.

Научная статья

УДК 94

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ МОРСКИХ РУБЕЖЕЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В 1930-Е ГГ.: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ

*Мартынюк Э.А., преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
Владивостокского филиала Дальневосточного юридического инсти-
тута МВД России*

Статья посвящена анализу исследований по обеспечению безопасности морских рубежей Дальнего Востока России в 1930-е гг. Автор обращает внимание на то, что исследователи проделали большую работу по выявлению новых источников и интерпретации исторических событий. Систематизация и анализ имеющихся трудов позволили подвести некоторые итоги исследования истории обеспечения безопасности морских дальневосточных территорий, выявить тенденции и особенности изучения.

Ключевые слова: Дальний Восток, Россия, безопасность, морские рубежи, изучение, основные направления, новые подходы.

Для цитирования: Мартынюк Э. А. Обеспечение безопасности морских рубежей Дальнего Востока России в 1930-е гг.: основные направления изучения // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 36–41.

Original article

ENSURING THE SECURITY OF SEA BORDERS THE RUSSIAN FAR EAST IN THE 1930S: THE MAIN DIRECTIONS OF STUDY

*Martyniuk E.A., teacher of the Department of Humanities of the Vladivostok
branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of
Russia*

The article is devoted to the analysis of research on ensuring the security of the maritime borders of the Russian Far East in the 1930s. The author draws attention to the fact that researchers have done a lot of work to identify new sources and interpret historical events. Systematization and analysis of the available works allowed us to summarize some results of the study of ensur-

ing the safety of the maritime Far Eastern territories, to identify trends and features of the study.

Keywords: The Far East, Russia, security, maritime frontiers, study, main directions, new approaches.

For citation: Martynyuk E. A. Ensuring the security of sea borders the Russian Far East in the 1930s: the main directions of study. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 36–41. (In Russ.).

Надежное обеспечение морской безопасности стало в современный период для многих стран мира, в том числе и для Российской Федерации, одной из самых актуальных задач. От обеспечения морской безопасности существенным образом зависит национальная безопасность Российской Федерации.

Географические условия России, разобщенность морских театров обуславливает наличие на каждом из них отдельных флотов со своими системами обеспечения, способными решать самостоятельно стоящие перед ними задачи, что в свою очередь создает специфику в системе управления. Решение этой проблемы в современных условиях, при ограничении выделяемых на флот ресурсов, требует нестандартных решений [11, с. 72].

С возрастанием значения тихоокеанского побережья для России в современных условиях возникает необходимость осмысления исторического опыта развития страны по обеспечению безопасности морских рубежей Дальнего Востока России. Одним из таких периодов является 1930-е гг.

Изучение темы берёт начало с 30-х годов XX века, когда она была представлена в основном журнальными и газетными статьями советских, партийных и военных руководителей Дальневосточного края, посвященными ходу выполнения пятилетних планов, успехам социалистического строительства. Большое значение для раскрытия военных проблем того времени имели публикации В. В. Иванова, А. Стаселько, Н. Терентьева [10; 20; 21], в которых рассматривались вопросы организации артиллерийской обороны укрепленных районов, различные типы советских и зарубежных военных кораблей, организация военно-морских сил и др. Авторы этих работ опирались на более ранние научные труды военных специалистов-теоретиков М. Петрова, Н. Ермакова, В. В. Яковлева [7; 19; 39], раскрывавших задачи береговой обороны и флота, проблемы устройства укрепленных районов и крепостей.

В годы Великой Отечественной войны и послевоенный период тема не привлекала внимание исследователей. Тем не менее, в 1946 г. в Военном издательстве вышла публикация о Краснознаменной Амурской флотилии [13].

Решения XX съезда КПСС (1956 год) оказали влияние на активизацию идейно-политической жизни страны: формируются научно-исследовательские центры, открываются научные журналы, оживляется научно-исследовательская работа. В работах А. М. Пашкова, раскрываются проблемы организации и усиления охраны границы Дальнего Востока в условиях нарастания вооружённой опасности [15; 16].

В 60–70-х гг. XX в. вышли в свет коллективные научные сборники и очерки, посвященные развитию Пограничных войск и Тихоокеанского флота [9; 12]. Важной для исследования темы является работа Ю. Г. Перечнева, посвященная развитию береговой артиллерии на Тихоокеанском побережье, её боевому применению в годы Великой Отечественной войны [17].

Динамика развития военно-воздушных сил Тихоокеанского флота, их роль в укреплении обороны Дальневосточного побережья специально была рассмотрена в работах Ф. М. Аржанова, М. Е. Чевычелова [1; 35], в которых было приведено соотношение военно-морских и речных сил СССР и Японии в предвоенные годы, уточнены и дополнены проблемные вопросы истории ТОФ.

В 1990 году вышел краткий исторический очерк о пограничных войсках Советского Союза, в котором имелись некоторые данные о пограничном строительстве на Дальнем Востоке в межвоенный период [14].

Переход страны в 1991 году на новую модель социально-экономического и политического развития сопровождался отказом от марксизма-ленинизма как государственной идеологии, что породило новый период в отечественной историографии. Снятие грифа секретности с большого объема архивных документов и материалов межвоенного периода способствовало расширению тематики исследований, повышению научного уровня, углублению исследования по данной теме.

В первую очередь следует выделить такое важное направление в исследовании, как оборонный потенциал СССР, в особенности его создание на Дальнем Востоке, которое рассматривалось в контексте внешней и внутренней политики Советского государства. Это направление активно разрабатывалось дальневосточными авторами: В. М. Песковым, Г. А. Ткачевой, Н. В. Вишневым и др. [2; 18; 23; 36; 38], которые рассматривали вопросы развития военного строительства на Дальнем Востоке СССР, укрепления оборонного потенциала в довоенные и военные годы.

Значительный пласт трудов по исследуемой теме связан с историей становления и развития Российского и Тихоокеанского флотов, а также Амурской флотилии [8; 11; 34]. Исследователи А. Б. Григорьев и В. Ю. Грибовский изучали развитие военно-морского флота и морской авиации, применение гидроавиации в предвоенные и военные годы [4; 5]. В коллективном труде Н. С. Митичкина, В. В. Кулагина и В. Н. Муратова в краткой форме представлены этапы зарождения, становления и развития Тихоокеанского флота, трагические страницы его истории и периоды наивысшего расцвета ВМФ, начиная с XVIII века до наших дней [22].

С 2010-х годов не только увеличивается количество исследований, посвященных истории обеспечения безопасности морских рубежей Дальнего Востока России в 1930-е гг. [3; 6, с. 567–574], но и получает развитие новое направление в отечественной региональной историографии – изучение истории Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) [24; 25; 28].

В работах А. В. Усова рассматриваются особенности создания ЭПРОН на Дальнем Востоке. Обращается внимание на то, что в отличие от центральных

регионов России, Отдельная Дальневосточная партия Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) СССР была создана только в 1932 г. Перед этим подразделением ставилась задача по выполнению судоподъемных, аварийно-спасательных и водолазных работ на территориях Восточной Сибири и Дальневосточного края. Являясь аварийно-спасательной организацией, ЭПРОН занимался не только судоподъемом, но и в значительной мере выполнял задачи, связанные с обеспечением боевой деятельности Военно-Морских сил Рабоче-крестьянской Красной Армии, участвуя в повседневной учебно-тренировочной работе военных флотов и флотилий [29; 31; 32].

Исследуется исторический опыт деятельности Аварийно-спасательной службой Тихоокеанского флота (АСС ТОФ) в годы Великой Отечественной войны и боевых действий с Японией [26; 27; 30; 33]. Главное внимание уделяется созданию и функционированию аварийно-спасательных формирований в основных военно-морских базах СССР на Тихоокеанском направлении. Анализируются потери советского и иностранного корабельного состава, а также итоги деятельности по выполнению АСС ТОФ судоподъемных и аварийно-спасательных операций, прослеживаются их особенности. Отмечается, что большинство фактических операций производились внепланово, по составленным на месте аварии проектам.

Собранный и проанализированный исследователями материал позволяет им не только обобщить особенности деятельности ЭПРОН на Тихоокеанском направлении, но и оценить уровень изученности различных аспектов темы и перспективы формирования источниковой базы [34; 37].

Таким образом, изучение обеспечения безопасности морских рубежей Дальнего Востока России в 1930-е гг. получило значительное развитие в дальневосточной историографии и имеет свою специфику. Интерес к изучаемой проблеме начиная с 1930-х г. и до настоящего времени наблюдался как у практических работников, так и ученых. Основными видами исследований в рамках изучаемой проблемы были монографии и статьи. Ученые проделали большую работу по выявлению и систематизации новых источников. В современный период получает развитие новое направление в отечественной региональной историографии – изучение истории Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН).

Список источников и литературы

1. Аржанов Ф. М. Из истории строительства Советских Вооруженных Сил: К вопросу создания и укрепления Тихоокеанского Военно-морского флота (1932–1941 гг.). Л.: ЛВИКА им. А. Ф. Можайского, 1963.
2. Вишневикий Н. В. Особенности советского оборонительного строительства на Тихоокеанском побережье в 1937–1945 гг. // Сахалин и Курилы в войне XX века: материалы научной конференции (7–10 июня 2005 г.). Южно-Сахалинск, 2005.
3. Галактионов Е. Н. Создание системы укрепленных районов для обеспечения обороны морского побережья Дальнего Востока СССР в 1930-е годы // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2014. Выпуск 1. С. 39–46.

4. Грибовский В.Ю. Морская политика СССР и развитие флота в предвоенные годы. 1925–1941 гг. М., 2006.
5. Григорьев А.Б. История развития и боевого применения гидроавиации отечественного военно-морского флота (1910–1945 гг.): автореф. дис. ...канд. ист. наук. М. 1993. 30 с.
6. Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. Том 3. Книга 3. Сер. История Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2020. 944 с. 567–574.
7. Ермаков Н. Оборона берегов и как флот помогает сухопутным войскам. М. – Л: Государственное издательство РСФСР отдел военной литературы, 1928. 64 с.
8. Зайцев Ю.М. Инженерно-строительные органы ТОФа в 1932–1945 гг. Владивосток: ТОВМИ им. С. О. Макарова, 2007. 175 с.
9. Захаров, С.Е.; Захаров, М.Н.; Багров, В.Н. и др. Тихоокеанский флот. М.: Воениздат, 1966. 286 с.
10. Иванов, В.В. Артиллерийская оборона укрепленных полос. М.: Государственное военное издательство, 1932. 143 с.
11. Кокошин А.А. Военно-морской флот России. М.: Паспорт Интернэшнл, 1997. 180 с.
12. Комсомол Краснознаменного Тихоокеанского флота [Текст] / [Ред. коллегия: М.Н. Захаров (отв. ред.) и др.]. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1970. 358 с.
13. Краснознаменная Амурская флотилия: материалы по истории. М.: Воен. изд-во, 1946. 164 с.
14. На Тихоокеанских рубежах: краткий исторический очерк о пограничных войсках / И.И. Петров, В.И. Катунцев; Тихоокеанский пограничный округ КГБ СССР. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1990. 607 с.
15. Пашков А.М. Борьба Коммунистической партии, Советского правительства за обеспечение безопасности дальневосточных границ СССР в условиях нарастания угрозы фашистской агрессии (1937 – июнь 1941 гг.): препринт. Южно-Сахалинск: СахКНИИ, 1983. 49 с.
16. Пашков А.М. Деятельность Коммунистической партии по обеспечению безопасности дальневосточных границ 1922–1941. Владивосток, 1976.
17. Перечнев Ю.Г. Советская береговая артиллерия: История развития и боевого применения. 1921–1945. М.: «Наука», 1976. 336 с.
18. Песков В.М. Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX века. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2000. 344 с.
19. Петров М. Оборона берегов: Критический очерк задач и взаимодействий различных родов вооруженных сил при обороне берегов. М. – Л: Государственное военное издательство, 1926. 56 с.
20. Стаселько А. Военно-морские силы. Флот, береговая оборона и морская авиация. М.: Государственное военное издательство, 1931. 76 с.
21. Терентьев Н. Очаг войны на Дальнем Востоке. М.: Партиздание, 1934. 255 с.
22. Тихоокеанский флот России 1731–2006 гг.: Ист. очерк: К 275-летию. / Н.С. Митичкин, В.В. Кулагин, В.Н. Муратов. Владивосток: Дальнаука, 2006. 285 с.
23. Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Хабаровск: ХКМ им. Гродекова, 2013. 339 с.
24. Усов А.В. Подъем из глубины десятилетий: Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) СССР – 95 лет! // Клио. 2019. № 1 (145). С. 136–142.
25. Усов А.В. «Героический ЭПРОН спас и отбуксировал...». Формирование образа экспедиции подводных работ особого назначения как символа успехов социалистического строительства в СССР 1930-х гг. // The Newman in Foreign Policy. 2021. Т. 2. № 59 (103). С. 39–44.

26. Усов А. В. Аварийно-спасательная служба Тихоокеанского флота 1941–1945 гг. // Клио. 2018. № 1 (133). С. 137–144.
27. Усов А. В. Краснознаменная экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом океане: основные направления взаимодействия с органами госбезопасности (1932–1942 гг.) // Клио. 2021. № 3 (171). С. 152–156.
28. Усов А. В. Развитие и деятельность экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом океане в начале 1940-х гг. (к 90-летию ЭПРОН ТОФ) // Актуальные исследования в области гуманитарных наук. Материалы международной научно-практической конференции. Хабаровск: Научно-методический издательский центр «Форпост науки», 2022. С. 35–41.
29. Усов А. В. Спасение подводной лодки "Щ-130" Тихоокеанской Экспедицией подводных работ Краснознаменного ЭПРОН СССР (1937 г.) // Материалы 62-й Всероссийской научной конференции: сборник научных статей. Владивосток: Тихоокеанское высшее военно-морское училище имени С. О. Макарова, 2019. С. 78–84.
30. Усов А. В. Специфика деятельности ВМФ в условиях изменения стратегических позиций СССР в Тихом океане в 1945 г. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 1(57). С. 98–101.
31. Усов А. В. Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом океане: спасение подводных лодок типа "Щ" как вклад в укрепление оборонного потенциала Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 7. С. 1347–1353.
32. Усов А. В. Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихоокеанских рубежах СССР (1941–1943 гг.) // Исторические чтения на Лубянке. История отечественных спецслужб: источниковедение и историография. материалы XXV международной научной конференции. М.: Фронткига, 2021. С. 138–142.
33. Усов А. В., Шабельникова Н. А. Морская спасательная служба дальневосточного бассейна России на рубеже XX–XXI вв.: особенности и перспективы формирования исторической базы // История современности: информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом. Доклады Международной научно-практической конференции. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. С. 405–410.
34. Чевычелов, М. Е. Тихоокеанские соколы (очерки из истории ВВС ТОФ). Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1983.
35. Шабельникова Н. А. Великая Победа в памяти поколений: Вторая мировая война в современной дальневосточной историографии // Клио. 2019. № 1 (145). С. 36–42.
36. Шабельникова Н. А. Морская спасательная служба Дальнего Востока России: к вопросу о формировании нового направления в отечественной региональной историографии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX международной научно-практической конференции. Благовещенск: БГПУ, 2019. С. 307–313.
37. Шабельникова Н. А., Усов А. В. Военно-мобилизационная работа НКВД Приморского края в начальный период Великой Отечественной войны // Клио. № 11 (179). С. 143–149.
38. Яковлев В. В. Атака и оборона долговременно-укрепленных позиций. Л.: Издание: Военно-Технической Академии РККА им. Дзержинского, 1929. 386 с.

Научная статья

УДК 94

ПОДГОТОВКА КАДРОВ НАРОДНОЙ МИЛИЦИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ)

Милежик А. В., начальник кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат исторических наук

На основе архивных материалов Государственного архива Забайкальского края рассматриваются вопросы подготовки кадров народной милиции Дальневосточной республики, на примере деятельности Центральной милицейской инструкторской школы в период 1921–1922 гг.

Ключевые слова: народная милиция, Дальневосточная республика, органы внутренних дел, гражданская война, Центральная милицейская инструкторская школа, подготовка кадров

Для цитирования: Милежик А. В. Подготовка кадров народной милиции Дальневосточной республики (по материалам государственного архива Забайкальского края) // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 42–48.

Original article

TRAINING OF PERSONNEL OF THE PEOPLE'S MILITIA OF THE FAR EASTERN REPUBLIC (BASED ON THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF THE TRANS-BAIKAL TERRITORY)

Milezhik A. V., Candidate of History, Head of the Department of Humanitarian Disciplines of the Vladivostok Branch Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

On the basis of archival materials of the State Archive of the Trans-Baikal Territory, the issues of training personnel of the People's Militia of the Far Eastern Republic are considered, using the example of the activities of the Central Militian Instructor School in the period 1921–1922.

Keywords: people's militia, Far Eastern Republic, internal affairs bodies, civil war, Central Militian Instructor School, personnel training

For citation: Milezhik A. V. Training of personnel of the People's Militia of the Far Eastern Republic (based on the materials of the State Archive of the Trans-Baikal Territory). Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 42–48. (In Russ.).

В 2022 году отмечается важная для всех дальневосточников дата – 100-летие завершения гражданской войны на Дальнем Востоке России. Интерес исследователей к истории Дальневосточного региона не ослабевает на протяжении многих десятилетий, но юбилейная дата – это еще один повод взглянуть на события вековой давности, обсудить проблемные вопросы, ввести в научный оборот архивные документы.

Большой интерес вызывает опыт существования особого государственного образования – Дальневосточной республики (ДВР). Несмотря на фактическое внешнее управление со стороны РСФСР, Дальневосточная республика имела свою специфику, выразившуюся в наличии демократической конституции и определенном политико-идеологическом и социально-экономическом плюрализме. Имелись особенности и в системе органов государственной власти, в частности, в структуре правоохранительных органов. В отличие от РСФСР, где в качестве органа внутренних дел действовала рабоче-крестьянская милиция, в ДВР подобные функции выполняла народная милиция. Такое наименование формально нивелировало классовую сущность дальневосточной милиции и соответствовало духу конституции.

Подготовка профессиональных кадров народной милиции стала одной из важных задач Министерства внутренних дел Дальневосточной республики. В Верхнеудинске, Благовещенске и Чите формируются губернские 4-х месячные курсы подготовки милиционеров, целью которых стал выпуск сотрудников, отличавшихся «дисциплинированностью, знанием дела, выдержанностью и благонадежностью, как с политической стороны, так и со стороны нравственных качеств» [4, л. 545].

С июля 1921 г. в Чите начали работу курсы подготовки командного состава народной милиции – Центральные милицейские инструкторские курсы [3, л. 1]. 6 августа 1921 г., на основании приказа № 32 Главного управления народной милиции ДВР, курсы были реорганизованы в Центральную милицейскую инструкторскую школу (ЦМИШ) [2, л. 39]. Срок обучения для командного состава был увеличен до 6 месяцев.

В непростых условиях гражданской войны Центральная милицейская инструкторская школа осуществила три набора и два выпуска милиционеров. Значительный вклад в дело подготовки кадров народной милиции внесли: начальник милицейских курсов Прибайкальской области Виктор Николаевич Добронравов, начальники ЦМИШ – Абрам Иосифович Абрамов, Александр

Васильевич Нахлупин, Николай Васильевич Главацкий, командир роты Петр Григорьевич Пиотровский. Этих людей, несмотря на их различие в социальном происхождении, партийной принадлежности, опыте организаторской работы, служебной и педагогической деятельности, объединило одно важное дело – создание «революционного и сознательного кадра начальников народной милиции, высоко и честно несущих знамя борьбы за право, порядок, законность и укрепление власти трудящихся» [1, л. 2]. С честью выполняя свой служебный долг, они отдавали частичку своей души, радея за порученное им дело.

Особенности организации учебно-воспитательной работы и служебной деятельности в школе в период 1921–1922 гг. отражены в различных документах (приказах, протоколах, отчетах о работе, списках курсантов, штатах, анкетах, переписке командного состава школы с Главным управлением, областными управлениями милиции об организации учебного процесса и комплектовании школы, программах курсов и расписаниях занятий), хранящихся в Государственном архиве Забайкальского края (Ф. Р-402. Управление Народной милиции Министерства внутренних дел ДВР)

Руководством школы была проведена серьезная работа по укреплению дисциплины личного состава, организации учебного процесса, культурно-просветительской работы, обеспечению жизнедеятельности ЦМИШ. Показателен доклад о состоянии Центральной школы подготовки комсостава нармилиции ДВР (на январь 1922 г.) начальника школы А. В. Нахлупина [6, л. 113].

А. В. Нахлупин в докладе уделил внимание вопросам организации и комплектования школы, обеспечению аудиторным фондом, жильем и бытовыми помещениями, канцелярии и хозяйственной части, учебной и культурно-просветительской работы в школе, строевой подготовки и дисциплины.

В соответствии с представленными в докладе сведениями по штату школы было положено 117 курсантов, административного и хозяйственного состава 10 человек. Как сообщал А. В. Нахлупин, заполнить штат курсантами полностью не удалось, вследствие невыполнения наряда областными управлениями милиции. Комплектование школы затянулось на два месяца. По факту в школе обучалось 70 курсантов, большая часть которых (50 человек) была набрана из младших милиционеров, что не соответствовало требованиям телеграммы Главного правительственного инспектора народной милиции о направлении на обучение «надзирателей и старших агентов уголовного розыска, здоровых, грамотных и благонадежных в политическом отношении» [6, л. 113].

Из областей же были направлены «милиционеры, иногда совершенно малограмотные и с физическими недостатками, что конечно не может не отразиться на ходе теоретических и строевых занятий» [6, л. 113–113 об.]. Около 70% курсантов имели только начальное либо домашнее образование.

А. В. Нахлупин отмечал, что «начальниками управлений и учреждений милиции, видимо не вполне уяснены задачи и цели, возложенные на школу с одной стороны, и с другой стороны, видимо, минимальные штаты милиции не представили возможности выполнить, как разверстку полностью, так

и отправить по ней людей, удовлетворяющим требованиям школы» [6, л. 113 об.]. От Забайкальской областной милиции было направлено 18 милиционеров, Читинской городской – 6, Амурской областной – 14, Прибайкальской – 21, Читинской железнодорожной – 5, Амурской железнодорожной – 6 [6, л. 97–98 об.].

При комплектовании командным и преподавательским составом руководство школы сталкивалось с проблемой соответствия имеющихся кадров целям и задачам, возложенным Министерством внутренних дел на школу. Главным тормозом к этому, по мнению начальника школы, является недостаточная оплата труда (50–60 руб. золотом в месяц) [6, л. 114]. А. В. Нахлупин неоднократно обращался в Главное управление народной милиции о повышении окладов командному составу школы.

Следует отметить, что с проблемой комплектования сталкивался как предыдущий начальник ЦМИШ – А. И. Абрамов, так и последующие руководители школы.

Коллектив школы пытался повлиять на ситуацию всеми возможными способами. В частности, на заседании школьного совета 26 мая 1922 г. постановили «укомплектования школы произвести: 1. через центральные, профессиональные и общественные организации путем разверстки по областям; 2. через главное управление нармилиции путем разверстки по областям; и 3. командированные должны иметь не менее 20 лет, физически здоровыми и с образованием не ниже бывших 2-х классных училищ» [6, л. 167]. Указанные требования отразились в условиях приема на III курс (набор) в Центральную инструкторскую милицейскую школу [6, л. 302]. Следует отметить качественные улучшения переменного состава третьего набора, по крайней мере в политическом отношении – 22,59 % личного состава были членами или кандидатами в РКП(б). Это самый высокий показатель среди управлений и подразделений дальневосточной милиции по состоянию на 15 октября 1922 г. [5, л. 1].

Достаточно серьезной проблемой было хозяйственное обеспечение деятельности школы. Требовались помещения, пригодные для проведения учебных занятий и проживания курсантов. Полученные помещения нуждались в ремонте и оборудовании. Совместными усилиями постоянного и переменного состава школы удалось постепенно обустроить быт. Оборудованы нары на 100 человек; вставлено около 150 оконных стекол; проведена электрическая проводка на 10 лампочек; оборудована прачечная; отремонтировано 4 печи и проведены другие более мелкие работы [6, л. 114].

Часто отсутствовало необходимое – нательное и постельное белье, а также хозяйственные предметы: пилы, топоры, кадки для воды и большие чайники. В условиях недостатка финансовых средств закупить все необходимое для нужд сразу не представлялось возможным, поэтому приобреталось постепенно. Ввиду отсутствия достаточных штатов, для хозяйственных работ, закупки продовольствия и фуража руководство школы вынуждено было отрываться от учебного процесса курсантов, выполнявших обязанности артельщика, фуражира и каптенармуса.

Учебно-воспитательный процесс находился под пристальным вниманием руководства школы. Руководство учебной частью осуществлялось начальником школы и советом школы, в который входили не только командиры подразделений и преподаватели, но представители от курсантов, в информировавшие начальника школы об отношении курсантов к преподаваемым предметам, о недостатках и мерах устранения таковых, которые начальником школы могут быть приняты во внимание и вынесены на обсуждение педагогического совета. Ко всем заявлениям курсантов по улучшению учебного процесса обращалось самое пристальное внимание. А. В. Нахлупин лично посещал учебные занятия, как опытный педагог не только указывал на имеющиеся недостатки в преподавании, но и оказывал методическую помощь: «преподавателю предложено: изменить в корне метод преподавания, готовиться к лекциям на дому, разрабатывая тему конспективно до мельчайших подробностей, а к книгам и учебникам прибегать лишь в качестве справок и для цитирования основных положений милицейской службы» [6, л. 114об.].

Для постоянного учета и наблюдения за преподаваемым предметом, был введен классный журнал, куда преподавателем ежедневно вписывалось пройденный материал. Также были составлены инструкция для преподавателей, регламентирующая права и обязанности преподавателя на лекции, и инструкция для дежурных по классу.

Учебная программа включала общеобразовательные и специальные предметы: уголовное право и уголовный процесс, конституционное и административное право, милицейскую службу, воинские уставы, судебную медицину, политграмоту, русский язык, математику, естествознание, географию, тактику и топографию. Для развития нравственного воспитания в школе была избрана культурно-просветительная комиссия, которая организовала секции: изучения азбуки коммунизма, театральную, хоровую и спортивную. Так, в течение января 1922 г. курсантам было прочитано три лекции: членом Центрального бюро РКСМ тов. Лискотиным на тему «Русская революция и ее значение» и начальником школы А. В. Нахлупиным «Карл Либнехт и Роза Люксембург» и «Дисциплина и ее значение».

Тема последнего доклада не случайна. Вопросы дисциплины вызывали серьезную озабоченность руководства школы. А. В. Нахлупиным отмечалось, что «постановка дисциплины в школе на соответствующую высоту и усвоение курсантами необходимости ее потребует еще усиленной работы со стороны администрации школы, так как в большинстве курсанты или из партизан, с тенденциями к партизанщине, или видевшие разложение старой армии при керенщине и не служившие с того времени в армии, почему, в первое время, всякое требование, предъявляемое администрацией к курсантам, встречалось с глухим протестом или открыто высказывалось командирам взводов, что это старорежимная царская дисциплина» [6, л. 116].

Начальник школы вел постоянную разъяснительную работу с командным составом школы, от командира роты до командиров отделений. Считая дисциплину основой воспитания, обучения и подготовки курсантов не только

в стенах школы, но и в их будущей деятельности, как командного состава народной милиции, А. В. Нахлупин, также как в свое время А. И. Абрамов, принимал все меры, предусмотренные военными законами и уставами – от внушений до арестов и исключения из школы.

Были попытки обжалования жестких мер руководства, но они не увенчались успехом. Так, один из курсантов, член РКП(б), отправленный под арест за упущения по стрельбе, обратился в партийную ячейку с жалобой на начальника школы. «Полагая, что за постановку дисциплины и учебно-воспитательного дела в школе несет ответственность единолично начальник школы и комячейка не может обсуждать и вмешиваться в административные распоряжения начальника школы и для выяснения этого вопроса раз и навсегда заявление было препровождено в губком с просьбой сообщить взгляды губкома по сему вопросу. Последний подтвердил правильность изложенного мною (А. В. Нахлупиным – авт.), после этого было созвано заседание курсантов-членов РКП и объяснены задачи и обязанности последних в деле создания дисциплины и предупреждены. Что всякое упущение по службе и нарушения с их стороны требований дисциплины будет взыскиваться значительно строже, чем с беспартийных» [6, л. 116].

В строевом отношении курсанты школы были подготовлены не одинаково: часть из них служили в царской армии, часть – в партизанских отрядах, не проходивших строй, а отдельные курсанты были совершенно не знакомых со строевой подготовкой. Для выравнивания подготовленности курсантов проводились занятия по группам: одиночное обучение, шереножное обучение и взводное. В результате, руководство школы признало строевую подготовку курсантов удовлетворительной. Для постановки этой стороны дела в школе на соответствующую высоту, А. В. Нахлупин предлагал привлекать в качестве командиров взводов лиц, окончивших командные курсы Красной армии или бывших офицеров, при условии достаточной обеспеченности жалованием.

Несмотря на имеющиеся трудности, отмеченные в докладе начальника ЦМИШ А. В. Нахлупина, коллектив школы успешно выполнял задачи по подготовке командного состава для народной милиции Дальневосточной республики. Закончившие Центральную милицейскую инструкторскую школу сотрудники замещали различные должности – от младшего милиционера до начальника участка. Непосредственные и вышестоящие начальники характеризовали выпускников школы в целом положительно, отмечая их хорошую теоретическую и практическую подготовку, дисциплинированность и исполнительность [7, л. 9].

Конечно были и негативные примеры. Так, сотрудник народной милиции Амурской железной дороги Е. А. Иванов, выпускник ЦМИШ, был отправлен под суд за «промотание казенного оружия и имущества» [7, л. 13].

Такие единичные случаи не могут свести на нет огромные заслуги командного и преподавательского состава Центральной милицейской инструкторской школы в деле подготовки кадров для народной милиции Дальневосточной республики в условиях гражданской войны и японской интервенции.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Забайкальского края (ГА ЗК). Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 93.
2. ГА ЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 36.
3. ГА ЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 42.
4. ГА ЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 55.
5. ГА ЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 100.
6. ГА ЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 101.
7. ГА ЗК. Ф. Р-402. Оп. 2. Д. 29.

© Милежик А. В., 2022

Научная статья

УДК 94(47).08

О СТЕПЕНИ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ ОПЕРАЦИИ «СОГЛАСИЕ»

Седов Е. Л., исследователь (Москва).

В статье на основе анализа публикаций отечественных ученых и публицистов рассмотрены некоторые аспекты научной разработанности темы советско-британской операции «Согласие» в августе-сентябре 1941 году.

Ключевые слова: ввод войск в Иран, операция «Согласие», Англия, СССР, Иран.

Для цитирования: Седов Е. Л. О степени научной разработанности операции «согласие» // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 49–54.

Original article

ON THE DEGREE OF SCIENTIFIC DEVELOPMENT OF OPERATION «CONSENT»

Sedov E. L., researcher (Moscow).

Based on the analysis of the publications of Russian scientists and publicists, the article examines some aspects of the scientific elaboration of the topic of the Soviet-British operation "Consent" in August-September 1941.

Keywords: introduction of troops into Iran, Operation "Consent", England, USSR, Iran.

For citation: Sedov E. L. On the degree of scientific development of operation «consent». Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 49–54. (In Russ.).

После начала вооруженной агрессии фашистской Германии против СССР в 1941 году перед Советским Союзом стояла задача недопустимости открытия нового фронта в Закавказском регионе. Ввод союзнических войск СССР и Англии на территорию Ирана в августе 1941 года получил название

операция «Согласие». Уникальностью данной операции можно считать то, что в условиях активного наступления фашистской армии на СССР в июне-августе 1941 года правительства Советского Союза и Великобритании в тесном взаимодействии спланировали и осуществили ввод союзных войск на территорию Ирана. Активная фаза операции «Согласие» проводилась в период с 25 по 28 августа 1941 года, по результатам которой иранский шах Реза Пехлеви 29 августа объявил об отставке правительства Али Мансура, объявил перемирие с Англией, а 30 августа с Советским Союзом.

Описание причин, обосновывающих необходимость проведения операции «Согласие», характеристика ее основных этапов, а также их результаты нашли отражение в научных трудах отечественных деятелей науки в виде диссертаций на соискание ученых степеней, статей в печатных и электронных изданиях, в документальных фильмах.

К научным трудам, в которых значительное внимание уделено научной разработанности темы операции «Согласие», можно отнести диссертацию Т. Ш. Урдубековой. В ней приведен перечень отечественных и зарубежных научных трудов за период 1949–1997 гг., дана оценка их содержанию. Также автором проведен анализ оценочных суждений указанному событию со стороны зарубежных исследователей и государственных деятелей. Интересная оценка дана иранским исследователям: «...Несмотря на негативную оценку ввода англо-советских войск в Иран, иранские исследователи, тем не менее, расходятся в оценках действий иранского правительства накануне и в годы Второй мировой войны...» [1., с. 15].

Далее в научном труде исследовано развитие отношений СССР и Великобритании в предвоенный период и после начала военной агрессии фашистской Германии против СССР до начала 1942 года. В частности, описан процесс формирования советско-британских отношений и принятие решения странами-союзниками о вводе войск в Иран.

В диссертации М. Т. Мохтари дана характеристика дипломатическим отношениям советской России и Ирана (до 1934 г. – Персией) в период 1921–1946 гг. Из положений автора следует вывод, что на момент начала военной агрессии против СССР в июне 1941 года неудовлетворительные результаты дипломатических отношений между СССР и Ираном был одной из причин необходимости проведения операция «Согласие». При характеристике отношений Ирана и России в 1940-е годы автор ограничился оценкой ввода и пребывания советских и английских войск в Иране, не затрагивая проблем коммунистического движения в Иране и установления демократических республик в Иранском Азербайджане и Курдистане [2., с. 7]. Однако, М. Т. Мохтари указал на факт того, что среди союзнических стран СССР и Великобритании, только Советский Союз имел законное право вводить войска на территорию Ирана согласно статье 6 договора от 26.02.1921 года «Об установлении дружественных отношений» [2., с. 50].

Результаты анализа деятельности советской внешней и военной разведки накануне и во время Великой Отечественной войны представлены в диссер-

тации А. А. Куликова. Как мотив к проведению операции «Согласие» являлась информация, добытая советской разведкой в период 1937–1941 гг. Данная информация содержала сведения о внешних угрозах для СССР, исходящих от Ирана. На основе полученной разведывательной информации отмечены шаги высшего политического руководства СССР, содержащие обоснованные требованиями к шаху Ирана Реза Пехлеви и прогнозируемые последствия отказа в выполнении указанных требований. А. А. Куликов пришел к выводу, что «...советским разведчикам удалось наладить регулярное получение достоверной информации о планах иранской правящей верхушки и работе немецких спецслужб в стране. На ее основе было принято решение о вводе войск в Иран, что позволило исключить вступление Ирана в войну на стороне Оси и не допустить ведение подрывной деятельности на Кавказе...» [3., с. 155].

Вместе с тем А. А. Куликов отметил, что «...ввод войск в Иран был очень дорогостоящим мероприятием, особенно в то время, когда Красная армия терпела на фронте тяжелейшие поражения, остро нуждаясь в резервах. Таким образом, немецкая дипломатия и немецкие спецслужбы, не добившись поставленных целей, достигли определенного успеха – существенная часть советских войск была отвлечена от борьбы на фронте» [3., с. 164].

Диссертационное исследование А. Ш. Салихова раскрывает деятельность государственных и военных органов по обеспечению военной безопасности южных рубежей СССР в 1939–1946 гг. Из содержания научного труда можно сделать вывод о том, что ввод союзнических войск в рамках операции «Согласие» являлся лишь малой частью для дальнейшей деятельности по обеспечению государственной безопасности СССР. В диссертации указаны правовые акты, на основании которых действовала группировка Красной армии, а именно директивы Ставки Верховного Главнокомандующего, Постановления ГКО СССР. Дана периодизация самой операции «Согласие», приведены статистические данные потерь союзнических армий. По Салихову А. Х. «потери британцев в столкновениях с регулярной армией Реза-шаха составили всего 22 человека убитыми и 42 ранеными» [4., с. 71]. Потери Красной армии: «...убиты около 40 и ранены свыше 150 советских военнослужащих, сбито 3 самолета и еще 3 не вернулись на аэродромы по неустановленной причине» [4., с. 71]. Также автором проведен анализ и подсчет имущества, захваченного Красной армией в качестве трофеев, а именно «...войсками 47-й армии согласно журналу боевых действий, в плен были взяты свыше 80 офицеров, среди которых 3 командира полков и более 6 тыс. солдат и унтер-офицеров иранской армии и жандармов. В качестве трофеев только в 47-й армии были учтены 28 орудий, 110 пулеметов, 14145 винтовок и карабинов, 6 автомобилей, 784 лошади, большое количество боеприпасов, обмундирования и другого военного имущества» [4., с. 72].

Одним из наиболее информативных научных трудов, посвященных вводу войск СССР и Англии в Иран, является диссертация Д. М. Любина. В данном научном труде предметно и достаточно полно описаны предпосылки, причины и подготовка операции «Согласие». Также, описан процесс принятия решения о проведении операции правительствами Советского Союза и Великобрита-

нии. В отношении указанного факта, учитывая наличие нейтралитета СССР по отношению к Германии до начала Великой Отечественной войны, автор пришел к выводу, что «...в рамках тех исторических условий Иран вполне мог сохранять свой провозглашенный еще в 1939 г. нейтральный статус. Великобритания, четко осознававшая позицию СССР, не решилась бы на одностороннюю акцию по отношению к Ирану даже с целью защиты нефтеносных районов. Германия также не могла осуществить подобные действия в Иране, так как ее позиции в этом регионе были подорваны англо-французской оккупацией Сирии...» [5., с. 80–81].

Также в диссертации последовательно изложен порядок действий 47-й армии Закавказского фронта и вспомогательных операций 44-й армии Закавказского фронта и 53-й Отдельной Среднеазиатской армии. Вместе с тем, по результатам операции «Согласие», Д. М. Любиным дана характеристика изменению военно-политической ситуации в Иране осенью 1941 года, приведены статистические сведения, взятые из реальных архивных материалов того времени.

Далее, значительное внимание операции «Согласие» уделено в научном труде А. Б. Оришева, в котором раскрыты причины ввода советских и английских войск в Иран в августе 1941 г., подготовка, ход и историческое значение иранской операции. Также описаны попытки германской агентуры организовать сопротивление войскам союзников, дана оценка позиции Реза-шаха в этих событиях [6., с. 32]. Дана социально-политическая характеристика Ирану в предвоенный период. Также Оришев А. Б. дал юридическую оценку правомерности ввода войск СССР и Великобритании в рамках данной операции: «...в отличие от СССР, у Великобритании не было никакого договора или соглашения с Ираном, дававшего ей право вводить войска... Таким образом, действия английской стороны в отношении Ирана с позиций международного права можно охарактеризовать как оккупацию» [6., с. 208].

С момента написания данных научных трудов и до настоящего времени более полного описания предпосылок, подготовки, проведения и результатов операции «Согласие», открытых широкой публике, найти сложно.

Акцентируя внимание на периодичность освещения аспектов операции «Согласие» в российских средствах массовой информации, можно отметить, что с 2014 года по настоящее время описание указанного исторического события неоднократно встречается в отечественных печатных и электронных изданиях.

В 2014 году российская газета «Аргументы и факты» в своем электронном издании опубликовала статью [7.], в которой в общих чертах описаны предпосылки, замысел, ход и результаты операции «Согласие». Затем, 25.08.2016 года по случаю годовщины ввода союзнических войск на территорию Ирана российское агентство международной информации «РИА Новости» [8.], российский сайт военного обозрения «Варспот.ру» [9.], блог-платформа «Живой журнал» [10.] опубликовали статьи, посвященные операции «Согласие». Далее, в период с августа 2016 по декабрь 2020 года российский новостной медиасайт «Фишки нет» [11.], журнал военной истории «Вархед.ру» [12.], медиа-платформа «Дзен.

Яндекс» [13.], сетевое издание «Армейский стандарт» [14.] также публиковали статьи указанному историческому событию. Вместе с тем, 05.12.2020 года российским телеканалом «Звезда» в эфире программы «Не факт» состоялся показ документального фильма «Битва за Иран» [15.].

Вместе с тем, в год 80-летия ввода войск союзников на территорию Ирана, интерес к операции «Согласие» был отражен в электронном издании «Российская Газета» [16.], интернет-издании «МК.ru» [17.], в газете «Граница России» № 32 [18.], а также в журнале «Клио» [19.].

Изучив содержание статей в вышеуказанных изданиях, а также документального фильма «Битва за Иран», можно сделать вывод, что основным уклоном в описании аспектов операции «Согласие» является систематически повторяемое изложение историографии, приведение примеров некоторых статистических данных указанного события. Среди источников, используемых при написании статей и фильма, отмечается в основном низкая опора на данные архивных документальных материалов.

Таким образом, научными работниками в ряде публикаций представлены результаты прикладного изучения операции «Согласие» как с позиции ее историографии, так и с позиции оценки геополитической обстановки в то время. Открытыми остаются вопросы правового регулирования деятельности государственных органов СССР по указанной теме. Архивные фонды до настоящего времени содержат множество неизученных материалов и ждут своих исследователей.

Список источников и литературы

1. Урдубекова Т.Ш. Советско-иранские отношения в 1939–1941 гг.: диссертация кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2012.
2. Мохтари М.Т. Отношения России и Ирана (1921–1946): дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
3. Куликов А. А. Деятельность советской внешней и военной разведки накануне и во время Великой Отечественной войне: дис. канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2005.
4. Салихов А.Ш. Деятельность государственных и военных органов по обеспечению военной безопасности южных рубежей СССР в 1939–1946 гг.: дис. канд. ист. наук. М., 2012.
5. Любин Д.М. Ввод Красной Армии в Иран летом – осенью 1941 года: причины, осуществление, последствия: дис. канд. ист. наук. Саратов, 2005.
6. Оришев А. Б. Иран в политике нацистской Германии на Среднем востоке и в годы Второй Мировой войны (1933–1943 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Елец, 2007.
7. Сидорчик А. Операция «Согласие». Как Сталин и Черчилль принуждали Иран к миру [Электронный ресурс] // Аргументы и факты URL: https://aif.ru/society/history/operaciya_soglasie_kak_stalin_i_cherchill_prinuzhdali_iran_k_miru.html (Дата обращения: 20.09.2021).
8. Минскер Д. Оккупация Ирана советскими и английскими войсками (операция «Согласие») [Электронный ресурс] // РИА-Новости URL: <https://ria.ru/20160825/1475040623.html> (Дата обращения: 20.09.2021).

9. Белаш Е. Советско-британское «Согласие» [Электронный ресурс] // Варспот.ру URL: <https://warspot.ru/6928-sovetsko-britanskoe-soglasie.html> (Дата обращения: 20.09.2021).
10. Варшавчик С. Операция «Согласие» [Электронный ресурс] // Живой журнал URL: <https://warsh.livejournal.com/8343536.html> (Дата обращения: 20.09.2021).
11. Убивец Я. Операция «Согласие» (Сочувствие). Ввод советских войск в Иран в 1941 году [Электронный ресурс] // Фишки нет URL: <https://fishki.net/anti/3115067-operaciya-soglasiesochuvstvie-vvod-sovetskih-vojsk-v-iran-v-1941-godu.html> (Дата обращения: 20.09.2021).
12. Уланов А. Операция «Согласие»: Поход советских войск на Иран [Электронный ресурс] // Вархед.ру URL: <https://warhead.su/2020/01/18/operatsiya-soglasie-pohod-sovetskih-voysk-na-iran.html> (Дата обращения: 20.09.2021).
13. Зеленый К. Оккупация Ирана. Операция «Согласие» [Электронный ресурс] // Дзен. Яндекс URL: https://zen.yandex.ru/media/cap_green/okkupaciia-irana-operaciia-soglasie-5eb789e4c7c480495abf9faa.html (Дата обращения: 20.09.2021).
14. Добровольский А. Иранский поход Красной Армии [Электронный ресурс] // Армейский стандарт URL: <https://armystandard.ru/news/202056929-TU0iU.html> (Дата обращения: 20.09.2021).
15. Матонин Е. Не Факт. Битва за Иран [Электронный ресурс] // Телеканал «Звезда» URL: <https://tvzvezda.ru/schedule/programs/201509181200-sdfk.htm/20201251339-VH8DT.html> (Дата обращения: 20.09.2021).
16. Галицких О. Операция «Согласие»: о чем британцы договорились с СССР в 1941 году [Электронный ресурс] // Российская газета URL: <https://warhead.su/2020/01/18/operatsiya-soglasie-pohod-sovetskih-voysk-na-iran.html> (Дата обращения: 20.09.2021).
17. Меркачева Е. Тайна операция «Согласие» [Электронный ресурс] // МК.ру URL: <https://www.mk.ru/politics/2021/08/24/rassekrechenny-dokumenty-svr-posle-vvoda-sovetskich-voysk-v-iran.html> (Дата обращения: 20.11.2021).
18. Терешенко В. Операция «Согласие» // Граница России. М.: Изд. «Красная звезда», 2021. С. 8.
19. Бандурин С.Г., Сафаров Ю.Б. Советско-британская военная операция «Согласие» на страницах газеты «Правда» // Клио. 2021. № 5 (173). С. 50–53.

© Седов Е. Л., 2022

Научная статья

УДК 930.2

**ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА
«ИСТОРИЯ ЭПРОН.
ПОДЪЕМ ИЗ ГЛУБИНЫ ДЕСЯТИЛЕТИЙ»
ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
МАТЕРИАЛОВ ИЗ ЛИЧНЫХ (СЕМЕЙНЫХ) АРХИВОВ**

Усов А. В., член Российского исторического общества, кандидат исторических наук

В статье проанализирован опыт реализации научно-образовательного проекта, связанного с историей ЭПРОН, по привлечению и популяризации материалов из личных (семейных) архивов. Особое внимание уделено процессу выявления и обработки сведений, хранящихся у потомков эпроновцев. Автор приходит к выводу, что первые полученные результаты несут положительную динамику. Дальнейшая реализация проекта позволит исследователям восстановить ранее неизвестные (малоизвестные) исторической науке имена людей, чьим трудом ЭПРОН достиг успеха.

Ключевые слова: ЭПРОН, эпронистика, аварийно-спасательная служба, водолаз, судоподъем, личный архив, семейный архив, источниковедение

Для цитирования: Усов А. В. Опыт реализации научно-образовательного проекта «История ЭПРОН. Подъем из глубины десятилетий» по привлечению и популяризации материалов из личных (семейных) архивов // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 55–59.

Original article

EXPERIENCE IN THE IMPLEMENTATION OF THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL PROJECT "HISTORY OF SPECIAL EXPEDITION FOR UNDERWATER WORKS (EPRON). THE RISING FROM THE DEPTHS OF DECADES" TO ATTRACT AND POPULARIZE MATERIALS FROM PERSONAL (FAMILY) ARCHIVES

Usov A. V., Member of the Russian Historical Society, candidate of history

The article analyzes the experience of implementing a scientific and educational project related to the history of Special Expedition for Underwater Works (EPRON), to attract and popularize materials from personal (family) archives. Particular attention is paid to the process of identifying and processing information stored in the descendants of Epronovites. The author concludes that the first results obtained carry a positive dynamic. Further implementation of the project will allow researchers to restore the names of people previously unknown (little known) to historical arts whose work EPRON has achieved success.

Keywords: Special Expedition for Underwater Works, epronistics, emergency rescue service, diver, ship salvaging, personal archive, family archive, source studies.

For citation: Usov A. V. Experience in the implementation of the scientific and educational project "history of special expedition for underwater works (EPRON). The rising from the depths of decades" to attract and popularize materials from personal (family) archives. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 55–59. (In Russ.).

«Чистого морского бриза, уважаемые друзья, коллеги и товарищи!!!», – именно так наш научно-образовательный проект «История ЭПРОН. Подъем из глубины десятилетий» встречал своих читателей и подписчиков на страницах различных социальных сетей с 2019 г., а летом 2021 г. был открыт собственный сайт www.epronhist.info [1; 2; 3].

Целевая аудитория достаточно широка – у кого 5 букв легендарной аббревиатуры – ЭПРОН, не вызывают проблем с расшифровкой, а также те, кто пока не успел приобщиться к историческому наследию Экспедиции подводных работ особого назначения СССР (1923–1942 гг.), но сильно этого желает [4].

Задумка проекта родилась осенью 2018 г. после знакомства с М.Г. Алексановой – дочерью тихоокеанского эпроновца Г.У. Короткова, которая принесла на нашу первую встречу уникальные документы и фотографии из семейного архива. Впоследствии Марина Георгиевна стала идейным вдохновителем, организатором и автором публикаций в рамках проекта, освещая историю

ЭПРОН, а также занимательные сюжеты, связанные с освоением подводных пространств человечеством.

Изначально проект задумывался как строго научный, но в процессе его реализации и осмысления мы, совместно с Мариной Георгиевной, пришли к выводу, что для успеха необходима популяризация результатов научных изысканий. После чего появились соответствующие страницы (каналы) в социальных сетях, а затем и долгожданный сайт проекта, позволяющий в перспективе представить широкой общественности имена людей, чьим трудом ЭПРОН достиг успеха и всесоюзной известности.

Среди задач проекта подразумевается своеобразная «эпронизация» – возрождение в обществе знаний об ЭПРОНе и его вкладе в последующее становление и развитие отрасли, связанной с аварийно-спасательным, судоподъемным и подводно-техническим обеспечением нашего Отечества.

Помимо этого, учитывая колоссальный объем материалов, отложившийся в архивах, в том числе семейных (личных), требуется привлечение не только профессиональных историков, но и ученых из других областей науки, волонтеров, «сочувствующих», тем самым проект направлен не только на обобщение информации по истории Экспедиции подводных работ особого назначения, но и на объединение исследователей трудящихся по направлению исторической науки, изучающей историю ЭПРОН, которую мы предложили назвать – «эпронистика» [5].

С точки зрения прикладного использования научного знания, эпроновское наследие может помочь не только при корректировке государственной политики в области спасания на море, опыт ЭПРОНа будет полезен в процессе подготовки специалистов по водолазному, аварийно-спасательному и судоподъемному делу, а также смежных технических специальностей [6].

В 2018–2022 гг. силами единомышленников проекта были получены материалы из личных (семейных) архивов: А. Г. Гордиевского, В. С. Чистова, Г. У. Короткова, С. Ф. Репникова, А. Д. Разуваева, В. Ф. Кюнстлера, М. А. Демьяненко. Часть материалов обработана и представлена на сайте проекта и социальных сетях, к 100-летию ЭПРОН запланирован красочный альбом, который возможно увидит свет в электронном виде.

А. Ю. Следков – председатель Общества изучения истории водолазного дела им. Р. А. Орбели, представил на сайте проекта серию увлекательных научно-популярных очерков, основанных в том числе на личных (семейных) архивах, хранителями которых являются И. Г. Василькова (дед – А. Д. Разуваев), Э. В. Кюнстлер (отец – В. Ф. Кюнстлер) [7; 8].

Исходя из опыта привлечения материалов из личных (семейных) архивов, можно выделить следующие основные направления поиска потомков эпроновцев: 1. В телефонных книгах по фамилии; 2. На тематических сайтах в глобальной сети (форумы, комментарии с контактами и т. д.); 3. Информационные объявления в телекоммуникационной сфере (в том числе сайт проекта, газеты, телевидение и т. п.).

Основные формы популяризации апробированные нами на практике: 1. Научно-популярные очерки, размещенные на аффилированных с проектом страницах социальных сетей и сайте epronhist.info; 2. Персональные страницы-карточки с фотографией (при наличии) и краткой биографической справкой; 3. Ведение обсуждений с читателями на специальных форумах, а также в комментариях [9; 10; 11].

Совокупный охват уникальных пользователей за последний год составил более 3500 чел., постоянных читателей-подписчиков – около 350 чел. Для продолжения работы с наращиванием мощностей, необходим поиск источников стабильного финансирования и расширение команды участников проекта.

Таким образом, дальнейшая реализация научно-образовательного проекта «История ЭПРОН. Подъем из глубины десятилетий»

с привлечением и популяризацией материалов из личных (семейных) архивов поможет восполнит пробелы источниковой базы, формирующейся на основе материалов из федеральных и ведомственных архивов, что позволит исследователям восстановить ранее неизвестные (малоизвестные) исторической науке имена людей, чьим трудом ЭПРОН достиг успеха. Результаты реализации проекта могут послужить образцом управленческого подхода к решению сложных научно-практических задач, и примером для воспитания молодых моряков, не обязательно спасателей, вдохновляя наших современников жить по убеждению: «Отечеству полезным быть»!

Список источников и литературы

1. История ЭПРОН. Подъем из глубины десятилетий // Telegram. [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/Epronhist>
2. История ЭПРОН: Изучение наследия Экспедиции подводных работ особого назначения на морях и реках СССР (1923–1942 гг.) // ВКонтакте. [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/epronhist>
3. С Днем Рождения сайт epronhist.info! // История ЭПРОН. Подъем из глубины десятилетий. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.epronhist.info/post/c-днем-рождения-сайт-epronhist-info>
4. Чикер Н. П. Служба особого назначения. М.: ДОСААФ, 1975. 225 с.
5. О проекте // История ЭПРОН. Подъем из глубины десятилетий. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.epronhist.info/about-project>
6. Усов А. В. Подъем из глубины десятилетий: Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) СССР – 95 лет! // Клио. 2019. № 1 (145). С. 136–142.
7. Следков А. Ю. Разуваев: очерк // История ЭПРОН. Подъем из глубины десятилетий. 27 ноября 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.epronhist.info/post/essay-by-a-yu-sledkov-on-razuvaev>
8. Следков А. Ю. Кюнстлер: очерк // История ЭПРОН. Подъем из глубины десятилетий. 29 января 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.epronhist.info/post/essay-by-a-yu-sledkov-about-kunstler>
9. Очерки // История ЭПРОН. Подъем из глубины десятилетий. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.epronhist.info/full-essays>

10. Из семейных (личных) архивов: от потомков эпроновцев // История ЭПРОН. Подъем из глубины десятилетий. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.epronhist.info/from-the-family-archives>
11. Форум // История ЭПРОН. Подъем из глубины десятилетий. [Электронный ресурс]. <https://www.epronhist.info/epronhist-forum>.

© Усов А. В., 2022

Научная статья

УДК 908

**«ДАЛЕКИЙ, НО НАШЕНСКИЙ».
ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ (XVII–XXI ВВ.)**

Шадрина А. Н., старший преподаватель кафедры государственных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

Статья посвящена актуализации значения Дальнего Востока для Российской Федерации, исследуется национальная политика правительства России в отношении Дальнего Востока. Рассматривается история Дальневосточного региона. Анализируется распоряжение Правительства «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года».

Ключевые слова: национальная политика, Российская Федерация, Дальний Восток, история Дальнего Востока, дальневосточный регион, Нерченский договор, Айгунский договор.

Для цитирования: Шадрина А. Н. «Далекий, но нашенский». Особенности становления и развития дальневосточных территорий России (XVII–XXI вв.) // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 60–65.

Original article

**"DISTANT, BUT OUR HOME". FEATURES OF FORMATION
AND DEVELOPMENT OF THE FAR EASTERN TERRITORIES
OF RUSSIA (XVII–XXI CENTURIES)**

Shadrina A. N., senior lecturer of the Department of state disciplines of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article analyzes the significance of the Far East for the Russian Federation, as well as the national policy of the Russian government in relation to the

Far East. The author examines the history of the far Eastern region, as well as analyzes the Government decree "On approval of the National program of socio-economic development of the Far East for the period up to 2024 and for the future up to 2035".

Keywords: national policy, Russian Federation, Far East, history of the Far East, far eastern region, Nerchensk Treaty, Aigun Treaty.

For citation: Shadrina A.N. "Distant, but our home". Features of formation and development of the far eastern territories of Russia (XVII–XXI centuries). Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 60–65. (In Russ.).

«Дальний Восток – это восточная часть России, к которой относят области бассейнов рек, впадающих в Тихий океан, а также остров Сахалин, Курильские острова, остров Врангеля, Командорские и Шантарские острова» [3]. Население территории Дальнего Востока является многонациональным, следовательно, здесь должны учитываются интересы всех групп населения в целом, поэтому вопрос национальной политики в Дальневосточном регионе всегда был актуальным для Российской Федерации. «Национальная политика – это всесторонне обоснованная система мер, осуществляемых государством в сфере национальных отношений, направленная на реализацию национальных интересов разрешение национальных противоречий» – такое определение национальной политики даёт словарь по политологии [3].

Дальний Восток во все времена привлекал своими ресурсами различные страны. Но в упорной и решительной борьбе за этот регион победила Россия. «Русские казаки начали проникать на Дальний Восток и осваивать Приамурье в XVII веке» – говорит кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М. В. Ломоносова Олег Айрапетов. Но это не означало, что Дальний Восток всецело принадлежал России. Особый интерес из-за своего географического положения, вызывал Дальний Восток и у других государств. Наиболее привлекательными были территории Приморского края и Приамурья, которые располагались вблизи Китая. Именно он претендовал на эти «богатые» территории и был не согласен с тем, что они достанутся России.

Из-за данного противоречия произошло несколько браней Русских казаков и Манчжуров, после чего московским правительством в 1685 году на Дальний Восток было отправлено посольство, в которое входил Фёдор Головин. В 1689 году у Нерчинска состоялись переговоры с китайской делегацией, впервые определившие отношения и границу между двумя государствами. В результате Россия отказалась от Приамурья в пользу Китая.

После того как был подписан договор, Россия на некоторое время решила отодвинуть освоение Дальнего Востока на второй план, так как занималась проблемами Камчатки и Аляски, территория которых на тот период являлись российской.

Через продолжительное время, благодаря Николаю Муравьеву стало ясно, что река Амур может быть достаточно важна для Российского судоходства, в тот же момент исследователь рассуждал, что сейчас Китай сильно ослаблен войнами и нуждается в поддержке со стороны, исходя из этого, Муравьев делает вывод, что китайское государство должно без особого сопротивления отдать Приамурье в Российское ведение. Данная концепция просуществовала несколько лет, после чего была услышана Санкт-Петербургом, который дал согласие на проведение переговоров с китайским Пекином по вопросу приморской границы.

Двадцать восьмого мая 1858 года на переговорах в китайском городе Айгун был подписан договор, который определил, что граница между Китаем и Россией будет проходить по реке Амур, а уссурийский край останется под общим ведением. После некоторого времени и событий, Пекин утвердил Айгунский договор. С тех пор национальная политика России в отношении новых земель стала протекать более многогранно.

При освоении русскими казаками Дальнего Востока настоящие земли не были пустыми, они были заселены от северного ледовитого океана до Китая различными племенами. Об этом говорит тот факт, что русские первопроходцы в своих письменных работах семнадцатого века упоминали о таких народах как чукчи, коряки, эскимосы, камчадалы, юкагиры, тунгусы, алеуты, гиляки, натки, ачаны, гольдики, солоны, дауры, дючеры и других.

Изучение Дальневосточного региона всегда привлекало внимание исследователей.

Интересны книги Владимира Клавдиевича Арсеньева, известный нам не только как писатель, но и руководитель ряда экспедиций по исследованию горных районов Уссурийского края, которые являлись ранее на картах современного Приморья и юга Хабаровского края «белыми» пятнами.

Особо увлекательны многотомные серии историко-этнографических трудов под общим названием: «Народы Дальнего Востока СССР» изданные Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, которые исследуют историю и культуру коренных малочисленных народов Дальнего Востока.

Современный дальневосточный регион включает в себя 11 субъектов, территория которых обширна и ее населяют неоднородные этнические группы, и коренные и пришлые. В связи с этим, правительству России просто необходимо постоянно прорабатывать национальную политику на Дальневосточных рубежах.

По данным Росстата на Дальнем востоке проживают евреи корейцы, украинцы, татары, а также группа коренных народностей: алеутов, коряков, эскимосов, нанайцев, удэгейцев, ительменов, якутов, эвенков, айнов, чукчей, нивхов, и др. А количество проживающих человек на данной территории приблизительно составляет 8,1 миллионов человек, а это в свою очередь превышает 5 % населения Российской Федерации [2].

На дальневосточной земле проживают представители 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, которые до настоящего времени сохранили традиционную культуру и самобытный уклад жизни своих предков. Защищает и отстаивает интересы коренных малочисленных народов «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», которая реализует ряд масштабных проектов, ориентированных на сохранение культуры, обычаев, самобытного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дети Арктики, голос Севера, вдохновение Арктики.

В сентябре 2020 года Дальний Восток получил собственную национальную программу развития, утвержденную Михаилом Мишустиным, который является Председателем Правительства. Эта программа была разработана по поручению Президента РФ Владимира Владимировича Путина. Основные цели социально-экономического развития дальнего Востока закреплены Распоряжением Правительства РФ от 24.09.2020 N2464-р «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года» [6]. Распоряжение устанавливает цели и направления социально – экономического развития Дальнего Востока.

На период до 2024 года:

1. Повышение продолжительности жизни населения;
2. Снижение смертности трудоспособного населения;
3. Увеличение количества жилищного строительства;
4. Превышение среднероссийских темпов роста показателей экономического развития;
5. Создание не менее 200 предприятий на территориях опережающего развития и в свободном порту Владивосток.

На период до 2035 года:

1. Прекращение миграционного оттока населения;
2. Превышение среднероссийских показателей качества жизни населения;
3. Превышение среднероссийских показателей экономического развития.

Основная цель программы – это в первую очередь обеспечить рост экономического развития Дальнего Востока. Так же немаловажным фактором экономического развития, является повышение демографии и создание необходимого уровня социально – экономического развития, который бы уменьшил отток людских ресурсов с дальневосточных земель.

В соответствии с этой программой правительство будет осуществлять комплекс различных мероприятий, для того чтобы достичь поставленных целей.

«Всего на Дальнем Востоке 1834 населенных пункта. Из них – в 1614 – живёт менее пяти тысяч человек. То есть обеспечив население, согласно критериям, всем необходимым – мы добьёмся решения целей Указа», – отметил Александр Козлов (Российский политик, Министр Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики с 18 мая 2018 г.) [4].

За исполнением национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока будет вестись контроль, об этом заявил Юрий

Трутнев (заместитель Председателя Правительства РФ – полномочный представитель Президента РФ в Дальневосточном Федеральном Округе) – «Программа – это не только социальные мероприятия и меры поддержки, это ещё и ответственность всех уровней власти за исполнение. Мониторинг будет установлен Правительством – ежеквартальный, и годовой доклад Президенту» [5].

В настоящее время регион находится под особым вниманием, его постоянно стараются всячески поддерживать и развивать, привлекая сюда жителей из других регионов России. Для комфортной жизни здесь созданы все условия.

Дальний Восток имеет достаточно важное значение как для Российской Федерации, так и для её экономики и благополучия. Территориальная площадь Дальневосточного федерального округа составляет примерно 6169,3 тыс. км². И на таком большом пространстве расположилось большое количество полезных ресурсов, так, например, на Сахалине добывают каменный и бурый уголь, нефть, газ, Приморский край богат полиметаллами, оловом, графитом, Еврейская Автономная Область является источником железных и марганцевых руд, в Амурской области активно добывают золото, а в Республики Саха имеются запасы алмазов. При этом всё территория дальнего востока полностью заполнена лесами – источником древесины и целлюлозы.

Из-за своего географического положения, Дальний Восток является одним из лидеров по промысловому лову рыбы, ведь он расположен на берегах Японского, Охотского и Берингова морей.

Кроме всего сказанного выше, Дальний Восток ведет активную двухстороннюю, выгодную торговлю с соседними странами, например, такими как Китай, Япония и Корея.

Все это является очень важными факторами для экономики Российской Федерации в целом. Дальний Восток – это территория, которая требует развития, потому что имеет огромный экономический потенциал.

Особое внимание стоит уделять сохранению культуры народов, населяющих Дальний Восток. Каждый из них поистине уникален и имеет свою неповторимую историю, быт и традиции. А для сохранения этого, необходимо развивать Дальний Восток и грамотно осуществлять государственную и национальную политику.

В Приморском крае в ближайшее время будет реализован еще один грандиозный проект. Решение о создании города Спутник было принято на Восточном экономическом форуме. Предполагается, что город расположится в 30 километрах от Владивостока. По проекту в нем будут проживать около 300 тысяч жителей, для них выделено около 2,8 миллиона квадратных метров жилья [7].

В результате изучения значения Дальнего Востока и его национальной политики можно сделать ряд определённых выводов. В первую очередь для поддержания гармоничного развития Дальнего Востока необходимо продолжать достигать целей программы национальной политики. Так же хочется отметить,

что Дальневосточный регион во все времена был важен для экономического и социального развития нашей страны, поэтому государству стоит продолжать свою политику в сфере улучшения Дальнего Востока.

Список источников и литературы

1. Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 № 2464-р. Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 30.11.2021).
2. Арутюнов С. А. Народы Северо-Востока Сибири. Айны. Алеуты. Ительмены. Камчадалы. Кереки. Коряки. Нивхи. Чуванцы. Чукчи. Эскимосы. Юкагиры // Этнографическое обозрение. № 12012. 167–169 с.
3. Словарь по политологии / под ред. д. ф. н., профессора В. Н. Коновалова Москва, 2010. 141 с.
4. Дальний Восток России // Энциклопедия «Вокруг света»: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/encyclopedia/index.php?title> (дата обращения 07.10.2020).
5. Пресс-служба Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики: национальную программу развития Дальнего Востока рассмотрели на заседании Правительства РФ // Официальные страницы Министра РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <https://minivr.gov.ru/press-center/news/28080/> (дата обращения: 07.10.2020).
6. Пресс-служба Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики: Михаил Мишустин утвердил Национальную программу развития Дальнего Востока // Официальные страницы Министра РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <https://minivr.gov.ru/press-center/news/28130/> (дата обращения: 07.10.2020).
7. Названа цель создания нового города на Дальнем Востоке: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20211005/gorod-1753114362.html> (дата обращения 29.11.2021).

© Шадрина А. Н., 2022

РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Научная статья

УДК 343.85

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА МВД РОССИИ – ОСНОВА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО БОРЬБЕ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Виноградов А. М., доцент кафедры оперативно-разыскной и административной деятельности Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России.

В статье представлены результаты исследования организации кадрового обеспечения оперативно-служебной деятельности ОВД по борьбе с экономической преступностью на рубеже XX–XXI вв. На основе архивных источников, проанализированы проблемы кадрового обеспечения, вопросы комплектования и профессиональной подготовки подразделений ОВД по борьбе с экономической преступностью.

Ключевые слова: кадровое обеспечение, оперативно-служебная деятельность, органы внутренних дел, Приморский край, профессиональная подготовка, экономическая преступность.

Для цитирования: Виноградов А. М. Кадровая политика МВД России – основа совершенствования оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел по борьбе с экономической преступностью на рубеже XX–XXI вв. // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 67–75.

Original article

PERSONNEL POLICY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA – THE BASIS FOR IMPROVING THE OPERATIONAL AND SERVICE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES TO COMBAT ECONOMIC CRIME AT THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES

Vinogradov A. M., Associate professor of the Department of Investigative and Administrative Activities of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The article presents the results of a study of staffing support of operational activities of the department for combating economic crime at the turn of XX–XXI centuries. On the basis of archival sources, the problems of staffing, issues of staffing and professional training of IAB units to combat economic crime were analyzed.

Keywords: staffing support, operational and service activities, Internal Affairs bodies, Primorsky Krai, professional training, economic crime.

For citation: Vinogradov A. M. Personnel policy of the ministry of internal affairs of Russia – the basis for improving the operational and service activities of internal affairs bodies to combat economic crime at the turn of the XX–XXI centuries. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 67–75. (In Russ.).

Кадровая политика в сфере внутренних дел является одним из основных элементов государственной кадровой политики и направлена на формирование мощного кадрового потенциала, обеспечивающего устойчивое развитие ОВД в современных условиях. Кадровая политика МВД России является важнейшей основой создания надежного механизма управления ОВД, повышения уровня профессионализма сотрудников, результативности оперативно-служебной деятельности, обеспечения действенного сотрудничества с населением страны [33, л. 1–39].

Функционирование органов внутренних дел зависит от служебной деятельности лиц, замещающих должности органов внутренних дел. Служебная деятельность сотрудника ОВД – это деятельность на замещаемой должности по исполнению функций ОВД в объеме полномочий, предоставленных должности [26]. От качества и эффективности служебной деятельности сотрудников напрямую зависит качество и эффективность исполнения органом внутренних дел функций по защите прав граждан, противодействию преступности, обеспечению общественной безопасности [33, л. 1–39]. Эта связь служебной деятельности каждого сотрудника с деятельностью органа в целом отражена в одном из основных принципов организации служебной деятельности ОВД – принципе личной ответственности каждого за состояние дел на вверенном участке работы. Выполнение государственных функций в объеме полномочий, предоставленных по замещаемой должности, требует от сотрудника принятия всех мер на порученном участке работы. В своем позитивном содержании – это принцип работы сотрудника с полной отдачей сил, знаний, умений, навыков делу служения закону, обществу, государству. Принцип личной ответственности каждого за состояние дел на вверенном участке работы применяется в организации служебной деятельности подразделений ОВД по борьбе с экономической преступностью и утверждается в положениях о подразделении. В период 1991–2011 гг. этот принцип утвержден в положениях: о ГУЭП МВД России в 1992 и 1996 годы [28, л. 79–149; 30, л. 50–250]; о ГУБЭП МВД России в 1999 и 2002-м [34, л. 80–89; 35, л. 3–16]; о ГУБЭП и ГУНП ФСЭНП МВД России в 2003 году [37, л. 2–9; 38, л. 181–200]; об ОРБ МВД России в 2008 году [39, л. 93–196]; об УБЭП УВД Приморского края [9, л. 5–17]; о ГУЭБиПК МВД России [40, л. 79–101] и ряде других.

Поэтому важнейшим направлением работы ОВД по борьбе с экономической преступностью становится кадровое обеспечение, элементами которого являются подбор и расстановка, в соответствии со штатным расписанием, сотрудников, обладающих необходимыми профессиональными и личностными качествами, способных выполнять поставленные задачи с максимальной отдачей сил, работать в команде, постоянно совершенствовать свои знания, умения и навыки в условиях быстро меняющейся криминальной обстановки в экономике. Такой подход к кадровому обеспечению был закреплен и в Концепции кадровой политики МВД России, одобренной решением коллегии МВД России от 23 декабря 1998 года № 6км /1 «О состоянии работы с кадрами и кадровой политике МВД России» [33, л. 1–39].

Кадровая политика органов внутренних дел, под различными углами зрения, освещается в отечественной историографии, в том числе региональной. Исследуется исторический опыт становления профессионального образования в системе МВД России, закономерности и перспективы его развития, в том числе на Дальнем Востоке [15, с. 4–6; 20; 21, с. 18–19; 25; 44, с. 5–7; 45, с. 285–290]. Рассматривается роль и значение кадровой политики, ее принципы, проблемы некомплекта и текучести кадров [16, с. 201–204; 17; 18, с. 78; 19; 23, с. 37–41; 46, с. 1–6]. Освещается роль кадрового потенциала

органов внутренних дел [22, с. 35–39]. Изучаются задачи и функции кадровых подразделений в реализации кадровой политики МВД России [24, с. 15–17].

Кадровое обеспечение – это обеспечение деятельности органов внутренних дел производительными силами для реализации функций ОВД. Кадровый потенциал органа является основным ресурсом для его функционирования [22, с. 35–39]. Низкий уровень кадрового потенциала не позволяет ОВД надлежащим образом обеспечить защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, собственности, интересов общества и государства [5, л. 50–53; 8, л. 238–244; 11, л. 111–124; 16, с. 201–204].

Профессиональная подготовка, личностные качества сотрудников, квалификация, некомплект, текучесть кадров, наличие профессионального ядра, управление – определяют уровень кадрового потенциала органа и эффективность его функционирования. Некомплект, негативно влияет на деятельность ОВД, так как отсутствие лица, замещающего должность, приводит к повышению служебной нагрузки других сотрудников. Замещение должности лицом не в полной мере отвечающим требованиям, приводит к некачественному исполнению им служебных обязанностей и, как следствие, снижению уровня функционирования органа в целом. На деятельность органа влияет квалификация и профессионализм лица, замещающего должность. Неспособность работать в команде и низкое качество управления не обеспечивают проявление эмерджентных свойств организации и тем повышение эффективности оперативно-служебной деятельности ОВД. При реформировании органов внутренних дел в условиях системных трансформаций, повышается значение профессионального ядра, как основания устойчивости, преемственности в деятельности органов внутренних дел и источника оперативной готовности к вызовам и угрозам в новых «реалиях дня».

На рубеже XX–XXI вв. в условиях кризисных социальных, экономических, политических преобразований в стране возрастает роль органов внутренних дел в обеспечении государственной безопасности. Особенно повышается значение ОВД по борьбе с противоправными деяниями, направленными на подрыв экономической безопасности страны в условиях рыночных реформ, роста преступных посягательств на общественные отношения в сфере экономики [32, с. 185–189].

В связи с новыми вызовами и угрозами безопасности обостряется проблема отсутствия специалистов, некомплекта, текучести кадров, профессиональной подготовки [18, с. 78; 19, с. 5–9]. В этот период кадровое обеспечение ОВД, состояние служебной дисциплины и законности характеризовались как сложное. Отток профессионалов, высокий уровень некомплекта и текучести кадров, значительное число уволенных, проблемы социального и правового обеспечения сотрудников, недостатки материально-технического оснащения, оказывали отрицательное влияние на функционирование органов внутренних дел, снижая эффективность деятельности по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, собственности, интересов общества и государства [10, л. 244–255; 11, л. 111–124; 12, л. 87–95; 13, л. 157–174].

Состояние кадрового обеспечения подразделений ОВД по борьбе с экономической преступностью определялось рядом причин, как общесистемного характера, так и связанных с особенностями служебной деятельности подразделений. Среди общесистемных для органов внутренних дел можно выделить социально-экономические причины – это недостатки денежного содержания, жилищные условия, уровень медицинского и санаторно-курортного обеспечения. А также сложный напряженный и даже опасный режим служебной деятельности. Социально-экономические и политические реформы, рост преступности, особенно в ее организованных формах, реформирование органов внутренних дел, растущий некомплект – обуславливали рост напряженности служебной деятельности и повышенной нагрузки на личный состав. Сотрудники работали в условиях постоянного риска для жизни, открытого, зачастую вооруженного противостояния, в сложных экстремальных условиях с повышенной физической, психоэмоциональной и служебной нагрузкой [29, л. 1–17; 3, л. 127–128; 4, л. 95–100]. На состояние кадрового обеспечения подразделений по борьбе с экономической преступностью оказывают влияние особенности службы, такие как: требования к уровню образования и профессиональной подготовке [30, л. 50–250; 34, л. 80–89], обязательность знания особенностей экономической деятельности; наличие способностей к аналитической работе, умения и навыки выявления сложных, хорошо замаскированных схем преступной деятельности в экономике.

В связи с этим приоритетными направлениями кадровой политики ОВД по борьбе с экономической преступностью становятся совершенствование профессиональной подготовки и комплектование подразделений квалифицированными специалистами [6, л. 236–238; 8, л. 238–244; 10, л. 244–255; 11, л. 111–124; 12, л. 87–95]. Из них последнее играет ключевую роль в устранении некомплекта и текучести кадров. Так при создании Федеральной службы по экономическим и налоговым преступлениям МВД России остро встал вопрос кадрового обеспечения службы. На 1 января 2004 года при штатной численности подразделений по налоговым преступлениям ФСЭНП МВД России 8664 штатных единиц, укомплектовано всего 7081 (81,7%). При штатной численности ГУНП 373 штатных единицы, укомплектовано всего 288 (77,2%). Одной из основных кадровых проблем становится комплектование подразделений, осуществляющих документальные проверки и ревизии высокопрофессиональными сотрудниками, имеющими опыт работы в налоговых и финансовых органах [41, л. 32–45; 42, л. 92–133; 43, л. 76–78].

Такая же ситуация сложилась и в Приморском крае. Только к 2006 году руководству УБЭП и УНП УВД Приморского края удалось снизить некомплект подразделений, укрепить кадровый состав и повысить профессиональный уровень сотрудников. Некомплект в подразделениях БЭП ОВД края, в этот период сократился до 3,5%, в подразделениях по налоговым преступлениям до 2,9% [1].

Кадровая политика МВД России включает комплекс мер правового, организационного, социального характера, в том числе развитие системы

профессиональной подготовки и морально-психологического обеспечения. Концепция развития органов внутренних дел и внутренних войск МВД России, на период 1996–2005 годы, принятая Министром внутренних дел Российской Федерации, генералом армии, А. С. Куликовым устанавливала направления совершенствования кадровой работы, меры социальной защищенности сотрудников и меры повышения материально-технической оснащенности ОВД. Приоритетными, до 2005 года, стали такие направления кадровой политики – постепенное доведение штатной численности до уровня научно обоснованных нормативов, качественное улучшение системы подготовки и воспитания кадров, совершенствование нормативной правовой базы кадровой работы, совершенствование квалификационных требований к сотрудникам при приеме на службу, повышение эффективности служебной, боевой, физической и морально-психологической подготовки, возрождение общественных формирований в органах внутренних дел и повышение роли ветеранских организаций, судов чести [31, с. 16–36]. Одной из мер снижения текучести и размывания профессионального кадрового ядра на службе в ОВД стало введение контрактной системы приема на службу и развитие института личного поручительства при приеме и перемещениях по службе [33, с. 1–39].

В 1999 году Министром внутренних дел Российской Федерации Сергеем Владимировичем Степашиным в связи с объективной потребностью текущего момента развития ОВД и внутренних войск МВД России принята Концепция кадровой политики МВД России [33, с. 1–39]. Определены принципы, задачи, содержание и основные направления кадровой политики министерства. Целью кадровой политики на период до 2005 года было формирование высокопрофессионального, стабильного, максимально сбалансированного кадрового корпуса ОВД, соответствующего современным и прогнозируемым социально-политическим, экономическим, криминогенным и другим условиям, способного эффективно решать задачи МВД России, поставленные обществом и государством. Эта цель актуальна в настоящее время и на долгосрочную перспективу. Приоритетными направлениями кадровой политики определены комплектование ОВД квалифицированным и компетентным персоналом, развитие системы профессиональной подготовки и повышения квалификации кадров, укрепление и совершенствование духовно-нравственных основ службы в ОВД, развитие психологической службы [33, с. 1–39].

В ноябре 2003 года Министром внутренних дел Борисом Вячеславовичем Грызловым принята новая Концепция совершенствования профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел Российской Федерации, определившая принципы и задачи профессиональной подготовки, направления ее развития, усиление воспитательной направленности профессиональной подготовки [36, с. 91–141]. В 2006 году, в развитие положений данной Концепции, приказом МВД России от 28 октября 2006 года № 860 утверждено новое Наставление по организации профессиональной подготовки сотрудников ОВД Российской Федерации.

Вопросы сложности и напряженности службы, проблемы кадрового обеспечения и материально-технического оснащения ОВД Приморья, их влияние на эффективность деятельности органов внутренних дел Приморского края, в 1990-е и 2000-е годы, неоднократно рассматривались на совещаниях при начальнике Управления внутренних дел Приморского края. Принимались меры к закреплению профессионального ядра ОВД, укреплению служебной дисциплины и законности, совершенствованию профессиональной подготовки. Обеспечивалась поддержка молодых сотрудников, в том числе посредством ветеранских организаций, советов службы, помощи наставников, проводилась воспитательная работа [6, л. 236–238; 10, л. 244–255; 11, л. 111–124; 12, л. 87–95]. Кадровое обеспечение ОВД Приморья совершенствовалась в соответствии с кадровой политикой МВД России.

Специальное первоначальное обучение лиц, вновь принятых на службу, осуществлялось в учебных подразделениях региональных органов внутренних дел – центрах профессиональной подготовки. Во исполнение кадровой политики, в связи с изменившимися требованиями, исполняющим обязанности начальника УВД по Приморскому краю, полковником милиции, Александром Степановичем Мамраком, издан приказ от 18 июня 2009 года № 440, утвердившим новое Положение о Центре профессиональной подготовке УВД по Приморскому краю [14, с. 230–251]. Центр осуществлял ведомственную профессиональную подготовку сотрудников, вновь принятых на службу в ОВД Приморья, а также обучение сотрудников других субъектов Российской Федерации, в соответствии с ежегодным планом МВД России.

Принятыми мерами УВД Приморского края к 2006 году некомплект в подразделениях БЭП составил 3,5%, в подразделениях НП 2,9%. Число сотрудников экономической безопасности ОВД края с высшим образованием составило 76,7%. В 2006 году 44,3% должностных лиц подразделений БЭП составляли сотрудники со стажем службы 3–10 лет. 54,3% сотрудников возрастом до 30 лет, еще 24,6% возрастом 31–40 лет. 77,5% сотрудников обладали высшим образованием, из них 40% юридическим, 9,6% экономическим. К 2006 году подразделения по борьбе с экономическими преступлениями ОВД края имели, молодой, опытный, и образованный коллектив. В подразделениях по налоговым преступлениям ОВД края служили сотрудники, в основном с высшим образованием 75,4%, в том числе юридическим 22,8%, экономическим 27% [1].

Оперативно-служебная деятельность ОВД Приморья по борьбе с экономической преступностью на рубеже XX–XXI вв. отмечена рядом позитивных тенденций. В 2001 году подразделения БЭП края достигли высоких результатов. Под руководством полковника милиции Владимира Борисовича Турчина управление БЭП УВД Приморского края заняло 12 место в России по итогам работы за год. Усилия по пресечению преступлений экономической направленности в крае наращивались интенсивнее, чем в среднем по России. Рост выявляемости преступлений подразделениями БЭП Приморья составил 13,6%, среднероссийский показатель 2,5% [7, с. 26–38]. Положительный опыт края пресечения преступности в сфере приватизации оценен на уровне ГУБЭП

МВД России. Алгоритм действий при выявлении злоупотребления должностным положением и взятки, а также при выявлении преступного сговора при приватизации муниципального имущества применен в деятельности других подразделений страны [27, с. 218–219]. Оперативные подразделения ОВД края по борьбе с экономической преступностью, во взаимодействии с другими подразделениями и правоохранительными органами, внесли весомый вклад в противодействие преступности в рыбной и лесной отраслях страны, раскрывая значительное число всех зарегистрированных в России преступлений. Так в 2004–2008 гг. в рыбной отрасли страны подразделения БЭП и НП края раскрывали от 33,8 до 45,8 % всех зарегистрированных преступлений, а в лесной от 6,0 до 8,8 % [2].

Без сомнения, одной из причин повышения эффективности оперативно-служебной деятельности подразделений становится реализация руководством УВД Приморского края кадровой политики МВД России. Совершенствование профессиональной подготовки, подбор и расстановка специалистов, слаживание коллективов, совершенствование управления приводили к росту эффективности деятельности по борьбе с экономической преступностью и позволяли достигать определенных успехов.

Кадровая политика МВД России является основой развития органов внутренних дел, повышения эффективности противодействия преступности, обеспечения личной и общественной безопасности. На рубеже XX–XXI вв. МВД России проведен ряд мероприятий по совершенствованию кадрового обеспечения оперативно-служебной деятельности ОВД, в том числе по борьбе с экономической преступностью. Принимаемые меры способствовали повышению эффективности противодействия экономической преступности.

Список источников и литературы

1. Архив УМВД России по Приморскому краю. Документальный фонд.
2. Архив УМВД России по Приморскому краю. Документальный фонд. Статистический отчет «Сведения нарастающим итогом по борьбе с преступностью в Приморском крае в сравнении с 12 месяцами прошлого года». 2003–2011.
3. Там же. Ф.12. Оп. 2. Д. 517.
4. Там же. Ф.12. Оп. 3. Д. 19.
5. Там же. Ф.12. Оп. 3. Д. 20.
6. Там же. Ф.12. Оп. 4. Д. 7.
7. Там же. Ф.12. Оп. 15. Д. 6.
8. Там же. Ф.12. Оп. 15. Д. 15.
9. Там же. Ф.12. Оп. 22. Д. 27.
10. Там же. Ф.12. Оп. 27. Д. 1.
11. Там же. Ф.12. Оп. 27. Д. 2.
12. Там же. Ф.12. Оп. 31. Д. 2.
13. Там же. Ф.12. Оп. 36. Д. 8.
14. Там же. Ф.12. Оп. 36. Д. 15.

15. Бакшутев С.Н., Орнацкая Т.А., Шабельникова Н.А. Дальневосточная милицеекая школа в государственной системе профессионального образования (1918–2011): монография. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2017. 234 с.
16. Гайворонская И. Б., Фомина Т.Ф. Психологический анализ проблемы текучести кадров и перспективные задачи ее решения // Психология XXI века. Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции молодых ученых. 2012. С. 201–204.
17. Занина Т.М., Разуваева Н.И., Набиев В.В. Подбор и аттестация кадров органов внутренних дел: правовые и организационные аспекты: монография. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2017. 127 с.
18. Зыбин С.Ф. Избранные труды. Санкт-Петербург: Юридический центр-Пресс, 2012. Т. 1. 472 с.
19. Зыбин С.Ф. Правовые основы кадрового обеспечения деятельности органов внутренних дел: монография. С.-Петербург. акад. СПб, 1997. 261 с.
20. Мужанов О.В. Исторический опыт разработки и реализации государственной кадровой политики в системе МВД России: 1989–2003 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва, 2004. 208 с.
21. Некрытый В.В., Жерновой М.В., Шабельникова Н.А., Милежик А.В., Усов А.В., Якутина М.С. На Тихоокеанских рубежах: Владивостокскому филиалу Дальневосточного юридического института МВД России – 50 лет. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2020. 216 с.
22. Николаенко Е. А. Кадровый потенциал органа внутренних дел как важный ресурс территориального органа МВД России // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 2. С. 35–39.
23. Скогорева Т.Ф., Чхвимидани Э.Ж. Роль кадровой политики в повышении эффективности системы подбора кадров для органов внутренних дел России // Право и практика. 2020. № 1. С. 37–41.
24. Теоретические основы и практика работы кадровых подразделений органов внутренних дел Российской Федерации по вопросам прохождения службы. Москва: Академия управления МВД России, 2017. 84 с.
25. Тихомиров, С. Н. Профессиональное образование в МВД России: опыт становления, закономерности и перспективы развития: монография. Москва: МосУ МВД РФ, 2006. 257 с.
26. Федеральный закон от 30.11.2011. № 342 «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 49. Ст. 7020.
27. Центральный архив МВД России. Ф. 133. Оп. 1. Д. 131.
28. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 11.
29. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 14.
30. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 172.
31. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 174.
32. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 230.
33. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 277.
34. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 285.
35. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 420.
36. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 464.
37. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 483.
38. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 485.

39. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 765.
40. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 973.
41. Там же. Ф. 193. Оп. 1. Д. 33.
42. Там же. Ф. 193. Оп. 1. Д. 35.
43. Там же. Ф. 193. Оп. 1. Д. 36.
44. Шабельникова Н.А., Милежик А.В., Усов А.В. Формирование системы профессионального образования сотрудников органов внутренних дел на Дальнем Востоке России: учебное пособие. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2020. 78 с.
45. Шабельникова Н. А. Валерий Григорьевич Лагута – руководитель, оперативный работник, наставник: «Мой долг и долг всего преподавательского коллектива института передать слушателям свой опыт и воспитать из них сильных духом стражей правопорядка» // Гуманитарные чтения: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Великой Победы. Владивосток: Изд-во ДВФУ. 2020. С. 285–290.
46. Юзиханова Э.Г. Формирование кадровой политики органов внутренних дел // Концепт. 2014. № 10. С. 1–6.

© Виноградов А.М., 2022

Научная статья

УДК 336.02

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ И ПОЛИЦИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕРОПРИЯТИЙ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ

Кулажников В. В. начальник кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин ВФ ФГКОУ ВО «ДВЮИ МВД России» к. ю. н., доцент, полковник полиции

В статье рассматриваются вопросы деятельности государственных органов по осуществлению налогового контроля. Для выявления нарушений налогового законодательства, преступлений важнейшее значение имеет взаимодействие налоговых органов и полиции. Автор анализирует нормативные правовые акты, регламентирующие порядок, формы взаимодействия полиции и налоговых органов при проведении контрольно-проверочных мероприятий в налоговой сфере.

Ключевые слова: налоговые органы, полиция, налоговый контроль, взаимодействие, неправомерные действия

Для цитирования: Кулажников В. В. Правовые аспекты взаимодействия налоговых органов и полиции при осуществлении мероприятий налогового контроля // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 76–83.

Original article

LEGAL ASPECTS OF INTERACTION BETWEEN TAX AUTHORITIES AND THE POLICE IN THE IMPLEMENTATION OF TAX CONTROL MEASURES

Kulazhnikov V. V. Chief of the chair of State-legal and Civil-legal Disciplines of the VF FGKOU VO "DVUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia" Candidate of Law, Associate Professor, Police Colonel

The article deals with the issues of the activities of state bodies for the implementation of tax control. In order to identify violations of tax legislation and

crimes, the interaction of tax authorities and the police is of crucial importance. The author analyzes the normative legal acts regulating the procedure and forms of interaction between the police and tax authorities during control and verification activities in the tax sphere.

Keywords: tax authorities, police, tax control, interaction, illegal actions

For citation: Kulazhnikov V. V. Legal aspects of interaction between tax authorities and the police in the implementation of tax control measures. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 76–83. (In Russ.).

В настоящее время преступная деятельность совершенствуется не только с финансовой точки зрения, но и технической. В связи с этим число преступлений в сфере налоговых отношений увеличивается, а количество выявленных преступлений уменьшается с каждым годом, так как выявление и раскрытие данных преступлений достаточно трудоемкий и длительный процесс.

Участие сотрудников полиции в налоговом контроле обусловлено значимостью для налоговых органов поддержки с их стороны. Осуществление такой необходимой помощи реализуется через участие органов внутренних дел (далее ОВД) в налоговых проверках, поскольку их широкие полномочия и соответствующий профессиональный опыт по сбору доказательственной базы только увеличит результативность таких проверок.

Отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля регулируются законодательством о налогах и сборах, а в случае с должностными лицами ОВД даже ведомственными приказами.

Государственные органы специальной компетенции выступают субъектами налогового контроля. Так, например, отдельными контрольными полномочиями наделены сотрудники полиции.

Результаты проведения мероприятий налогового контроля являются основанием для привлечения лица, в отношении которого производилась налоговая проверка к ответственности в порядке и на условиях, предусмотренных НК РФ.

В автоматизированной информационной системе налоговых органов после проведения мероприятий налогового контроля (далее АИС «Налог») формируются формы документов, создаваемые в процессе осуществления мероприятий налогового контроля [8].

Таким образом, должностные лица при проведении контрольных мероприятий наделены определенными полномочиями, закрепленными в соответствующих процессуальных документах. При реализации данных мероприятий должны соблюдаться права и законные интересы частных лиц, форма и правила проведения.

Налоговая проверка – это совокупность определенных способов и методов налогового контроля, используемых налоговыми органами, уполномоченных на осуществление данного вида деятельности для установления достоверности

и законности отражения объектов налогообложения и порядка уплаты налогов и сборов в бухгалтерских учетах и иных носителях информационных данных. В ходе осуществления налоговых проверок производится полное изучение финансово-хозяйственных операций юридических или физических лиц [5].

Основными видами налоговых проверок налогоплательщиков, плательщиков сборов, плательщиков страховых взносов и налоговых агентов являются: камеральные налоговые проверки, в проведении которых сотрудники полиции привлекаться не могут, и выездные налоговые проверки.

Выездная проверка характеризуется более высокой объективностью изучения полноты и правильности налоговых расчетов, их сопоставление с данными первичных документов, аналитическим и синтетическим учетом, бухгалтерской отчетностью, поэтому рекомендуется участие сотрудников полиции, поскольку должностные лица ОВД обладают более широкими полномочиями и соответствующим опытом по сбору доказательственной базы.

Рассуждая на данную тему следует отметить, что налоговые органы в последнее время кардинально изменили формы, методы и приоритеты контрольной работы. Руководство Федеральной налоговой службы (далее ФНС) неоднократно отмечало, что качественное планирование – залог повышения эффективности налогового администрирования, включающего с одной стороны, налоговый контроль, а с другой – достижение высокого уровня налоговой дисциплины и грамотности налогоплательщиков. Так ФНС выступая в роли контролирующего органа взаимодействует с правоохранительными органами, где основной целью данного взаимодействия является выявление налоговых преступлений. Такими органами выступают: Следственный Комитет Российской Федерации и Министерство внутренних дел Российской Федерации. Совместная деятельность данных обозначенных органов расширяет возможности и повышает эффективность проведения налоговых проверок, поскольку каждая структура обладает специфическим опытом работы в своей области.

Если углубиться в историю, то с 1993 г. проводились совместные проверки с налоговой полицией, а после ее упразднения в 2003 г. реализовывались проверки с участием ОВД. Со многими другими федеральными органами налоговой службой также заключены соглашения, договоры и другие акты о совместной контрольной деятельности [6].

Сотрудники ОВД участвуют в проведении выездной налоговой проверки путем осуществления полномочий, предоставленных им:

1. Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативной-розыскной деятельности» [7];
2. Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»;
3. Иными нормативными правовыми актами РФ.

Ещё одним эффективным способом получения информации является допрос. Лицо допрашивается в соответствии с уголовно-процессуальным и налоговым законодательством. Главным моментом тут является то, что допрос сотрудником ОВД будет считаться правомерным лишь в том случае, когда данный сотрудник будет включен в состав проверяющих. Т. е. если со-

трудник ОВД не участвовал в осуществлении выездной налоговой проверки, то он не имеет полномочий на проведение допроса.

В НК РФ нет норм, где было бы сказано об обязательном участии сотрудников ОВД в выездных налоговых проверках в конкретных случаях. Поэтому пристального внимания заслуживает Письмо ФНС России от 24.08.2012 № АС-4-2/14007@ «Об участии органов внутренних дел в выездных налоговых проверках» [2].

В результате проверки составляется акт выездной налоговой проверки, проводимой налоговым органом с участием ОВД, который подписывается участвовавшими в проверке должностными лицами налогового органа и сотрудниками органа внутренних дел, кроме сотрудников органа внутренних дел, которые привлекались для участия в проведении конкретных действий по осуществлению налогового контроля в качестве специалистов и (или) для обеспечения мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья должностных лиц налогового органа, проводящих проверку, а также лицом, в отношении которого проводилась эта проверка.

Если лицо, в отношении которого производилась налоговая проверка не согласен с фактами, изложенными в акте налоговой проверки, вправе предоставить в налоговый орган, проводивший налоговую проверку, письменные возражения (п. 6 ст. 100 НК РФ). В таком возражении налогоплательщик может указать обстоятельства, с которыми он не согласен, сделать ссылку на судебную практику (если она подтверждает правоту налогоплательщика), либо сослаться на имеющиеся у организации документы, которые также подтверждают правоту налогоплательщика.

Срок, установленный на подачу возражений по акту налоговой проверки, составляет один месяц, а по консолидированной группе налогоплательщиков 30 дней со дня получения акта налоговой проверки. Также в течении указанного срока возражения можно уточнять и (или) дополнять.

После рассмотрения акта налоговой проверки, иных материалов и возражений налогоплательщика руководитель или же заместитель руководителя налогового органа принимает определенное решение в течение 10 рабочих дней.

Первое решение – о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения; второе – об отказе в привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности.

Статистика выездных проверок за 2019 год в РФ составляет около 9334 проверок, из которых результативных составляет 8977 проверок, что составляет 96,2% от общего количества. Уже в 2020 году сократилось на треть и составило 6 тыс. Контрольные мероприятия дополнительно принесли в бюджет почти 300 млрд рублей. Количество выездных проверок сокращается год от года.

Такие развитые страны как Германия, США, Франция и другие улучшают свои отношения с налогоплательщиками путем предоставления налогоплательщику весь спектр необходимых услуг. Такими услугами выступают: консультирование, обучение налогоплательщика порядку составления налоговой отчетности, предоставление информации и другие [3]б.

Удивительным фактом является то, что Налоговый кодекс Франции брался за основу при подготовке НК РФ. Во Франции ответственно подходят к усовершенствованию налогового законодательства, сам кодекс совершенствуется и уточняется каждый год. В добавление к Налоговому кодексу Франции идут два тома разъяснений (ежегодных комментариев).

Налоговый кодекс Германии закрепляет положения, которые позволяют налоговой полиции проведение обысков и личных досмотров граждан, а также их задержание, что является существенным отличием от России.

В США на федеральном уровне налоговый контроль осуществляет Служба внутренних доходов, а также у них имеется подразделение по криминальным расследованиям (как в РФ правоохранительные органы). Также в США взаимоотношения между налогоплательщиком и государством строятся не по принципу «кнута» и «пряника», а на принципах согласованности и сотрудничества.

Интересным опытом, где организовано совместное расследование экономических преступлений правоохранительными органами – исходя из принципа, что почти в каждом преступлении есть элемент налогового правонарушения, является опыт Норвегии.

Существенным отличием РФ от перечисленных выше развитых стран является то, что они при расследовании налоговыми органами преступлений могут проводить ОРД.

Таким образом, познакомившись с опытом зарубежных стран, хотелось бы отметить, что идеальных налоговых систем нет. Они создаются и изменяются в зависимости от экономического состояния государства и сложившейся финансовой политики.

В отличие от понятия налогового контроля, определение налоговой оптимизации нигде не закреплено. Много российских исследователей в своих трудах раскрывали его, так согласно Брызгалину А.В., Бернику В.Р, Головину А.Н. налоговая оптимизация – это уменьшение размера налоговых обязательств посредством целенаправленных правомерных действий налогоплательщика, включающих в себя полное использование всех предоставленных законодательством льгот, налоговых освобождений и других законных приемов, и способов. Анализируя их высказывание можно подчеркнуть, что основной аспект заключается в правомерных действиях налогоплательщиков.

Налоговая оптимизация – это элемент налогового контроля, предусматривающий формирование оптимальной системы управления налогами и сборами. Добиться такой оптимальной системы, понятной для каждого участника, касающегося сферы налогообложения, можно если ему будут понятны права и предписания поведения, которые установлены налоговым, уголовным и другим законодательством.

Кроме ошибок, совершаемых сотрудниками ОВД, связанных с доказательства по налоговым спорам, есть еще негативные обстоятельства, которые также влияют результативность расследования преступлений в сфере налоговых отношений. Преступления данного рода сложны в доказывании и требует особого подхода к сбору и фиксации доказательств или, как пра-

вило, такие преступления выявляются спустя достаточной большой промежуток времени, когда оперативным службам остается лишь констатировать факт совершения неправомерного деяния. Безусловно оперативно-розыскная деятельность (далее ОРД) была и остается одним из эффективных средств борьбы с преступлениями в сфере налогообложения, но иногда бывают случаи, когда даже они не могут собрать необходимый оперативный материал.

В случае, если результаты ОРД носят гласный несекретный характер, то эти сведения можно причислить к документам, свидетельствующим о нарушениях законодательства о налогах и сборах. Однако, что касается негласных результатов, которые также могут свидетельствовать о нарушениях законодательства, то на законодательном уровне данная проблема не оглашена.

Дело в том, что такие негласные результаты, во-первых, могут содержать сведения государственной тайны.

Во-вторых, это связано с проблемой рассекречивания и направления негласных ОРМ. Для рассекречивания сведений, составляющих государственную тайну, выносится соответствующее постановление руководителем органа, осуществляющим ОРД.

Согласно всему вышесказанному результаты негласных ОРМ не направляются в налоговый орган, а только исключительно гласные сведения, что не полностью отражает субъективную сторону совершенного налогового правонарушения [4].

Еще одним моментом, связанным с использованием результатом ОРД является их недопустимость использования в качестве доказательств при вынесении решения о привлечении к налоговой ответственности.

В осуществлении необходимой помощи при выявлении, пресечении и раскрытии правонарушений может оказать орган дознания. Он в свою очередь в рамках оперативно-розыскной деятельности устанавливает наличие факта неуплаты налога или страховых взносов, предусмотренных законодательством о налогах и сборах.

Таким образом, можно сделать вывод, что постоянное взаимодействие контролирующих органов с правоохранительными является необходимым условием для осуществления результативного контроля за деятельностью налогоплательщиков. Ведь такой задаче государства как обеспечение стабильности экономики противостоит стремление налогоплательщика максимально уменьшить размер своих налоговых платежей.

Налоговые правонарушения и преступления как фактор, отрицательно влияющий на деятельность государственного аппарата, а соответственно на налоговую систему в целом, требует особого внимания. Такое внимание обеспечивается контролирующими органами, основной задачей которых является выявление налоговой преступности. Основной чертой налоговой преступности в России является ее высокая скрытность. Учитывая этот признак, невозможно выявление налоговой преступности без взаимодействия контролирующих органов с правоохранительными.

Сотрудники полиции обеспечивают поддержку в виде: оперативно-розыскных мероприятий; своевременно начатого уголовного преследования, вследствие быстрого и активного реагирования на заявления и сообщения о налоговых преступлениях; обоснованного и полноценного проведения налоговых проверок и др. Все перечисленные действия направлены на раскрытие совершенных и предупреждение новых правонарушений и преступлений в сфере налогообложения.

При проведении налогового контроля уполномоченные органы на практике применяют различные его формы, методы и виды, что зависит как от специфики деятельности юридического лица, так и от целей и задач, для исполнения которых он реализуется. На основании всего вышеперечисленного в начной работе можно сделать вывод, что результативность проверок, проводимых совместно с сотрудниками полиции значительно превышает эффективность проверок, проводившихся налоговыми органами самостоятельно.

Целью проверок, осуществляемых органами внутренних дел, является выявление, пресечение и документирование фактов преступного неисполнения обязанностей, предусмотренных законодательством о налогах и сборах, целью налоговой проверки является проверка исполнительности налогоплательщиков и налоговых агентов.

По материалам проверки могут быть приняты следующие решения:

1. о возбуждении уголовного дела;
2. о составлении протокола об административном правонарушении;
3. о передаче материалов для рассмотрения налоговым органам;
4. о завершении проверки в связи с не установлением нарушения

законодательства.

О принятом по результатам проверки решении в трехдневный срок извещается организация или физическое лицо, в отношении которых проводились указанные мероприятия.

Самая значимая проблема, которой в последующем нужно будет уделить пристальное внимание – это проблема, связанная с несовершенством законодательства в области налогов и сборов, уклонением от уплаты налогов, низкой материальной обеспеченностью сотрудников контролирующих органов и многие другие проблемы [1].

Список источников и литературы

1. Желудкова А.А. Особенности взаимодействия органов внутренних дел и органов налоговой службы в ходе осуществления налогового контроля // Economics. 2018. № 4 (36). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimodeystviya-organov-vnutrennih-del-i-organov-nalogovoy-služby-v-hode-osuschestvleniya-nalogovogo-kontrolya>.
2. Письмо ФНС России от 24.08.2012 № АС-4–2/14007@ «Об участии органов внутренних дел в выездных налоговых проверках» [Электронный ресурс]: справочная информация подготовлена специалистами АО «Консультант Плюс».

3. Савин Д. А. Зарубежный опыт организации служб налогового контроля // Сервис в России и за рубежом. 2012. № 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-organizatsii-sluzhb-nalogoovogo-kontrolya>.
4. Семенчук В. В. Проблемные вопросы участия оперативных подразделений органов внутренних дел в выявлении налоговых преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 1 (23). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnyye-voprosy-uchastiya-operativnyh-podrazdeleniy-organov-vnutrennih-del-v-vyyavlenii-nalogoovyh-prestupleniy>.
5. Слободчиков Д. Н. Проблемы повышения эффективности проведения налогового контроля (на примере Камчатского края): монография. М.: ИД «Экономическая газета», ИТКОР, 2012. 190 с. ISBN978–5–4319–0012–9. [Электронный ресурс] // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS: [сайт]. URL: <http://www.iprbookshop.ru/8371.html>.
6. Спирина, Л.В., Тимошенко В. А. Налоговые проверки: учебно-практическое пособие. М.: Экзамен, 2006. 361 с. [Электронный ресурс] // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS: [сайт]. [Электронный ресурс] URL: <http://www.iprbookshop.ru/787.html>.
7. Федеральный закон от 12 августа 1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
8. Шелемех Н. Н. Налоговая проверка: учебное пособие. Саратов: Ай Пи Ар Букс, 2015. 303 с. [Электронный ресурс] // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS: [сайт]. URL: <http://www.iprbookshop.ru/33868.html>.

© Кулажников В. В., 2022

Научная статья

УДК 94(47).083

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖАНДАРМСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ШПИОНАЖУ

Никонов К. О., старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Дальневосточного юридического института МВД России

В статье рассматривается деятельность жандармских подразделений по противодействию шпионажу на Дальнем Востоке Российской империи. Акцентируется внимание на том, что во время Первой мировой войны на Дальнем Востоке России широкую деятельность приобрел иностранный шпионаж, особенно японский. Обобщаются способы формирования агентуры и методы противодействия шпионажу.

Ключевые слова: шпионаж, агентура, жандармские подразделения, Дальний Восток, Российская Империя.

Для цитирования: Никонов К. О. Деятельность жандармских подразделений на Дальнем Востоке Российской империи по противодействию шпионажу // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 84–87.

Original article

ACTIVITIES OF GENDARMERIE UNITS IN THE FAR EAST OF THE RUSSIAN EMPIRE TO COUNTER ESPIONAGE

Nikonov K. O., senior researcher, research department, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the activities of gendarmerie units to counter espionage in the Far East of the Russian Empire. Attention is focused on the fact that during the First World War in the Russian Far East, foreign espionage, especially Japanese, acquired wide activity. The methods of forming agents and methods of countering espionage are summarized.

Keywords: espionage, agents, gendarmerie units, the Far East, the Russian Empire.

For citation: Nikonov K. O. Activities of gendarmerie units in the Far East of the Russian empire to counter espionage. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 84–87. (In Russ.).

С периода освоения и до настоящего времени Дальний Восток является стратегическим регионом в системе национальной безопасности страны. В дореволюционный период борьба с внутренними угрозами была возложена на органы государственной тайной полиции, именуемой жандармерией. Расширение границ Российской империи и глобальное освоение дальневосточных рубежей на рубеже XIX – начала XX вв. способствовало усилению и укреплению государственных структур.

Отечественными исследователями изучаются общие вопросы охраны русских железных дорог [2; 17; 18], роль КВЖД в экспансионистских замыслах США и Маньчжурии в 1906–1917 гг. [1], особенности жандармско-полицейского надзора на железных дорогах России в начале XX в. [11], роль Приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти в обеспечении безопасности транспортных перевозок на Дальнем Востоке России в период Первой мировой войны [16]. Особого внимания заслуживает анализ работы негласной агентуры МВД по выявлению фактов шпионажа на востоке Российской империи [15].

Во время Первой мировой войны на Дальнем Востоке России широкую деятельность приобрел иностранный шпионаж, особенно японский. Жандармские чины обзавелись агентурой в японской диаспоре, что позволило получать ценные контрразведывательные сведения [13, с. 116].

Руководство МВД ставило жандармам задачу подбора агентуры на всех уровнях: общегородская среда, среди военнослужащих, воспитанников ВУЗов, железнодорожных служащих, крестьян и лиц, состоящих в партиях, чтобы имелась оперативная информация о настроениях во всех сферах общественной жизни. Несмотря на большую текучесть агентов, из-за отсутствия у последних необходимых профессиональных и нравственных качеств, агентурные сведения являлись основной формой информирования жандармерии о деятельности различных организаций накануне и в годы Первой мировой войны [12, с. 53].

Большое значение в деятельности борьбы со шпионажем против Российской империи, противодействия государственным преступлениям, играла перлюстрация почтовых отправок. На Дальнем Востоке России у жандармских офицеров в числе агентов находились служащие телеграфных и почтовых отправок, которые предоставляли интересующую информацию жандармским служащим [5, л. 2–3]. Данная информация, без раскрытия личности агента, в рамках взаимодействия распространялась между другими жандармскими подразделениями и контрразведывательным отделением [7, л. 120].

Перлюстрация почтово-телеграфных отправок и корреспонденции сыграла большое значение в деле борьбы со шпионажем особенно в годы Первой мировой войны [14, с. 143; 8, л. 121].

Анализ циркуляра военного губернатора Приморской области от 14 февраля 1906 г. № 428 дает нам основание полагать, что имелась агентурная информация о подозрительных действиях японцев и возможности ожидать от них определенных опасных действий. В связи с этим был учрежден полицейский надзор за деятельностью японцев и слежка за ними, главным образом посредством надежных тайных агентов, в том числе и среди китайского населения. Особое внимание уделялось японцам, как проживающим в пределах Приморской области, так и прибывающих в такие важнейшие пункты, как крепость Владивосток, Николаевск, г. Никольск-Уссурийский и т. п. Указывалось о необходимости следить за каждым их шагом, знать с кем они входят в отношения, где бывают, кого принимаю у себя, словом вести дело так, чтобы ничто не ускользнуло от надзора [9, л. 15].

Летом 1914 г. в районе Посъетского стана участились случаи появления японских и корейских шпионов. Приставу Посъетского стана Петрову от Отдельного корпуса жандармов ротмистра Фиошина стало поступать много поручений (как указывает Пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае – за три месяца поступило более 100 поручений) о сообщении сведений о полной установке лиц, подозреваемых в шпионаже в пользу иностранных держав [6, л. 26].

Инструкцией чинам корпуса жандармов, полиции, акцизного, лесного, промышленного и судоводного надзора Приамурского генерал-губернаторства по отношению к лицам, заподозренным в иностранной разведке, предписывалось, что в каждом жандармском учреждении должен был вестись особый список японцев и других национальностей, которые особенно часто, не имея на то никаких коммерческих целей, выезжали из данного пункта во Владивосток и возвращаются обратно. Таких лиц необходимо было обыскивать, так как они могли служить почтальонами для перевозки писем или фальшивых денег [4, л. 11].

Отметить, что в Средней Сибири, в Монголии и пограничных с ней русских владениях, а также на Дальнем Востоке России, неоднократно обнаруживались русские фальшивые денежные знаки: кредитные билеты рублевого и трехрублевого достоинства, и серебряные мелкие монеты. По сведениям Министерства финансов Российской империи, обнаруживаемые поддельные рублевые кредитные билеты, были помечены 1895 годом, имели разные литеры и номера, принадлежали к японскому роду подделки [3, л. Зоб.].

В 1906 г. командующий Приамурским военным округом выступил перед военным губернатором Приморской области с инициативой учредить полицейский надзор за всеми японцами, как проживающими, так и пребывающими в пределы Приморской области. В особенности в крепостях «Владивосток», «Николаевск», г. Никольск-Уссурийском [10, л. 12]. Однако, учитывая большую численность японцев на Дальнем Востоке, для достижения указанной цели необходимо было увеличение штата жандармских чинов и значительное увеличение финансирования на агентурную работу.

Таким образом, противодействие шпионажу было одной из форм деятельности жандармских подразделений на Дальнем Востоке Российской империи, где агентурный аппарат сыграл немаловажную роль.

Список источников и литературы

1. Ананьева Н. П. О роли китайской-восточной железной дороги в экспансионистских замыслах США в Маньчжурии в 1906–1917 гг. // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2011. № 4 (33). С. 46–56.
2. Виноградов П. В., Шабельникова Н. А. Китайско-восточная железная дорога – главная транспортная артерия на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны // Клио. 2020. № 7 (163). С. 20–27.
3. Государственный архив Хабаровского края (далее – ГА РФ). Ф. 110. Оп. 22. Д. 112.
4. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2206.
5. ГА ХК. Ф. 1736. Оп. 7. Д. 119.
6. ГА ХК. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1.
7. ГА ХК. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1а.
8. ГА ХК. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1а.
9. ГА ХК. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 2.
10. ГАХК. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 2.
11. Гостев С. С., Мыцыков В. В. Жандармско-полицейский надзор на железных дорогах России в начале XX в. // Берегиня. 777. Сова. 2009. № 1 (1). С. 9–14.
12. Синиченко В. В. Агентурная работа жандармерии России на Дальнем Востоке накануне и в годы Первой мировой войны // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные и зарубежные спецслужбы: история и современность: материалы XXII междунар. науч. конф. М.: Общество изучения истории отечеств. Спецслужб, 2018. С. 49–53.
13. Синиченко В. В. Внутренняя агентура и контрразведывательная работа жандармов на русском Дальнем Востоке в начале XX в. Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2019. № 19–2. С. 116.
14. Синиченко В. В. Перлюстрация в деятельности органов военной контрразведки Первой мировой войны // Гуманитарные чтения. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Великой Победы. ДВФУ. – Владивосток, 2020. С. 139–144.
15. Синиченко В. В. Работа негласной агентуры МВД по выявлению фактов шпионажа на востоке Российской империи в годы Первой мировой войны: монография. Москва: Проспект, 2021. 144 с.
16. Соколенко А. В. Роль Приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти в обеспечении безопасности транспортных перевозок на Дальнем Востоке России в период Первой мировой войны (август 1914 – март 1917) // Известия Иркутского государственного университета. История. 2016. Т. 15. С. 78–87;
17. Шабельникова Н. А. Жандармско-полицейские управления на Дальнем Востоке России: перспективы формирования источниковой основы исследования // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. № 20–2. С. 181–183.
18. Шабельникова Н. А., Милежик А. В. К вопросу об изучении деятельности жандармско-полицейских управлений на Дальнем Востоке России // Теория и практика преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД. 2019. С. 271–276.

Научная статья

УДК 93/94

СОТРУДНИЧЕСТВО ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ СПЕЦСЛУЖБ С ИНОСТРАННЫМИ ПАРТИЗАНСКИМИ ОТРЯДАМИ В 1930–1940-Е ГОДЫ

Орнацкая Т.А., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат исторических наук, доцент

В настоящее время все реже вспоминают о помощи сопредельных государств в борьбе с фашизмом. Представленная статья раскрывает вклад китайских и корейских коммунистов в борьбе против Квантунской армии.

Ключевые слова: Дальний Восток, Великая Отечественная война, органы безопасности, партизанские отряды.

Для цитирования: Орнацкая Т. А. Сотрудничество дальневосточных спецслужб с иностранными партизанскими отрядами в 1930–1940-е годы // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 88–92.

Original article

COOPERATION OF THE FAR EASTERN SPECIAL SERVICES WITH FOREIGN PARTISAN DETACHMENTS IN THE 1930S AND 1940S

Ornatskaya T.A., associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice, candidate of history, associate professor

At present, less and less people remember the help of neighboring states in the fight against fascism. This article reveals the contribution of Chinese and Korean communists in the fight against the Kwantung army.

Keywords: The Far East, the Great Patriotic War, security agencies, partisan detachments.

For citation: Ornatskaya T. A. Cooperation of the Far Eastern special services with foreign partisan detachments in the 1930s and 1940s. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 88–92. (In Russ.).

Сложная международная обстановка, сложившаяся в 1930-х – начале 1940-х гг., враждебное окружение на западных и восточных границах СССР, требовали организации добывания информации о возникающих угрозах, готовящихся антисоветских акциях военного и другого характера, а также о важнейших событиях международного масштаба, в той или иной мере затрагивающих безопасность Дальневосточного региона. В рамках реализации этих задач спецслужбами СССР организовывалась подготовка иностранных коммунистов, желавших сотрудничать с советской разведкой. Основной массой, откуда черпались будущие кадры разведчиков, являлась агентура Коммунистического Интернационала.

В течение 1930-х гг. для работы на Дальнем Востоке будущие потенциальные шпионы набирались из китайцев, корейцев, японцев и малочисленных народов региона (нанайцев, нивхов, орочей, удйгейцев и т. д.). Для трудящихся Востока создавались учебные заведения [3, с. 61], для дальнейшего обучения в спецшколах по подготовке разведчиков, учебные заведения создавались под контролем Коминтерна. Помимо специальной военной подготовки преподавалась тактика партизанской борьбы, техника подполья, диверсионная работа и проч.

Согласно существовавшим до второй половины 1930-х гг. взглядам организация партизанской борьбы против агрессоров была прерогативой высших и местных партийных и советских органов. В определенной степени эта функция возлагалась на военное командование и органы государственной безопасности. Начиная с 1932 г. были созданы школы подготовки кадров для партизанской и диверсионной деятельности. Они являлись совершенно секретными объектами и подлежали зашифровке не только от населения, но и от сотрудников органов государственной безопасности, не имевших к их деятельности непосредственного отношения.

Во второй половине 1930-х годов организацией и проведением активных мероприятий в Дальневосточном регионе в основном занимались пограничные органы при содействии разведывательных подразделений территориальных органов государственной безопасности. Выполнение особых заданий по ограничению деятельности японской разведки осуществлялось только с санкции начальника пограничных войск НКВД СССР, по представлению начальника пограничных войск округа, согласованному с начальником УНКВД Дальневосточного края.

К концу 1930-х гг. работа по обучению партизан стала рассматриваться руководством страны как подготовка к покушению на изменение государственного строя в интересах иностранных держав. В 1937–1938 гг. все «саперно-маскировочные» взводы были расформированы, учебные центры закрыты, базы

на территориях сопредельных государств ликвидированы, минно-взрывные заграждения в полосе обеспечения демонтированы. Во многих источниках отмечается, что практически все партизанские кадры были уничтожены в результате репрессий 1937–1938 гг. Была ликвидирована сеть партизанских школ, расформированы отряды и группы [4, с. 448].

После образования в 1932 г. прояпонского государства Маньчжоу-Го, на территории Северной Маньчжурии развернулось партизанское антияпонское движение. В феврале 1936 г. под руководством Коммунистической партии Китая, произошла консолидация партизанских сил в Объединенную армию сопротивления Японии (ОАСЯ). К середине 1939 г. японские войска нанесли ощутимые потери китайским партизанам, в результате чего, на совещании партизанов в Туудаолихэ в октябре 1939 г. было принято решение – направить делегацию командования ОАСЯ в СССР (с переходом границы) для встречи с представителями Дальневосточного фронта. Согласно дневниковым записям одного из руководителей китайских партизан Чжоу Баочжуна такая встреча произошла в начале 1940 г. в Хабаровске. Итогом встречи стало подписание соглашения об условиях приема, отдыха и переформирования на территории СССР организаций китайских партизан в случае их вынужденного перехода на советскую территорию и помощи им при обратном возвращении в Маньчжурию [1, с. 153].

В 1940–1941 гг. обстановка в Маньчжурии сильно обострилась, прежде всего, в результате усилившегося военного натиска японских войск против партизан. Это привело к стремлению партизан в одиночку или группами при выходе их боев пробиваться к границам СССР и переходить на советскую территорию. Так, летом 1940 г. значительная часть китайских партизан смогла пробиться к советской границе и перейти ее, скрывшись на территории Хабаровского края и Приморья. Там для перешедших партизан командованием Дальневосточного фронта было выделено два района, южный лагерь в Приморье, северный – в Хабаровском крае.

Поздней осенью 1940 г. через р. Туманган на территорию Приморья перешла большая группа корейских партизан, около 30 чел., во главе с их командиром Ким Ир Сенем [2, с. 385]. В 1941 г. на советскую территорию перешли ряд высших командиров, руководивших антияпонским партизанским движением на территории Маньчжурии. По китайским данным, на территорию Хабаровского и Приморского краев в тот период перешло примерно 1600 китайских партизан. Некоторые из командиров переходили со своими супругами, которые также являлись партизанами.

Фактически, это можно считать организованной передислокацией, осуществленной по договоренности между командованием Дальневосточного фронта, чекистами и руководством ОАСЯ, остатков китайских и корейских партизанских частей и соединений из Маньчжурии на территорию советского Дальнего Востока, что привело к значительному изменению обстановки в Северо-Восточном Китае и деятельности антияпонского партизанского движения.

С началом Великой Отечественной войны сотрудники дальневосточных органов государственной безопасности были поставлены в такие условия, когда в максимально короткие сроки было необходимо возродить партизанские отряды в регионе. Для реализации этой цели использовались не только внутренние резервы, но и привлекались бойцы партизанских отрядов из сопредельных стран [5, с. 143].

Советское руководство, осознавая важность борьбы против японцев в Северной Маньчжурии, пошло на обучение и подготовку китайских и корейских партизан, осуществлявшуюся на территории советского Дальнего Востока силами офицеров Дальневосточного фронта и оперативными сотрудниками УНКВД по Хабаровскому краю. В августе 1942 г. совместными усилиями под Хабаровском, в районе с. Вятское завершилось формирование 88 стрелковой бригады, в которую вошли китайские и корейские партизаны. На 1 сентября 1942 г. в бригаде официально числилось 800 чел., в т. ч. 400 китайцев, 103 корейца и 309 советских граждан [4, с. 166]. Заметим, что срок подготовки бойцов в бригаде был не ограничен и зависел от оперативной обстановки в Северной Маньчжурии.

Весной 1945 г. Чжоу Баочжун предложил план, который предусматривал переход бригады в полном составе госграницы СССР в районе ее стыка с Кореей и Китаем, с созданием в дальнейшем на этой территории партизанского края. В последующем предусматривалось содействовать отсюда боевым операциям советских войск в случае вступления СССР в войну с Японией. Однако в начале августа командование советских войск на Дальнем Востоке временно отложило передислокацию бригады, а затем, уже в начале войны с Японией перенаселило бригаду, ее личный состав на решение других задач.

Таким образом, привлечение интернациональных партизанских формирований к обеспечению безопасности региона позволило советским войскам в кратчайшие сроки разгромить Квантунскую Армию.

Список источников и литературы

1. Жадан А. В. Реорганизация противодействия бандитизму на Дальнем Востоке в условиях начала Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 150–160.
2. Ляскина Н. В. Преступность несовершеннолетних, как объект исторического исследования // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение. Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию высшего исторического образования на Дальнем Востоке России. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2018. С. 384–390.
3. Тюрькова А. А. Социально-экономические и геополитические предпосылки развития преступности на Дальнем Востоке России в 1920-х гг. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2021. № 21–2. С. 166–167.

4. Цуканов С.С., Чепик М.В. Военная контрразведка в системе органов безопасности Дальнего Востока // Культурно-историческое наследие России и стран АТР: исследование и сохранение: материалы междунар. науч.-практ. конф. посвящ. 100-летию исторического образования на Дальнем Востоке России. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. С. 445–450.
5. Шабельникова Н.А., Усов А.В. Военно-мобилизационная работа НКВД Приморского края в начальный период Великой Отечественной войны // Клио. № 11 (179). С. 143–149.

© Орнацкая Т.А., 2022

Научная статья

УДК 94

**«ТОЛЬКО ТОТ НАРОД, КОТОРЫЙ ЧТИТ СВОИХ ГЕРОЕВ,
МОЖЕТ СЧИТАТЬСЯ ВЕЛИКИМ»:
К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ**

*Тулиглович М.А., заместитель директора Дальневосточного филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» по
учебной и воспитательной работе (г. Хабаровск), кандидат юридиче-
ских наук, доцент*

В статье обобщается актуальность изучения истории органов внутренних дел в современный период развития нашей страны. Акцентируется внимание на изучении различных аспектов истории ОВД в рамках научной школы по истории правоохранительных органов на Дальнем Востоке России. Дается краткий обзор исследований в рамках обозначенной тематики. Делается вывод о том, что история органов внутренних дел России играет важную роль в формировании мировоззрения, повышении правосознания, поскольку знание своей истории обусловлено возрастающими требованиями к интеллектуальной, общекультурной, гуманитарной подготовке сотрудников системы МВД Российской Федерации.

Ключевые слова: научная школа, перспективы изучения, научные исследования, историография, органы внутренних дел, история, Россия, Дальний Восток.

Для цитирования: Тулиглович М. А. «Только тот народ, который чтит своих героев, может считаться великим»: к вопросу об актуальности изучения истории органов внутренних дел России // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 93–98.

Original article

"ONLY THE PEOPLE WHO HONOR THEIR HEROES CAN BE CONSIDERED GREAT": TO THE QUESTION OF THE RELEVANCE OF STUDYING THE HISTORY OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF RUSSIA

Tuliglovich M.A., Deputy Director of the Far Eastern branch of the Federation State Educational Institution of Higher Education Russian State University of Justice for Educational and Educational Work (Khabarovsk), Candidate of Law, Associate Professor

The article summarizes the relevance of studying the history of internal affairs bodies in the modern period of development of our country. Attention is focused on the study of various aspects of the history of the Department of Internal Affairs within the framework of the scientific school on the history of law enforcement agencies in the Russian Far East. A brief overview of research within the framework of the designated topic is given. It is concluded that the history of the internal affairs bodies of Russia plays an important role in the formation of a worldview, raising legal awareness, since knowledge of its history is conditioned by the increasing requirements for intellectual, general cultural, humanitarian training of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Keywords: scientific school, prospects of study, research, historiography, law enforcement agencies, history, Russia, Far East.

For citation: Tuliglovich M. A. "Only the people who honor their heroes can be considered great": to the question of the relevance of studying the history of the internal affairs bodies of Russia. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 93–98. (In Russ.).

Многовековая история страны – это совокупность выдающихся и ярких личностей – полководцев, государственных и религиозных деятелей, деятелей литературы и искусства, в том числе, и сотрудников правоохранительных органов, живущих в народной памяти. Народная память хранит лишь наиболее значительные и яркие, героические моменты своего прошлого. «Только тот народ, который чтит своих героев, может считаться великим», – сказал об этом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Символами крупных событий становятся конкретные люди. Если народ утрачивает историческую память, он перестает быть нацией и становится «народонаселением» [24].

В настоящее время Российская Федерация претерпевает коренные изменения во всех сферах общественной жизни. С времени создания и до настоящего времени на протяжении долгих лет менялись функции государства, его структура, политика, в свою очередь, меняется и деятельность органов внутренних дел. С периода основания и до сегодняшнего времени

в документальных свидетельствах и исторических документах остались факты, свидетельствующие о деятельности правоохранительных органов.

Практическое решение задач, поставленных перед российским государством, невозможно без осмысления сущности и тенденций развития основных институтов государства, к числу которых относятся органы внутренних дел. Проблема эффективности функционирования данных органов является одной из ключевых, влияющих на механизм развития государства в целом [1, с. 45].

На органы внутренних дел возлагались множество функций в различные исторические периоды. Но главная среди них – обеспечение безопасности государства, охрана общественного порядка. Перед органами внутренних дел стоят важнейшие задачи повышения правового сознания граждан и сотрудников данных структур, борьба с преступностью и снижение её уровня в обществе, посредством государственной политики [12, с. 80].

Необходимость изучения истории развития полиции Российской империи – НКВД – МВД СССР – МВД РФ, обуславливается потребностью осмысления роли этой части механизма государства в пресечение преступных элементов. Данная тема имеет историческую и практическую значимость в отечественной историографии и воспитательной работе подразделений органов внутренних дел.

Во-первых, множество документов имели гриф «секретности», вследствие чего, первоисточники были недоступны для изучения, прежде всего, это касается НКВД. В современный период, с продолжающимся процессом рассекречивания документов и материалов центральных и региональных архивов возникает возможность изучить и провести анализ документов, с помощью которых можно получить информацию о структуре, сотрудниках, деятельности, формировании кадрового состава НКВД – МВД, а также обобщить материал и подвести итоги.

Во-вторых, особую важность имеет историческая линия развития органов внутренних дел, несомненно, и в нынешних условиях, когда происходят существенные структурные изменения во всей системе органов, осуществляющих охрану общественного порядка. Без анализа исторического опыта невозможно полноценно понять, как развивалась и функционировала система органов внутренних дел, какие проблемы существовали в тот или иной исторический период.

В-третьих, эволюция деятельности органов внутренних дел начиная с формирования органов полиции и заканчивая современными органами внутренних дел, позволяет более полно представить историю Отечества, изучить исторические аспекты развития России, касающихся внутренней политики, в рамках данного направления.

В научно-исследовательских центрах региона – Дальневосточном федеральном университете и Дальневосточном юридическом институте МВД России ведется работа по изучению истории органов внутренних дел. В Дальневосточном юридическом институте МВД России формируется научная школа, представителями которой изучаются различные аспекты региона

и особенности возникновения и деятельности полиции Российской империи – НКВД – МВД СССР – МВД РФ в рамках дореволюционного, советского и постсоветского периодов.

Особую актуальность в контексте внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуации имеет изучение геополитических интересов России на Дальнем Востоке в начале XX в.: наместничество как особая форма регионального управления; проблема экономического развития областей дальневосточного наместничества; дипломатическая деятельность наместников; судьбы дальневосточных наместников; система управления Дальним Востоком в начале XX в. [17].

Исследуется организация жандармско-полицейских управлений на Дальнем Востоке России. Рассматривается исторический опыт формирования жандармского полицейского управления Китайско-Восточной железной дороги [18]; условия становления жандармских полицейских управлений железных дорог [19; 21]. Анализируется моральный облик чинов жандармских полицейских управлений [20]. Делается вывод о специфике службы на Дальнем Востоке по сравнению с другими регионами Российской империи.

Советский период истории органов внутренних дел изучен неравномерно. Наибольшее количество исследований посвящено периоду 1917–1930 гг. [3; 23; 25; 26; 29; 30]. В последние годы активно исследуется период Великой Отечественной войны, представленный работами А. В. Жадана, А. В. Усова, Н. В. Ляскиной и др. [9; 10; 13; 14; 29; 34]. Деятельность органов внутренних дел 1950–1970-х гг. анализируется в трудах В. Ж. Дорохова [7; 8]. Исследователи приступили и к изучению периода 1990-х гг., в частности, к анализу различных видов преступности [5].

Современный период отмечен появлением значительного количества монографических исследований [2; 6; 11; 16; 22; 27; 32]. Ряд работ носит историографический и источниковедческий характер [4; 15; 28; 31; 33].

Таким образом, история органов внутренних дел России играет важную роль в формировании мировоззрения сотрудников ОВД, повышает их правосознание. Уделять важное значение изучению истории необходимо и при подготовке специалистов МВД Российской Федерации, поскольку знание своей истории обусловлено возрастающими требованиями к интеллектуальной, общекультурной, гуманитарной подготовке сотрудников системы МВД Российской Федерации.

Список источников и литературы

1. Бавсун И. Г. Проблемы реформирования органов внутренних дел на современном этапе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 4. С. 44–48.
2. Бакшутев С. Н., Орнатская Т. А., Шабельникова Н. А. Дальневосточная милицмейская школа в государственной системе профессионального образования (1918–2011 гг.): монография. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2017. 226 с.
3. Беляева Н. А., Шабельникова Н. А., Милежик А. В., Усов А. В., Никонов К. О. Информационные ресурсы фондов РГИА ДВ и ГХК по истории полиции и милиции

- Дальнего Востока России (1860–1922). Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2019. 60 с.
4. Виноградов А. М. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с экономической преступностью в 1991–2000 гг.: историография проблемы // Клио. 2021. № 4 (172). С. 40–45.
 5. Виноградов А. М. К вопросу о формах и методах борьбы с преступностью в рыбной отрасли органами внутренних дел Приморского края на рубеже XX–XXI вв. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 6. С. 11–15.
 6. Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. Том 3. Книга 3. Сер. История Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2020. 944 с.
 7. Дорохов В. Ж. Военно-мобилизационная работа в органах внутренних дел Дальнего Востока. 1962–1970-е гг. // Клио. № 1 (157). С. 104–108.
 8. Дорохов В. Ж. Последний военнопленный японец лагеря № 16 УМВД по Хабаровскому краю. Зарисовка об истории репатриации японских военнопленных в 1956 г. // Клио. 2021. № 7 (175). С. 126–130.
 9. Жадан А. В. Деятельность органов НКВД Дальнего Востока по борьбе с преступностью во второй половине 1945 г. // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 555–567.
 10. Жадан А. В. Деятельность органов НКВД Дальнего Востока по борьбе с преступностью несовершеннолетних (1941–1945 гг.) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2 (30). С. 130–142.
 11. История Дальнего Востока России. Том 3. Книга. 2: Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года. Владивосток: Дальнаука, 2018. 656 с.
 12. Кузьминых А. Л. Эволюция системы НКВД–МВД СССР (1934–1956 гг.) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. № 10. 2010. С. 73–82.
 13. Ляскина Н. В. Дальневосточная Юхтинская трудовая колония в годы Великой отечественной войны // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2021. № 21–2. С. 146–148.
 14. Ляскина Н. В. Роль трудовых воспитательных колоний в борьбе с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны (региональный аспект) // Клио. 2021. № 1 (169). С. 95–104.
 15. Милежик А. В. Дальневосточная политика Российской империи в начале XX века: историографический аспект // Клио. № 5 (161). С. 13–19.
 16. Милежик А. В. Дальневосточное наместничество: исторический опыт организации и деятельности в начале XX века. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2019. 150 с.
 17. Милежик А. В. Система управления Дальним Востоком России (конец XIX в. – 1917 г.) // Великая российская революция и Дальний Восток: материалы международной научной конференции, г. Владивосток, 25–27 октября 2017 г. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. С. 177–188.
 18. Никонов К. О. Исторический опыт формирования жандармского полицейского управления Китайско-Восточной железной дороги в начале XX века // Клио. 2020. № 6 (162). С. 84–90.
 19. Никонов К. О. К вопросу о становлении жандармских полицейских управлений железных дорог на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.) // Современная научная мысль. 2021. № 3. С. 26–32.

20. Никонов К. О. Моральный облик чинов жандармских полицейских управлений железных дорог Дальнего Востока Российской империи на рубеже XIX – XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2021. № 3 (83). С. 70–73.
21. Никонов К. О. Необходимость формирования жандармско-полицейских управлений на Дальнем Востоке России в конце XIX в. как службы охраны и обеспечения работы железнодорожного транспорта // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 20–2. С. 161–162.
22. Орнацкая Т. А. Исторический опыт правового просвещения на Дальнем Востоке России (1917–1941 гг.). Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2020. 189 с.
23. Орнацкая Т. А., Шабельникова Н. А. Архивные документы о правовом просвещении дальневосточников в первой половине 1920-х гг. // Исторический бюллетень. 2021. Т. 4. С. 69–74.
24. Только тот народ, который чтит своих героев... [Электронный ресурс]– Режим доступа: <https://histrf.ru/read/articles/tolko-tot-narod-kotoryi-chtit-svoikh-ghieroeiv> (дата обращения 26.03.2022).
25. Тюркова А. А. Деятельность милиции по противодействию наркопреступности на советском Дальнем Востоке (1922–1930): историография проблемы // Клио. 2021. № 3 (176). С. 60–67.
26. Тюркова А. А. Культурно-просветительные меры борьбы с наркопреступностью в РСФСР (1922–1930 гг.) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и правонарушениями. 2022. № 22–2. С. 187–188.
27. Усов А. В. Государственная морская спасательная служба на Дальневосточном бассейне России (1991–2014 гг.): монография. М.: Проспект, 2016. 208 с.
28. Усов А. В. Изучение обеспечения морской безопасности дальневосточного бассейна России по документам Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (1860-е – 1917 гг.) // Клио. 2020. № 5 (161). С. 73–79.
29. Усов А. В. Краснознаменная экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом океане: основные направления взаимодействия с органами госбезопасности (1932–1942 гг.) // Клио. 2021. № 3 (171). С. 152–156.
30. Усов А. В. Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом океане: деятельность Хасанского отряда в 1938 г. // Общество: философия, история, культура. 2021. № 7 (87). С. 68–72.
31. Шабельникова Н. А. Исторический феномен хунхузничества в рамках современной историографии // Клио. 2021. № 3 (171). С. 45–52.
32. Шабельникова Н. А. Милиция Дальнего Востока России (1922–1930-е годы): исторический опыт организации и деятельности. Хабаровск: Изд-во Дальневосточный юридический институт МВД России, 2018. 354 с.
33. Шабельникова Н. А. На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. 2020. № 5 (161). С. 143–147.
34. Шабельникова Н. А., Усов А. В. Военно-мобилизационная работа НКВД Приморского края в начальный период Великой Отечественной войны // Клио. № 11 (179). С. 143–149.

© Тулиглович М. А., 2022

Научная статья

УДК 94

ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЕ БАТАЛЬОНЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Шабельникова Н.А., профессор кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, доктор исторических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации.

В статье рассматривается значимость истребительных батальонов – специальных вооруженных формирований, созданных в период Великой Отечественной войны и предназначавшихся для охраны военных объектов и для борьбы с диверсионными, парашютно-десантными группами противника. Дается краткий обзор исследований в рамках обозначенной проблемы. Делается вывод о том, что истребительные батальоны составили хорошо подготовленный резерв для партизанских и истребительно-диверсионных групп и для РККА. Деятельность истребительных батальонов в истории Великой Отечественной войны останется одной из героических ее страниц.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, НКВД, истребительные батальоны, новые подходы к изучению.

Для цитирования: Шабельникова Н. А. Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне как объект исторического исследования // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 99–104.

Original article

FIGHTER BATTALIONS IN THE GREAT PATRIOTIC WAR AS AN OBJECT OF HISTORICAL RESEARCH

Shabelnikova N.A., doctor of History, Full Professor, Department of Humanitarian Disciplines Vladivostok branch of Far Eastern Judicial Institute of Russian Ministry of the Interior, honored employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation.

The article discusses the importance of fighter battalions – special armed formations created during the Great Patriotic War and intended for the protection of military facilities and to combat sabotage. enemy parachute groups. A brief overview of research within the framework of the designated problem is given. It is concluded that the fighter battalions made up a well-prepared reserve for partisan and fighter-sabotage groups and for the Red Army. The activity of fighter battalions in the history of the Great Patriotic War will remain one of its heroic pages.

Keywords: The Great Patriotic War, the NKVD, fighter battalions, new approaches to the study.

For citation: Shabelnikova N. A. Fighter battalions in the Great Patriotic War as an object of historical research. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 99–104. (In Russ.).

Деятельность истребительных батальонов в истории Великой Отечественной войны останется одной из героических ее страниц. Истребительный батальон – военизированное добровольческое формирование советских граждан, способных владеть оружием, состоявшее в первую очередь из партийных, хозяйственных, комсомольских и профсоюзных активистов, трудящихся, не подлежавших первоочередному призыву в Вооружённые Силы СССР, во время Великой Отечественной войны для борьбы с диверсантами, парашютистами, шпионами, ставленниками и пособниками гитлеровской Германии, а также с дезертирами, бандитизмом, спекулянтами и мародёрами, то есть поддержания государственного, внутреннего и общественного порядка в период режима военного времени в тылу Красной армии и Флота.

Сложность изучения истории батальонов заключается в ограниченности доступа к архивам силовых структур, которые по большей части сосредоточены в архивных фондах Российской Федерации (ЦАМО РФ г. Подольска) и архивохранилищах ФСБ и МВД. Тем не менее, исследователи, по мере возможности, изучают историю истребительных батальонов. Отечественная историография представлена трудами таких отечественных исследователей, как С. В. Биленко, С. А. Овчинников, А. Н. Терновский и др. [1; 2; 6; 14]. Разработка отдельных аспектов, связанных с деятельностью истребительных батальонов Дальнего Востока, представлена в трудах А. В. Жадана, Е. В. Суверова, П. Д. Фризена Т. А., Орнацкой и др. [3, с. 530–537; 4; 5; 11; 12; 13; 15]. Позитивное начало историографии по истории истребительных батальонов – это накопление, систематизация фактического материала по проблеме истребительным батальонов, разработка многих тем связанных с деятельностью партийных и государственных органов, а также освещение разных аспектов их деятельности.

Война – явление многогранное, победа в которой зависит от многих составляющих. Первоочередную роль в ведении войны играет тыл воюющих

стран, с помощью которого осуществляется снабжение войск всем необходимым. От работы тыла зависит уровень обеспеченности армии.

Советское руководство осознало опасность, которой подвергался тыл страны. Для минимизации уровня диверсионной атаки со стороны противника, принимает решение по созданию истребительных батальонов.

Для обеспечения своевременной и успешной борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе в НКВД СССР был создан штаб истребительных батальонов, а УНКВД в республиках, областях, краях. Начальником штаба истребительных батальонов НКВД СССР назначен генерал-майор Г. А. Петров.

Истребительные батальоны стали первыми добровольными формированиями в стране, в которых материализовалось стремление многих тысяч советских граждан стать на защиту своей Родины. Создание батальонов, для того периода времени, было делом новым. Перед войной образование подобных формирований не практиковалось.

Укомплектовывались истребительные батальоны, согласно руководящим указаниям, из лучшей части молодежи и людей, которые из-за возраста не подлежали призыву в ряды РККА. Командиром истребительного батальона, в основном, назначались начальники НКВД. Заместитель командира батальона по политической части подбирался из партийных работников. На должность начальника штаба батальона назначался человек, который знал военное дело.

Командный состав истребительного батальона до командира взвода включительно утверждался на бюро райкома, горкома партии. Списки утвержденного командного состава предоставлялись в НКВД.

Истребительные батальоны отличались по численности. Количество личного состава истребительных батальонов зависело места дислокации батальона. Личный состав истребительных батальонов зависел от плотности населения, где организовывался истребительный батальон; количества важных стратегических объектов на территории места дислокации, а также количества бойцов, жителей данного района, которые находились в рядах Красной армии.

Истребительным батальонам предоставлялось право использовать все виды транспорта и связи (автомшины, мотоциклы, коней, телефоны, телеграфы, радио и т. д.), выделялись помещения. Истребительные батальоны вооружались за счет оружейных складов УНКВД, а если в прифронтовых истребительных батальонах, – то еще и с помощью военных складов.

В основном истребительные батальоны формировались по районному принципу, то есть на один район – один истребительный батальон. Кроме того, батальоны формировались и по производственному признаку – шахтах, рудниках, предприятиях, в институтах, университетах и т. д.

Ведущую роль в организации и подготовке истребительных батальонов сыграл 4-й отдел, который входил в состав НКВД, переименованный впоследствии в 4-е управление, организованное в августе 1941 г., возглавляемое П. А. Судоплатовым.

Все бойцы истребительных батальонов, а также военнообязанные запаса бойцы батальонов, считались мобилизованными и призыву в армию не подлежали. Военкоматы обязаны были брать их на особый учет. Бойцы считались мобилизованными в ряды РККА. Военкоматы составляли списки бойцов истребительных батальонов на предмет получения денежной помощи членам семей бойцов истребительных батальонов.

Поскольку бойцы истребительных батальонов соединяли гражданскую работу с военной, без отрыва от производства, на заводах, фабриках, учреждениях, колхозах и других организациях, за ними закреплялась заработная плата, которую получали в мирное время. Также бойцам истребительных батальонов согласно распоряжения Народного Комиссариата Финансов СССР от 11 августа 1941 г. за № 647, выплачивалась заработная плата в случае ликвидации предприятий и учреждений.

Бойцы истребительных батальонов, которые были переведены на казарменное состояние, обеспечивались денежным и материальным снабжением Народным комиссариатом внутренних дел СССР в порядке: а) лица, однопольники которых мобилизованы, – по нормам, действующим в Красной армии; лица, что не подлежат призыву, – по нормам, действующим для рядового и младшего начальственного состава милиции.

Распространялась на бойцов истребительных батальонов, которые содержались по нормам Красной армии и партизан, а также на их семей постановления СНК СССР № 1269 от 16 июля 1940 г. «О пенсиях военнослужащих рядового и младшего начальственного состава срочной службы и их семей» и № 14 от 5 июня 1941 г. «О пенсиях и пособиях лицам высшего, старшего и среднего начальственного состава и их семей», а также Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты помощи семьям военнослужащих рядового и младшего начальственного состава в военное время» [7; 8; 9; 10].

Внутренняя жизнь истребительных батальонов проходила согласно с требованиями военных уставов. Вводилось обязательное приветствие. Там, где истребительные батальоны переводились на казарменное состояние, устанавливался военный распорядок дня.

Социальная база батальонов состояла, в основном, из людей допризывного возраста, призывного, граждан которые уже отслужили, интеллигенции, рабочих, крестьян и женщин.

Для успешного выполнения возложенных на истребительные батальоны задач, в колхозах, совхозах, на отдельных промышленных предприятиях создавались группы содействия батальонам. Они были обязаны информировать истребительные батальоны обо всех случаях появления парашютных десантов и диверсантов противника в районе деятельности батальонов. Также группы содействия помогали батальонам в патрулировании, сборе информации. И не редко силами членов групп содействия ликвидировались вражеские элементы.

В целом, чрезвычайные военизированные формирования органов НКВД, созданные в первые дни войны, предназначались для борьбы с воздушными

десантами, диверсионными группами и агентурой противника, для охраны важнейших объектов, а также поддержания общественного порядка и режима военного времени в тылу Красной Армии. Истребительные батальоны НКВД явились стабилизирующим фактором в укреплении советского тыла, обеспечивающим законность и порядок, были надежным заслоном в борьбе с парашютистами и диверсантами, дезертирами. Сознательное и добровольное участия мужчин и женщин, подростков и людей старших возрастов в истребительных батальонах по решению важных задач военного времени может по праву служить примером соблюдения конституционных прав граждан, их безопасности и в современной России.

Список источников и литературы

1. Биленко С. В. Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1969. 120 с.
2. Биленко С. В. На охране тыла страны: истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Наука, 1988. 254 с.
3. Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. Том 3. Книга 3. Сер. История Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2020. 944 с.
4. Жадан А. В. «Учить подчинённый им состав только тому, с чем придётся встретиться на войне»: военная подготовка сотрудников территориальных органов НКВД Дальнего Востока (1941–1945 гг.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8. № 1 (29). С. 34–40.
5. Жадан А. В., Шабельникова Н. А. Подготовка и переход органов НКВД Хабаровского края к работе в условиях советско-японской войны (вторая половина 1945 г.) // Исторические чтения на Лубянке. Органы государственной безопасности России в годы реорганизаций и реформ в XIX–XXI веках. Материалы XXIV международной научной конференции. Общество изучения истории отечественных спецслужб; Москва: Издательство Фронткнига, 2020. С. 194–200.
6. Овчинников С. А. Истребительные батальоны в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 2003 год. Власть и органы государственной безопасности: сборник статей. М.: Б/и, 2004. С. 148–157.
7. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Том 1. Накануне. Книга 1. (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.) М.: Книга и бизнес, 1995. 452 с.
8. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Том 1. Накануне. Книга 1. (1 января – 21 июня 1941 г.). М.: Книга и бизнес, 1995. 398 с.
9. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Том 2. Книга 1. Начало. (22 июня – 31 августа 1941 г.) М.: Русь, 2000. 452 с.
10. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Том 2. Книга 1. Начало. (1 сентября – 31 декабря 1941 г.). М.: Русь, 2000. 699 с.
11. Орнацкая Т. А. Деятельность 4 отдела Управления НКВД по Хабаровскому краю в первый период Великой Отечественной войны // Войны и военные конфликты XX в. в судьбах дальневосточников. Дальневосточное общество в годы Второй мировой войны (1939–1945). Хабаровск, 2013. С. 51–55.

12. Орнацкая Т. А. Исторический опыт правового просвещения на Дальнем Востоке России (1917–1941 гг.). Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2020. 189 с.
13. Суверов Е. В., Фризен П. Д. Истребительные батальоны на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 29–32.
14. Терновский А. Н. Роль истребительных батальонов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Актуальные вопросы современной науки. 2013. № 28. С. 89–99.
15. Шабельникова Н. А., Усов А. В. Военно-мобилизационная работа НКВД Приморского края в начальный период Великой Отечественной войны // Клио. № 11 (179). С. 143–149.

© Шабельникова Н. А., 2022

РАЗДЕЛ 3. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Научная статья

УДК 342.9

НЕОДНОКРАТНОСТЬ КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК «ОПАСНОГО ВОЖДЕНИЯ»

Атанова Т. О., преподаватель Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

В статье проанализировано понятие неоднократности совершения правонарушения как квалифицирующего признака «опасного вождения». В законодательстве Российской Федерации отсутствует определение неоднократно совершенного административного правонарушения. Автором рассматриваются основные недостатки предлагаемой законодателем дефиниции «опасного вождения», с точки зрения неоднократно совершенного правонарушения. Выделен ряд проблем, которые приведут к определенным трудностям при квалификации административных правонарушений в качестве «опасного вождения».

Ключевые слова: опасное вождение, неоднократность, повторность совершения административного правонарушения, систематические нарушения; административные правонарушения.

Для цитирования: Атанова Т. О. Неоднократность как квалифицирующий признак «опасного вождения» // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 105–109.

Original article

DRIVING LICENSE SUSPENSION AS A PUNISHMENT FOR SYSTEMATIC COMMISSION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Atanova T.O., lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia (Vladivostok branch)

The article analyzes the concept of repeated commission of an offense as a qualifying sign of "dangerous driving". There is no definition of a repeatedly committed administrative offense in the legislation of the Russian Federation. The author examines the main disadvantages of the definition of "dangerous driving" proposed by the legislator, from the point of view of a repeatedly committed offense. A number of problems have been identified that will lead to certain difficulties in qualifying administrative offenses as "dangerous driving".

Keywords: dangerous driving, repeated, repeated commission of an administrative offense, systematic violations; administrative offenses.

For citation: Atanova T.O. Driving license suspension as a punishment for systematic commission of administrative offenses. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 105–109. (In Russ.).

В настоящее время в Российском законодательстве прослеживается тенденция к ужесточению административных наказаний за совершение правонарушений в области дорожного движения. Данный факт обусловлен не уменьшающимся ростом дорожно-транспортных происшествий. Согласно статистическим данным, к наиболее тяжким последствиям после совершения дорожно-транспортных происшествий, приводит грубое нарушение правил дорожного движения. Большая часть ДТП совершается из-за нарушения правил дорожного движения водителями транспортных средств, как правило неоднократного их совершения. За 9 месяцев 2021 года соотношение таких инцидентов составило девять из десяти ДТП (88,7 %) [1].

Причинами любого ДТП является сочетание ряда причинно-следственных связей и обстоятельств, которые в итоге становятся решающими. Так, при анализе грубых происшествий, была установлена прямая связь между действиями водителя, нарушившего ПДД и умышленными, противоправными действиями другого участника движения.

В 2016 году в правила дорожного движения Российской Федерации было включено понятие «опасное вождение».

Большинством авторов выделяются следующие признаки опасного вождения:

1. Умысел.

2. Грубость как характеристика, предусматривающая пренебрежение и неуважение к другим участникам дорожного движения.

3. Систематичность [3, с. 74].

Однако, в определении, которое дает законодатель, ключевыми признаками опасного вождения наряду с намеренным созданием опасной ситуации на дороге и конкретным перечнем ПДД является не систематичность, а неоднократность нарушения ПДД.

В настоящее время в действующем административном законодательстве отсутствуют такие понятия как систематичность и неоднократность административного правонарушения.

Исходя из смысла п. 2.7 ПДД для признания управления транспортным средством опасным, необходимо совершить неоднократно одно или несколько следующих друг за другом действий, заключающихся в нарушении ПДД [5].

Согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова слово «неоднократность» – происходящий, производимый, имеющий место несколько раз [4, с. 408]. Так, можно сделать вывод, что основное назначение термина неоднократности – отражение одновременного совершения одним лицом одного и того же действия не менее двух раз.

В то же время, МВД разъясняет, что «опасное вождение» характеризуется повышенной опасностью для движения именно вследствие совершения совокупности указанных действий водителя, совершаемых в течение относительно короткого периода времени [3, с. 73]. Под «указанными действиями» законодатель понимает совершение таких действий, как: невыполнении при перестроении требования уступить дорогу транспортному средству, пользующемуся преимущественным правом движения, перестроении при интенсивном движении, когда все полосы движения заняты, несоблюдении безопасной дистанции до движущегося впереди транспортного средства, несоблюдении бокового интервала, резком торможении, если такое торможение не требуется для предотвращения дорожно-транспортного происшествия, препятствовании обгону. Данные действия не являются тождественными. По нашему мнению, приведенное определение, противоречит этимологии понятия «неоднократность», приведенному в Толковом словаре русского языка.

При этом, если водитель совершил одно деяние, подпадающее под статус «опасного», на следующий день второе, на третий – третье и т. д. И все эти правонарушения удалось зафиксировать и доказать, возникает вопрос: сможем ли мы привлечь такого нарушителя за опасное вождение? Неоднократность, в отличие допустим от повторности не предполагает установление определенного срока привлечения к административной ответственности. В случае фиксации единичного «опасного» правонарушения ежедневно, было бы логично квалифицировать такие деликты как систематическое нарушение ПДД. Однако, привлечь к административной ответственности возможно только уже подвергнутое административному наказанию лицо. То есть до истечения одного года со дня окончания исполнения постановления об административном наказании. Так, водитель, совершая за относительно короткий период времени только

одно правонарушение, подпадающее в разряд «опасное вождение», уходит от административной ответственности, совершив идентичное правонарушение, не будучи привлеченным к административной ответственности за первое.

В то же время, можно предположить, что неоднократно совершенные правонарушения, не подпадающие под критерий «совершенных в относительно короткий период» можно идентифицировать в качестве «агрессивного вождения». В настоящее время агрессивному вождению присваивается более значительная роль. Данный факт обусловлен значительным ростом ДТП с участием агрессивно настроенных водителей, провоцирующих ответную агрессивную реакцию. С 10 января 2022 года в Уголовный кодекс Российской Федерации внесены изменения, предусматривающие уголовную ответственность за неоднократное агрессивное вождение. Согласно внесенным изменениям, уголовная ответственность в вышеназванных случаях наступает, если водитель подвергнут административному наказанию за определенный перечень правонарушений и лишен права управлять транспортными средствами. В данной ситуации законодатель привязывает термин неоднократности к сроку, в течении которого водитель является подвергнутым административному наказанию, то есть на момент совершения агрессивного вождения уже имеется вступивший в законную силу судебный акт.

Также необходимо учитывать систематическое совершение правонарушений, составляющих категорию «опасное вождение». Правоприменитель ограничивается списком грубых административных правонарушений, совершение которых не единожды повлечет привлечение к жестким административным санкциям. Поэтому, нужно ввести отдельную меру ответственности и внести данный перечень в категорию грубых административных правонарушений. В целях предупреждения неоднократно совершенных правонарушений необходимо применить комплексный подход. Основное внимание при предупреждении таких правонарушений необходимо уделить субъекту, совершающему данные деликты. Ведь это то лицо, для которого совершение подобных деяний вошло в систему.

Существующий термин «опасное вождение» следует упростить. Так, если обратиться к опыту зарубежных стран, то, например, в Великобритании определено, что вождение считается опасным, если лицо ведет транспортное средство несоответственно стандартам вождения и тому, как можно было бы ожидать от компетентного и осторожного водителя [2, с. 147]. В Китае за «опасное вождение» предусмотрена уголовная ответственность. В статье 133 УК КНР установлено: «Нарушение законоположений об управлении движением транспортных средств, приведшее к серьезному инциденту, если это повлекло тяжкое телесное повреждение, смерть человека или нанесло крупный ущерб общественной, частной собственности, наказывается лишением свободы на срок до трех лет либо арестом; в случае бегства после дорожно-транспортного происшествия или при других особо злостных обстоятельствах наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет; если бегство повлекло смерть человека, наказывается лишением свободы на срок семь и более лет»

[6, с. 1063]. При этом ни в одном из зарубежных определений «опасного вождения» не звучит термин «неоднократность». Полагаем, что это и не нужно. Гораздо проще для квалификации подобных правонарушений выделить более простые условия опасного вождения. К примеру, можно ограничиться тремя нарушениями, совершенными подряд. При этом доказательственной базой все также будет являться видеозапись с любых устройств, принадлежащих очевидцам или самим потерпевшим. Кроме того, не четкая трактовка такого квалифицирующего признака как неоднократность, может повлечь неопределенность квалификации деяния и необоснованности привлечения к ответственности, как следствие – злоупотребление и необоснованное привлечение к ответственности со стороны правоохранительных органов. Выделение такого квалифицирующего признака как неоднократность, требует в первую очередь четкого законодательного закрепления самого термина «неоднократно совершенного правонарушения».

Таким образом, явным недостатком существующей дефиниции «опасное вождение» является отсутствие определения временных рамок, а также несоответствие содержанию понятия «неоднократности» совершения административных правонарушений, подпадающих под данную категорию.

Список источников и литературы

1. Безопасность дорожного движения – концепция нулевой смертности. Стокгольм: Государственное дорожное управление Швеции [Электронный ресурс]. URL: <https://unece.org/fileadmin/DAM/trans/roadsafe/unda/SwedenRus VisionZero.pdf>
2. Дороднов А. Г. Обусловленность криминализации опасного вождения в праве Англии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 20. С. 146–148.
3. Коваленко К. Е. Понятие и признаки опасного вождения // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 3 (101). С. 73–76.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. Виноградова. 4 изд., доп. М., 2001. С. 736.
5. Постановление Правительства РФ от 23.10.1992 № 1090 (ред. От 13.12.2020) «О Правилах дорожного движения». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Трошинский П. В. Нормативно-правовое регулирование с «пьяным вождением»: опыт Китая // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. С. 1062–1070.

© Атанова Т. О., 2022

Научная статья

УДК 343.3/.7

АРБИТРАЖНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ КАК СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА

Базарова Ю. И., преподаватель кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

В данной статье рассматриваются некоторые противоправные действия арбитражного управляющего в ходе проведения процедуры банкротства, анализируется целесообразность введения новой редакции ст. 195 УК РФ и предлагаются способы дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, субъект преступления, банкротство.

Для цитирования: Базарова Ю. И. Арбитражный управляющий как субъект преступлений в сфере банкротства // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 110–114.

Original article

ARBITRATION MANAGER AS A SUBJECT OF CRIME IN THE FIELD OF BANKRUPTCY

Bazarova Yu. I., Lecturer at the Department of State Law and Civil Law Disciplines of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article discusses some of the illegal actions of the arbitration manager during the bankruptcy procedure, analyzes the feasibility of introducing a new version of Art. 195 of the Criminal Code of the Russian Federation and offers ways to further improve the legislation in this area.

Keywords: the arbitration manager, the subject of the crime, bankruptcy.

For citation: Bazarova Yu. I. Arbitration manager as a subject of crime in the field of bankruptcy. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 110–114. (In Russ.).

Любое современное государство не может существовать и развиваться без достаточно высокого уровня экономической политики. В рамках осуществления экономической политики правительство принимает, в том числе, и меры правовой защиты ее субъектов. Постоянное совершенствование законодательства различных отраслей права, регулирующего вопросы экономики, свидетельствует о непрекращающейся работе государства в сфере экономической безопасности. Изменения затронули даже Уголовный кодекс РФ [1], один из наиболее редко редактируемых кодексов. Значительные преобразования затронули статьи 195–197 УК РФ, посвященные криминальным банкротствам. Вступившие изменения настолько обширны, что почти полностью изменили статьи. Одой из наиболее интересных, на наш взгляд, новелл является введение нового специального субъекта преступления.

Согласно действующему ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г № 127-ФЗ [2], положения процедуры банкротства применимы к любому руководителю коммерческой организации, без уточнений относительно формы собственности. То есть положения данного закона охватывают и частные организации, и государственные, и муниципальные. Соответственно, напрашивается вывод, что руководители любых коммерческих организаций, в том числе государственных и муниципальных, подлежат уголовной ответственности за преступления в сфере банкротства. Однако, с вступлением в законную силу изменений в Уголовном кодексе РФ, внесенных Федеральным законом от 01.07.2021 №262-ФЗ, установлен новый субъект криминальных банкротств – арбитражный управляющий.

Причиной, по которой законодатель включил арбитражного управляющего в субъектный состав ст. 195 УК РФ, является его уникальная роль в процессе признания лица несостоятельным, дающая чрезвычайно широкий круг возможностей для совершений преступлений.

Банкротный процесс имеет несколько стадий, на каждой из которых арбитражный управляющий исполняет специфические функции и наделяется соответствующими правами. Согласно замыслу законодателя, основной задачей арбитражного управляющего является оказать содействие банкротящемуся лицу в прохождении процедуры признания лица несостоятельным, помочь ему экономически оздоровиться и выйти из кризиса, а если это невозможно, то проконтролировать максимально возможное удовлетворение интересов кредиторов на стадии конкурсного управления. Согласно нормам ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», данное должностное лицо призвано установить все имеющиеся у должника активы и имущество, оценить и реализовать их на аукционе, а вырученные средства распределить между кредиторами в соответствии с их очередностью. Однако на практике оказывается, что многие недобросовестные арбитражные управляющие преследуют собственные корыстные интересы, которые вредят кредиторам, а иногда и самим банкротам.

Именно стадия конкурсного управления открывает для арбитражного управляющего широкий круг возможностей для совершения преступления, что и обуславливает избранную законодателем формулировку нового пункта ст. 195

УК РФ. Согласно обновленной статье, преступным признается неправомерное удовлетворение арбитражным управляющим имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника заведомо в ущерб другим кредиторам, если это действие совершено при наличии признаков банкротства и причинило крупный ущерб. Под данную формулировку подпадают не все возможные, но большинство преступных деяний арбитражного управляющего в процессе признания лица несостоятельным. В связи с этим и ввиду малого срока существования новой редакции ст. 195 УК РФ представляется актуальным рассмотреть отдельные способы совершения исследуемых преступлений.

Способ 1. Занижение оценочной стоимости имущества. Данный способ заключается в том, что на первом этапе конкурсного управления арбитражный управляющий (здесь он именуется конкурсным управляющим) обязан выявить все активы должника, установить все его имущество, подлежащее реализации, установить его местоположение и произвести его оценку. Результатом данной деятельности должно быть определение общей суммы денежных средств (реальных или обращенных в имущество), которыми владеет должник, что составит конкурсную массу, т. е. «фонд» из которого в дальнейшем будут погашаться долги перед кредиторами. Именно в процессе оценки имущества, подлежащего реализации, конкурсный управляющий приобретает возможность совершить преступление, путем занижения оценочной стоимости с целью дальнейшей продажи этого имущества заинтересованным третьим лицам. Результатом таких преступных действий является уменьшение конкурсной массы, а значит, кредиторы банкрота в дальнейшем не смогут удовлетворить свои требования в должном объеме.

Способ 2. Признание предметом торгов ненадлежащего имущества. Производя поиск и оценку имущества должника, конкурсный управляющий должен учитывать оборотоспособность данного имущества, т. е. возможность его дальнейшей продажи на торгах. Соответственно, нельзя признавать предметом торгов имущество, изъятое из оборота. Тем не менее, недобросовестные конкурсные управляющие, реализуя свой преступный умысел и находясь в сговоре с должником, могут признать, например, незаконную постройку – строительными материалами.

Способ 3. Организация неравноправных торгов. После установления имущества должника, подлежащего реализации, конкурсный управляющий должен представить предложение о порядке, условиях и сроках продажи. На данном этапе преступные действия управляющего могут выражаться в намеренном выдвигании таких требований к участникам торгов, которые бы необоснованно ограничивали их круг, тем самым, по сути, образуя закрытые торги, в которых смогут принять участие лишь аффилированные кандидаты, находящиеся в сговоре с должником и конкурсным управляющим. Имущество должника распродается в условиях сниженного спроса, а значит по заниженной цене. Как результат – кредиторы недополучат причитающиеся им денежные средства.

Способ 4. Заведомо ненадлежащее объявление о предстоящих торгах. Еще одним способом совершения преступления в процессе организации торгов, является заведомо ненадлежащее объявление о них. Распоряжение Госкомимущества РФ № 660-р1 [3] обязывает конкурсного управляющего опубликовать информацию о предстоящих торгах в определенных периодических изданиях, с указанием строго предписанного перечня данных и в срок от 2 до 6 месяцев до начала торгов. Такой порядок призван обеспечить равный доступ всех заинтересованных лиц к предстоящим торгам. Однако в действительности конкурсный управляющий намеренно публикует объявление не во всех необходимых газетах или с указанием неверных данных, что препятствует свободному доступу к торгам и обеспечивает участие в них только заранее определенному кругу лиц. Покупатели, находящиеся в сговоре с должников и конкурсным управляющим, покупают имущество по более низкой цене, чем если бы это было на честных торгах, что существенно сокращает в последствии сумму выплат кредиторам.

Перечисленные способы не исчерпывают все преступные возможности, которые открываются арбитражному управляющему в связи с его чрезвычайно широким кругом полномочий, однако достаточно наглядно демонстрируют, что признание его субъектом преступлений в сфере банкротства является оправданным и необходим [4]. Правоприменитель не зря рассматривает таким образом значительно оздоровить институт банкротства в России и повысить степень уголовно-правовой защиты прав кредиторов.

Однако, согласно новой редакции ст. 195 УК РФ, арбитражный управляющий подлежит уголовной ответственности в случае неправомерного удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника заведомо в ущерб другим кредиторам, если это действие совершено при наличии признаков банкротства и причинило крупный ущерб. Таким образом, уголовной ответственности подлежат не любые противоправные действия арбитражного управляющего в рамках осуществления процедуры банкротства, а только те, что приводят к удовлетворению требований одних кредиторов за счет других. Диспозицией статьи не охватываются преступные действия арбитражного управляющего приводящие к уменьшению конкурсной массы, хотя такие действия достаточно распространены и вредят кредиторам не меньше, чем внеочередное удовлетворение их требований. В связи с этим, на наш взгляд было бы целесообразно расширить диспозицию ч. 2 ст. 195 УК РФ таким образом, чтобы ею охватывались различные преступные действия арбитражного управляющего, приводящие к противоправному уменьшению конкурсной массы при проведении процедуры банкротстве хозяйствующего субъекта.

Список источников и литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ: ред. от 03.07.2019 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 01.10.2019)
3. Об утверждении Положения о подрядных торгах в Российской Федерации: распоряжение от 13.04.1993 Госкомимущества России № 660-р, Госстроя России № 18-7: ред. от 18.10.1994 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1894/ (дата обращения: 01.10.2019)
4. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 01.10.2019).
5. Сенин И. Н. Механизм правового регулирования и юридическая техника // Вестник СИБИТа. 2019. № 1 (29). [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-pravovogo-regulirovaniya-i-yuridicheskaya-tehnika> (дата обращения: 25.01.2020).

© Базарова Ю. И., 2022

Научная статья

УДК 343.34

ЭКСПРЕСС-ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ АНТИЭКСТРЕМИСТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Бандурин С. С., исследователь (Москва).

В статье дана оценка развития антиэкстремистского законодательства в Российской Федерации, проведен анализ научных исследований на тему экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, органы исполнительной власти, субъекты противодействия экстремизму, федеральный закон, антиэкстремистское законодательство.

Для цитирования: Бандурин С. С. Экспресс-оценка развития антиэкстремистского законодательства в России // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 115–119.

Original article

EXPRESS ASSESSMENT OF THE DEVELOPMENT OF ANTI-EXTREMIST LEGISLATION IN RUSSIA

Bandurin S. S., researcher (Moscow)

The article assesses the development of anti-extremist legislation in the Russian Federation, analyzes scientific research on extremism.

Keywords: extremism, executive authorities, subjects of countering extremism, federal law, anti-extremist legislation.

For citation: Bandurin S. S. Express assessment of the development of anti-extremist legislation in Russia. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 115–119. (In Russ.).

В юридической литературе одним из первых в первой четверти XX века термин «экстремизм» употребил французский юрист М. Лерой для обозначения фанатичной веры в политический идеал. Лерой воспользовался термином для анализа событий Гражданской войны в России. Из действовавших тогда

на политической арене России идейных направлений Лерой назвал «красным экстремизмом» большевизм и «белым экстремизмом» монархизм [1].

Междисциплинарный и всеобъемлющий характер экстремизма обусловил интерес к проблеме данного явления в различных средах ученых из разных отраслей: социологии, политологии, педагогики, философии, и, разумеется, юриспруденции.

В последние годы проблема экстремизма приобрела большую популярность в научных исследованиях. Поскольку это понятие находится на стыке различных областей гуманитарных знаний, в каждой из которых раскрывается в разных аспектах, оно подвергнуто разностороннему изучению с позиции специалистов в области политологии, социологии, философии, психологии, юриспруденции и др.

Тема экстремизма достаточно обширна, рассмотреть степень её исследования полностью не представляется возможным. Вместе с тем (Таблица 1), только за последние пять лет (2015–2020 гг.) было представлено к публичной защите около 30 диссертаций [2].

Градация 27 диссертаций следующая: 5 – юридические науки; 5 – политические науки; 5 – социологические науки; 4 – педагогические науки; 3 – философские науки; 3 – исторические науки; 2 – филологические науки. 22 диссертации – кандидатские, 5 диссертаций – докторские.

За рассматриваемый период вопросы экстремизма рассматривали следующие юристы-соискатели: Ю. В. Сергеева, Д. Н. Еремин, Э. М. Михайлов, К. Ю. Мельшина и И. А. Яцкина.

Так, Ю. В. Сергеева в диссертационной работе «Административно-правовое регулирование противодействия молодежному экстремизму органами внутренних дел» [3] сформулировала понятия «экстремистская деятельность», «экстремизм», «противодействие молодежному экстремизму», «административное правонарушение экстремистской направленности» и др. В диссертации подробно проанализированы организационно-правовые основы противодействия молодежному экстремизму, сформулированы предложения по оптимизации и повышению эффективности этой деятельности. Уделено внимание на необходимость совершенствования взаимодействия субъектов противодействия экстремизму с институтами гражданского общества. Определены основные общественные структуры для сотрудничества, направления и принципы совместной работы.

Стоит отметить диссертацию И. А. Яцкина «Совершенствование методики расследования преступлений, связанных с пропагандой экстремизма» [4]. Указанная работа имеет высокую практическую значимость для: учебного процесса высших образовательных учреждений юридического профиля при преподавании дисциплин: «Криминалистика»; практической деятельности следственных и оперативных подразделений по выявлению, пресечению, раскрытию и предотвращению преступлений экстремистской направленности; дальнейших научных изысканий по аналогичной или смежной проблематике.

Примерно такого же характера представлена диссертация Д. Н. Еремина «Методика расследования преступлений, связанных с политическим экстремизмом: на материалах Северо-Кавказского региона» [5], в которой отражена региональная специфика.

Представляет интерес диссертация Э. М. Михайлова «Прокурорская деятельность в сфере противодействия органов исполнительной власти экстремизму и терроризму» [6]. Автор обосновывает необходимость оптимизации практической деятельности прокуроров за исполнением законов органами исполнительной власти в сфере противодействия экстремизму и терроризму. Также предлагается совершенствовать Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и другие нормативно-правовые акты в области противодействия экстремизму.

В диссертации К. Ю. Мельшиной «Международно-правовые средства борьбы с экстремизмом» [7] изучено состояние борьбы с экстремизмом международно-правовыми средствами в рамках сотрудничества государств на универсальном и региональном уровнях, отмечены проблемы нормативного и концептуального характера в указанной сфере межгосударственного сотрудничества. Предлагается введение в законодательство новых терминов в области противодействия экстремизму.

Стоит отметить, что тема экстремизма в диссертациях не юридических специальностей (политических, педагогических, социологических, философских и исторических наук) также активно разрабатывается. Это связано с тем, что экстремизм на современном этапе развития общества и российского государства многогранен, сложно предсказуем, а процедура купирования экстремистских угроз требует внимания практических работников и ученых.

Кроме того, следует отметить, что антиэкстремистское законодательство в Российской Федерации активно развивается под влиянием возрастающих угроз со стороны субъектов, осуществляющих экстремистскую деятельность. Это прослеживается на примере Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Так, большинство изменений и дополнений произошли после действий так называемых «белых ленточек» в 2011–2012 г. (25 декабря 2012 г.; 2 июля 2013 г., 28 июня, 21 июля, 31 декабря 2014 г.; 8 марта, 23 ноября 2015 г.; 28 ноября 2018 г.; 2 декабря 2019 г.; 31 июля, 15 октября 2020 г.).

Также Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», регламентирующий деятельность религиозных организаций, после 2011 года был дополнен рядом положений (1 июля 2011 г.; 7 июня, 2 июля 2013 г.; 22 октября, 31 декабря 2014 г.; 6, 20 апреля, 13 июля, 28 ноября 2015 г.; 30 марта, 6 июля 2016 г.; 5 февраля 2018 г.; 1 мая, 3 июля, 2 декабря 2019 г.). Можно предположить, что правоприменительная практика органов исполнительной власти требует постоянной корректировки, что и повлияло на законотворческую деятельность. Это также свидетельствует о гибком реагировании государства на экстремистские вызовы.

Новые законодательные изменения позволили также более эффективно противодействовать нетрадиционным религиозным организациям, активно проводящим экспансию в традиционную религиозную жизнь российского общества.

Стоит упомянуть Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», который также активно дополнялся после 2011 г. под влиянием деятельности оппозиционного движения в России. Изменения в указанный нормативно-правовой акт позволили точно отрегулировать права, обязанности как лиц, участвующих в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях, так и правоохранительных органов, осуществляющих контроль и охрану общественного порядка в ходе публичных акций.

Такой быстрый темп дополнения федеральных законов показывает, что государство предпринимает меры по нейтрализации угроз конституционному строю Российской Федерации и сохранению стабильной социально-политической ситуации. Стоит отметить, что совершенствование законодательства в этом направлении будет происходить постоянно, пока есть угроза со стороны экстремистских организаций и отдельных лиц, придерживающихся деструктивных идей.

В настоящее время исследование темы противодействия экстремизму и терроризму становится актуальным вопросом, так как субъекты противодействия экстремистской деятельности (правоохранительные органы и органы государственного управления) уполномочены проводить оперативно-следственные и иные мероприятия с классифицирующим признаком статей 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК России. Данные обстоятельства указывают на необходимость теоретической проработки данного направления правоохранительной деятельности.

Список источников и литературы

1. «Экстремизм»: история и современность. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnikburi.com/ekstremizm-istoriya-i-sovremennost> (Дата обращения: 06.09.2021).
2. Официальный сайт ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/main> (Дата обращения: 06.09.2021).
3. Сергеева Ю. В. Административно-правовое регулирование противодействия молодежному экстремизму органами внутренних дел: Автореф... дис. кан. юр. наук. М., 2015. 30 с.
4. Яцкина И. А. Совершенствование методики расследования преступлений, связанных с пропагандой экстремизма: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2020. 25 с.
5. Еремин Д. Н. Методика расследования преступлений, связанных с политическим экстремизмом: на материалах Северо-Кавказского региона: Автореф... дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018. 23 с.

6. Михайлов Э. М. Прокурорская деятельность в сфере противодействия органов исполнительной власти экстремизму и терроризму: Автореф... дис. кан. юр. наук. Ростов-на-Дону: 2017. 26 с.
7. Мельшина К. Ю. Международно-правовые средства борьбы с экстремизмом: Автореф... дис. ... канд. юрид. наук. М.: 2018. 36 с.

© Бандурин С. С., 2022

Научная статья

УДК 343.985.7

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ СВЕДЕНИЯ О СПОСОБАХ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Веснина С.Н., начальник кафедры криминалистики и специальной техники Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент;

Неустроева А.В., доцент начальник кафедры криминалистики и специальной техники Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук;

Пилецкая Т.Е., слушатель 502 учебной группы Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, мл. лейтенант полиции.

Статья посвящена анализу одного из главных элементов криминалистической характеристики преступления, предусмотренного статьей 111 УК РФ, – способу совершения преступного деяния. В статье рассматриваются и изучаются способы совершения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью на основе исследования Судебной практики за период с 2020 по 2021 года.

Ключевые слова: способ совершения преступления; классификация способов преступлений; причинение тяжкого вреда здоровью путем использования оружия; причинение тяжкого вреда здоровью без использования оружия и иных предметов; полноструктурный способ; неполноструктурный способ.

Для цитирования: Веснина С.Н., Неустроева А.В., Пилецкая Т.Е. Криминалистически значимые сведения о способах умышленного причинения тяжкого вреда здоровью // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н.А. Шабельникова, М.А. Тулиглович (отв. редакторы), А.В. Милежик, А.В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 120–124.

Original article

CRIMINALISTICALLY SIGNIFICANT INFORMATION ABOUT THE METHODS OF INTENTIONAL INFLICTION OF SERIOUS HARM TO HEALTH

Vesnina S.N., head of the Department of criminalistics and special equipment of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia candidate of law, associate Professor;

Neustroeva A.V., associate Professor head of the Department of criminalistics and special equipment of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, candidate of law;

Piletskaya T.E., a student of the 502 training group of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, a junior police lieutenant.

The article is devoted to the analysis of one of the main elements of the criminalistic characteristics of the crime provided for in Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation – the method of committing a criminal act. The article discusses and studies ways of committing intentional infliction of serious harm to health based on a study of Judicial practice for the period from 2020 to 2021.

Keywords: method of committing a crime; classification of methods of crimes; causing serious harm to health by using weapons; causing serious harm to health without using weapons and other objects; full-structured method; incomplete structural method.

For citation: Vesnina S.N., Neustroeva A.V., Piletskaya T.E. Criminalistically significant information about the methods of intentional infliction of serious harm to health. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 120–124. (In Russ.).

Криминалистическая характеристика умышленного причинения тяжкого вреда здоровью состоит из взаимосвязанных между собой элементов: способ совершения, материальные следы преступления, обстановка совершения преступных действий, предмет преступного посягательства, мотивы и цели совершения преступления, характеристика личности преступника и характеристика личности потерпевшего, среди которых центральное место занимает способ совершения преступного деяния. В связи с чем, советский и российский криминалист Р.С. Белкин указывал на способ совершения преступления, как на знание, определяющее путь познания истины по делу, т. е. метод раскрытия и расследования [3, с. 805]. Поэтому изучение способа совершения преступле-

ния является «ключом» к раскрытию и расследованию преступления. Способ совершения преступления представляет собой систему последовательных и взаимосвязанных между собой действий, направленных на достижение цели.

В криминалистической методике кандидат юридических наук и профессор А. Г. Филиппов предлагает классифицировать способы совершения умышленного причинения вреда здоровью на две группы [4, с. 44]:

1 Причинение тяжкого вреда здоровью без использования оружия и иных предметов, используемых в качестве такого оружия. В таком случае вред здоровью причиняется путем использования физической силы, т. е. удары наносятся посредством ног или рук, а также увечья причиняются путем использования зубов и ногтей, спихивание тела с высоты или толкание под движущееся транспортное средство.

2. Причинение тяжкого вреда здоровью путем использования оружия и различных предметов, выступающих в качестве такого оружия, в том числе и подручных средств. Предметы и средства, используемые для нанесения телесных повреждений, делят на несколько подгрупп:

- орудия колюще-режущего действия: кухонный нож; складной ножик; кинжал и т. д.;
- колющего действия: заточка; шило; пилка; спица; гвоздь; «розочка»; шампур и т. д.;
- рубящего действия: топор; тяпка; лопата; мотыга; шашка и т. д.;
- твердые предметы: камни; палки; табуретка; кастет; лом; статуэтка; гиря; труба; дубинка и т. д.;
- оружие;
- причинение вреда здоровью путем использования химических средств: уксусная кислота; бытовые средства, в состав которых входят концентрированные растворы щелочи; серная кислота и т. д.

Согласно теории, изложенной в криминалистической методике, способы умышленного причинения тяжкого вреда здоровью различны и многообразны, но изучение 50 приговоров, вступивших в законную силу, по данной категории уголовных дел в России, позволило сформулировать вывод: в 46 % случаев вред здоровью причиняется путем использования физической силы, т. е. удары потерпевшему наносятся ногами и руками; в 40 % случаев в качестве орудия совершения преступления выступает – кухонный нож, т. е. относится к орудию колюще-режущего действия; в 10 % случаев телесные повреждения наносятся твердым тупым предметом (деревянное полено, телевизор, деревянная палка, металлический рычаг от автомобильного домкрата и т. д.); в 4 % случаев в качестве предмета, используемого для причинения вреда здоровью, выступает орудие рубящего действия. Тот или иной предмет, выступающий в качестве орудия совершения преступления, будет свидетельствовать об умысле преступника, направленного на причинение вреда здоровью в виде телесных повреждений, оставленных на теле жертвы.

Следует отметить, что данная категория преступлений относится к преступлениям, относящимся одновременно и к полноструктурному способу со-

вершения, и к неполноструктурному способу. Полноструктурный способ – это способ, который включает в себя три элемента: подготовку к совершению преступления, непосредственное совершение преступления и сокрытие следов преступных действий. Например, гр. А. в период с ДД.ММ.ГГ по ДД.ММ.ГГ, находясь в конфликтных отношениях со своим соседом гр. Б., имея умысел на причинение тяжких телесных повреждений, нашел лиц (гр-на В. и гр-на Д.) готовых совершить умышленное причинение тяжкого вреда здоровью гр. Б.. В этой связи гр. А. снабдил гр-на В. и гр-на Д. различными средствами преступления – кастетом, битой, а информацией о месте жительства, работе и маршрутах передвижения гр. Б. В результате своими действиями гр. А. совершил преступление, квалифицированное по ч. 4,5 ст. 33, п. «г» ч. 2 ст. 111 УК РФ [2, с. 33]. То есть, данный способ совершения умышленного причинения вреда здоровью гр. Б является полноструктурным.

Неполноструктурный способ состоит из подготовки и совершения преступных действий или из совершения и сокрытия следов преступления, либо непосредственно из преступных действий и такие элементы как подготовка или сокрытие следов отсутствуют. Например, гр. М. в период с 22 часов 00 минут по 23 часа 26 минут ДД.ММ.ГГГГ, находясь на кухне квартиры гр. Ю., на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений, имея умысел на причинение тяжких телесных повреждений, находясь в состоянии алкогольного опьянения, умышленно толкнул гр. Ю. левой рукой в область лица, отчего потерпевший упал на спину, после чего гр. М. нанес гр. Ю. не менее 5 ударов обеими ногами в область туловища, затем не менее 5 ударов обеими ногами в область шеи и головы и не менее 3 ударов обеими ногами по ногам, а также не менее одного удара в область паха гр. Ю. [1]. Своими умышленными действиями гр. М. совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 111 УК РФ. Способ совершения данного преступления является неполноструктурным в связи с тем, что отсутствуют элементы подготовки и сокрытия следов.

Первичные данные, указывающие на способ совершения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, сотрудник полиции получает из следующих источников:

1. Сообщение о преступление, поступившее в правоохранительные органы, от потерпевшего или постороннего гражданина. В сообщении о преступление содержится исходная информация о самом событии преступления (данные о дате, времени, месте, преступных действиях), потерпевшем лице, преступнике, если известен, и его местонахождение – остался на месте преступления, скрылся или задержан.

2. Телефонограмма, доставленная из медицинских организаций или лечебных учреждений. На сотрудников скорой медицинской помощи и медицинских учреждений возложена обязанность – немедленно уведомлять правоохранительные органы обо всех случаях обращения граждан с повреждениями или ранениями за помощью, если есть основания полагать, что данные повреждения были получены в результате совершения преступления. В телефонограмме отражается более полная исходная информация о событии преступления,

потерпевшем, а также о характере и тяжести причиненного вреда, которая позволяет сотрудникам полиции выдвинуть версию о способе совершения преступления.

3. Рапорт сотрудников полиции об обнаружении признаков преступления.

Таким образом, способ совершения преступления умышленного причинения тяжкого вреда здоровью представляет собой систему взаимосвязанных действий, направленных на подготовку, совершение преступных действий и сокрытие следов преступления. Способ совершения преступления по данной категории дел выступает центральным элементом в криминалистической характеристике преступления и классифицируется на две большие группы: причинение тяжкого вреда здоровью без использования оружия и иных предметов и причинение тяжкого вреда здоровью с использованием оружия и иных предметов.

Список источников и литературы

1. Приговор Выборгского районного суда Санкт-Петербурга от 18.03.2020
2. по делу № 1–299/20 // Судебная практика: интернет-портал. [Электронный ресурс]. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/551057.html>
3. Авакьян М.В. Методика расследования и поддержания государственного обвинения по делам об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Калининград, 2017. 33 с.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебное пособие. М.: ЮНИТИ ДАНА; Закон и право, 2001. 805с.
5. Филиппов А. Г. Криминалистическая методика для дознавателей учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2017. 44 с.

© Веснина С. Н., Неустроева А. В., Пилецкая Т. Е., 2022

Научная статья

УДК 343

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ ДОБЫЧУ (ВЫЛОВ) ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

Золотарева О. В., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Владивостокского филиала дальневосточного юридического института МВД России

В статье анализируются основные этапы отечественного развития уголовной ответственности за незаконную добычу водных биологических ресурсов от древнейших памятников права и до настоящего времени, рассматривается вопрос о моменте возникновения экологической безопасности как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны.

Ключевые слова: незаконная добыча, вылов, водные биологические ресурсы, уголовная ответственность.

Для цитирования: Золотарева О. В. Ретроспективный анализ уголовной ответственности за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 125–131.

Original article

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR ILLEGAL PRODUCTION (CATCH) OF WATER BIOLOGICAL RESOURCES

Zolotareva O. V., senior lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology, Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the main stages of the domestic development of criminal liability for the illegal extraction of aquatic biological resources from the most ancient monuments of law to the present, considers the issue of the

moment of the emergence of environmental safety as an independent object of criminal law protection.

Keywords: illegal mining, catch, aquatic biological resources, criminal liability.

For citation: Zolotareva O. V. Retrospective analysis of criminal responsibility for illegal production (catch) of water biological resources. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 125–131. (In Russ.).

Добыча водных биологических ресурсов (далее по тексту – ВБР) это один из древнейших способов обеспечения выживания человечества. В соответствии с археологическими данными рацион питания доисторического человека состоял из даров моря от 30 до 95 %. На территории многих современных стран, имеющих выход к морю или крупным озерам можно встретить древнейшие наскальные рисунки, свидетельствующие об опыте рыбного промысла в прибрежных водах. Так, в бухте Ая на западном берегу Байкала были обнаружены изображения осётра и нерпы, а петрографы в Альте на севере Норвегии, свидетельствует о культуре северных народов, умеющих строить лодки и заниматься рыбодобычей, промыслом китов; петроглифы Канозера на Кольском полуострове, выполненные морскими охотниками, жившими в эпоху неолита содержат изображения щук и сцены рыболовства.

Однако, в настоящий момент времени такое исключительное значение рыбодобычи сохраняет для коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, для остального населения добыча и переработка ВБР это прибыльная отрасль экономики, а для криминальных элементов водное браконьерство представляется сверхприбыльным, поскольку практически не требует затрат, например на оплату квот.

Одной из важных элементов социальной обусловленности введения и существования уголовной ответственности за совершение преступления является его историческая преемственность. Как правило, если уголовно-правовые нормы создаются на основе ранее действовавших, то они характеризуются большей социальной обусловленностью и являются более совершенными с точки зрения как юридической техники, так и в качестве средства противодействия преступности.

В уголовно-правовой доктрине история развития законодательства неоднократно становилась предметом научных исследований. Данный факт оправдан тем, что позволяет понять логику юридической мысли определенного периода. Следует согласиться с известным русским юристом Н. С. Таганцевым, который отмечал, что изучение истории развития того или иного института и его критическая оценка – это путь к пониманию современного права и способ получения положительного опыта других народов и отечественной истории права [7, с. 30].

Современное уголовное законодательство об ответственности за вылов водных биологических ресурсов, как и в целом за экологические преступле-

ния, хотя и определяется проявлением беспрецедентного экологического и экономического кризисов, не возникло на пустом месте. Среди норм об ответственности за посягательства на различные компоненты окружающей среды, всегда находилось место посягательствам на рыбные запасы.

В целом, периодизация развития уголовной ответственности в России за браконьерство в отношении ВБР не выходит за рамки общей периодизации отечественных памятников права. В литературе обосновывается выделение семи периодов в развитии российского законодательства об ответственности за незаконную добычу водных биологических ресурсов с указанием основных нормативно-правовых актов: IX в. – конец XVI в. (Русская Правда (Краткая и Пространная), Двинская уставная грамота 1397 г., Псковской судной грамоты 1462 г., Судебника 1497 г. и Судебник 1550 г.); конец XVI в. – XVII в. (акты принятые в эпоху Петра Первого), XVIII – начало XIX в. (Уложение о наказаниях 1845 г.), вторая половина XIX в. – 1917 г. (Уголовное уложение 1903 г.), 1917 г. – 1926 г., 1926 г. – 1960 г., с 1996 г. по настоящее время [4, с. 140–143]. Последние два этапа выделены в зависимости от принятия уголовных кодексов РСФСР и России.

В работах по экологическому праву бытует точка зрения, что до советского периода существовали лишь отдельные нормы, регулирующие право собственности на природные ресурсы и природные объекты, их использование и охрану, а собственно история экологического права как самостоятельной отрасли законодательства начинается с 1917 г. выделены следующие периоды: 1917–1922 гг. – возникновение и становление законодательных актов об охране и использовании природных ресурсов; 1922–1957 гг. – активное развитие законодательства природоохранного направления; 1957–1963 гг. – принятие во всех республиках СССР законов об охране природы; 1963–1980 гг. – проведение кодификации союзного и республиканского законодательства о земле, недрах, водах, лесах, животном мире и атмосферном воздухе; 1985–1990 гг. – попытка унифицировать систему правового регулирования и создать Закон об охране природы в СССР; 1990 г и до настоящего времени – принятие около полусотни законов и кодексов, регулирующих вопросы охраны окружающей среды и экологической безопасности, использования природных ресурсов [2].

Следует согласиться с С. И. Голубевым, что исследование памятников уголовного права показывает, что законодатель уделял внимание защите природных объектов через институт частной собственности [3, с. 59].

Так, первые уголовно-правовые нормы, направленные на защиту ряда компонентов природной среды, предусматривали ответственность за деяния, повлекшие за собой причинение ущерба лесам, водам, землям, животному миру, выступавшими предметом собственности. Например, Краткая редакция Русской правды устанавливает охрану представителей животного мира. Например, согласно ст. 28 Русской правды за убитого княжеского коня виновный должен был заплатить столько же, сколько за удар мечом по пальцу свободного человека (ст. 7). За коня смерда штраф был ниже.

В Пространной редакции Русской правды предусматривалась охрана более широкого перечня природных объектов. В ст. 69–73 устанавливалась ответственность за покражу бобра, уничтожение знака собственности на борти, нарушение межи, порубку межевого или находящегося в чьей-либо собственности дуба. Все эти посягательства карались одинаково – штрафом, таким же, как убийство сельского или руководящего пахотными работами княжеского тиуна (ст. 13) [5, с. 490–517].

Псковская судная грамота, будучи документом в большей степени процессуальным, не содержала каких-либо положений об ответственности за преступления против природных объектов. Судебник 1497 года также лишен соответствующих статей, за исключением ответственности за нарушение межи.

Таким образом, после Русской правды в памятниках российского права фактически не была предусмотрена ответственность за посягательства на компоненты природной среды даже в форме защиты собственности. Только в Соборном уложении 1649 года вновь появились положения об ответственности за ущерб, причиненный природным объектам, находящимся в частной собственности. Однако ответственность предусматривалась скорее гражданская. В целом, учитывая, что Соборное уложение регулировало общественные отношения, являющиеся предметом различных отраслей права, крайне затруднительно определить законодательную оценку степени общественной опасности посягательств на природную среду.

Артикул воинский 1715 года, исходя из его цели создания, вообще не содержал норм об ответственности за экологические преступления.

Подводя промежуточный итог исследования экологического законодательства России X–XVIII веков, можно отметить, что соответствующие нормы в памятниках отечественного права либо отсутствовали вообще, либо компоненты природной среды защищались в рамках института частной собственности, а не экологической безопасности государства.

Система норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану окружающей среды и ее компонентов, начала складываться в российском законодательстве лишь к середине XIX века [1, с. 487]. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. имелись отдельные статьи, защищающие конкретные объекты природы от преступных посягательств.

Деяния против компонентов природной среды чаще всего считались уголовными проступками, то есть, характеризовались меньшей степенью общественной опасности.

Большое количество статей Уложения предусматривало ответственность за незаконные охоту или рыбный промысел. За ловлю рыбы запрещенными снастями в обычных случаях лицо подвергалось конфискации имущества и денежному взысканию (ст. 1139 Уложения).

Отягчающим обстоятельством выступало место установления запрещенной снасти: Белое озеро, реки Волга и Шексна. В этом случае на виновного налагалось денежное взыскание, и в случае повторности даже тюремное заключение (ст. 1140 Уложения).

Исследование Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года позволило прийти к выводу о том, что в целом общественная опасность экологических преступлений оценивалась законодателем невысоко, посягательства на природные объекты относились к уголовным проступкам, а данный акт охранял средствами уголовного закона собственность на природные ресурсы, в том числе и рыбные запасы.

Так и не вступившее полностью в силу Уголовное уложение 1903 года так же не выделяло экологические преступления в самостоятельную группу, подобные нормы содержались в главах девятой и одиннадцатой. Основная масса экологических преступлений содержалась в главе 11 «О нарушении постановлений, нарушающих народное благосостояние». К их числу можно отнести ст. 243–248, 250, 254–257, 259, 261. Перечень деяний, был расширен по сравнению с предыдущими нормативными актами.

Статьи 246–248, 250, 254 Уложения предусматривали ответственность за незаконную рыбную ловлю и охоту. Отягчающим ответственность обстоятельством выступали способы добычи рыбы или зверя, а также виды животных, на которых осуществлялась охота. Так, за рыбную или иную ловлю в недозволенное время, в недозволенных местах, запрещенными способами или без соблюдения предписанных правил виновный подвергался денежной пене (ст. 246 Уложения). Если же он осуществлял эту деятельность в виде промысла либо использовал взрывчатые или отравляющие вещества, размер штрафа возрастал четверо. Запрещенный котиковый промысел (ст. 254 Уложения) наказывался еще более сурово – заключением в тюрьме.

Несмотря на детальную проработку, глава 11 Уголовного уложения 1903 года так и не вступила в силу вплоть до 1917 г., и в части экологических преступлений продолжало действовать Уложение о наказаниях 1845 г. Вместе с тем, именно Уголовное уложение 1903 г. положило начало формированию системы экологических преступлений.

Первым кодифицированным нормативно-правовым актом, устанавливающим уголовную ответственность в области экологии, стал Уголовный кодекс РСФСР 1922 года., который изначально содержал всего две статьи об экологических преступлениях: ст.ст. 99 и 216.

Статья 99 УК РСФСР находилась в гл. 2 УК «О преступлениях против порядка управления» и предусматривала ответственность за охоту и рыбную ловлю в недозволенное время, в недозволенных местах и недозволенными способами и приемами;

Впоследствии, в 1925 году, УК РСФСР 1922 года был дополнен специальной ст. 99-а, устанавливающей ответственность за производство водных добывающих промыслов в водоемах, имеющих общегосударственное значение, без разрешения либо в запретное время, или в недозволенных местах, или недозволенными орудиями, способами и приемами¹⁵⁹. Однако учитывая, что санкция этой статьи не отличалась от предыдущей, смысл принятия этой нормы остается несколько неясным.

С 1 января 1927 г. вступил в силу Уголовный кодекс 1926 года¹⁶⁰, издание которого вызывалось необходимостью приведения в соответствие республиканского законодательства с уголовным законодательством СССР. Поэтому он принципиально не отличался от Кодекса 1922 г.

Содержащиеся в УК 1926 г нормы об экологических преступлениях (ст. 85–87) располагались в главе 2 «О преступлениях против порядка управления».

Статья 86 УК РСФСР 1926 года в значительной мере дублировала ст. 99-а УК РСФСР 1922 года, устанавливая ответственность за производство водных добывающих промыслов в водоемах, имеющих общегосударственное значение, без разрешения либо в запретное время, или в недозволенных местах, или недозволенными орудиями, способами и приемами.

В части второй этой же нормы запрещался промысел морских котиков и бобров в открытом море, трехмильной прибрежной полосе или на суше.

В целом исследование первых советских уголовных кодексов позволило прийти к выводу о том, система экологических преступлений, была еще разработана слабо.

Следующим важным шагом на пути выделения экологической безопасности как самостоятельного объекта охраны, стал Уголовный кодекс РСФСР 1960 года. Расположение статей об ответственности за посягательства на окружающую среду в различных главах Уголовного кодекса 1960 г. свидетельствовало о том, что объекты данных преступлений определялись неодинаково, что создавало определенные преграды на пути создания единой системы экологических преступлений в уголовном законодательстве. Тем не менее, позднее в доктрине уголовного права, в частности в учебниках и учебных пособиях, стал выделяться самостоятельный раздел «Преступления против природных богатств» [6, с. 261].

Ответственность за посягательства на водные биологические ресурсы устанавливалась статьями 163 и 1631 УК РСФСР 1960 г., которые были отнесены законодателем к главе 6 о хозяйственных преступлениях, так же как и статьи о незаконной охоте, продаже, скупке, обмене шкурок пушных зверей, незаконной порубке леса, нарушении законодательства о континентальном шельфе СССР и др.

В статье 163 устанавливалась ответственность за производство рыбного, звериного и других водных добывающих промыслов в территориальных водах СССР, внутренних морях, реках и озерах, прудах, водохранилищах и их приточных водах без надлежащего на то разрешения, либо в запретное время, либо в недозволенных местах или недозволенными орудиями, способами и приемами. Квалифицирующими признаками выступали повторность, улов или убой ценных пород рыб или водных животных, крупный ущерб. Статья. 256 УК РФ в первоначальной редакции почти полностью воспроизводит ст. 1631 с важной заменой оборота «производство промысла» на «незаконную добычу» и расширение предмета преступного посягательства за счет включения в него иных морских млекопитающих.

Проведенное исследование свидетельствует о длительном историческом развитии уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за экологические преступления. Регулирование уголовной ответственности за незаконную добычу рыбы и иных водных животных на разных этапах развития российского уголовного законодательства, таким образом, обладало своей спецификой. Первоначально источниками права в данной сфере являлись обычаи, затем – различные законодательные акты, а со временем нормы, регулирующие ответственность за посягательства на рыбу и других водных животных, стали включаться в состав уголовных законов.

До принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в памятниках российского права экологические преступления как таковые отсутствуют, компоненты природной среды охраняются как объекты права собственности. Основным наказанием за посягательства на них выступает денежное взыскание в пользу собственника в фиксированной сумме либо в размере причиненного ущерба.

Основным достижением уголовно-экологического права современной России признаются выделение специальной главы в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года, формулирование достаточно полного перечня уголовно-правовых запретов в сфере охраны окружающей среды, установление альтернативных санкций и др.

Список источников и литературы

1. Ваулина Т. И. // Уголовное право. Особенная часть / Под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. М.: ИНФРА. М. Норма, 1997. 504 с.
2. Голиченков А. К., Новицкая Т. Е., Чиркин С. В. Очерки истории экологического права: развитие правовых идей охраны природы // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1991. № 1. С. 50–57; № 2. С. 40–41; № 6. С. 53–58.
3. Голубев С. И. Наказание за экологические преступления: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2015. 202 с.
4. Полный курс уголовного права в 5 томах. Т. 1. Преступление и наказание / Под ред. А. И. Коробеева. СПб.: Издательство Р. Асланова Юридический центр Пресс, 2008. 1131 с.
5. Русская Правда. Краткая и Пространная редакции / подготовка текста, перевод и вступительная статья М. Б. Свердловва // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4. 687 с.
6. Советское уголовное право. Общая и особенная части: Учебник / Загородников Н. И. М.: Юрид. лит., 1975. 568 с.
7. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Тула, 2001. Т. 1. 800 с.

© Золотарева О. В., 2022

Научная статья

УДК 343.13

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДОЗНАВАТЕЛЯ И ОРГАНА ДОЗНАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Клочков П.В., старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

В статье анализируются исторические аспекты развития дознавателя как участника отечественного уголовного судопроизводства с учетом его процессуальной самостоятельности на основе анализа отечественного уголовно-процессуального законодательства разных лет.

Ключевые слова: дознаватель, орган дознания, уголовно-процессуальный кодекс, процессуальная самостоятельность, прокурор.

Для цитирования: Клочков П. В. Исторический анализ процессуального положения дознавателя и органа дознания в отечественном уголовном процессе // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 132–135.

Original article

HISTORICAL ANALYSIS OF THE PROCEDURAL POSITION OF THE INQUIRER AND THE BODY OF INQUIRY IN THE DOMESTIC CRIMINAL PROCESS

Klochkov P.V., senior Lecturer of the Department of Special Disciplines of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article analyzes the historical aspects of the development of the investigator as a participant in domestic criminal proceedings, taking into account his procedural independence, based on the analysis of domestic criminal procedural legislation of different years.

Keywords: inquirer, body of inquiry, criminal procedure Code, procedural independence, prosecutor.

For citation: Klochkov P.V. Historical analysis of the procedural position of the inquirer and the body of inquiry in the domestic criminal process. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 132–135. (In Russ.).

Действующий в Российской Федерации с июля 2002 года Уголовно-процессуальный кодекс (далее УПК РФ) [1], закрепил в ч. 1 ст. 150 УПК две формы предварительного расследования: дознание и предварительное следствие. Обе формы расследования существуют достаточно давно, но если предварительное следствие осуществляет следователь и это положение было закреплено еще в середине 19 века в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, то с дознанием не все так просто. Расследование в форме дознания осуществляется по общему положению органом дознания, а дознаватель, как самостоятельный полноценный участник уголовного судопроизводства появился в отечественном уголовном процессе гораздо позже.

Анализируя отечественное уголовно-процессуальное законодательство еще на этапе его зарождения можно выявить, что Устав уголовного судопроизводства (далее УСС) [2], принятый в 1864 году в ст. 252–254 закрепил указание на производство дознания полицией в случае отсутствия судебного следователя, а также закреплял положение о производстве дознания по поручению следователя по отдельным проступкам. При этом УСС, оговаривая расследование уголовного дела в форме предварительного следствия, упоминает также дознание как способ проверки по сообщению о преступлении, и как способ собирания сведений для дальнейшей передачи судебному следователю. Но в качестве самостоятельной фигуры дознаватель в УСС не закреплялся, дознание производилось именно полицией. В таком виде положения УУС просуществовали до октябрьских событий 1917 года и практически оставались неизменными до принятия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в 1922 году.

Первый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [3], принятый в 1922 году содержал отдельную VIII главу «О дознании», в ст. 102 которой определялся перечень органов дознания, а также ряд статей, регламентировавших производство дознания. Под дознанием, согласно положений ст. 103 УПК РСФСР 1922 г., понимались действия милиции по сохранению следов преступления и пресечению возможности преступника скрыться. Стоит отметить, что ст. 107 УПК РСФСР 1922 г. позволяла органу дознания направить непосредственно в суд «добытые материалы» по преступлению, за которое предусматривалось наказание до 1 года, во всех остальных случаях материалы направлялись следователю через прокурора для дальнейшего расследования. По сути своей первый УПК новой Советской республики во много повторил положения УУС по вопросам, связанным с дознанием, не выделяя дознавателя в качестве самостоятельной фигуры.

Спустя год был принят второй Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (1923 года) [4], который также, как и первый УПК РСФСР 1922 года, содержал отдельную VIII главу «О дознании», закрепляя аналогично в ст. 97 перечень органов дознания. Стоит отметить, что в новом УПК 1923 г. деятельность органов дознания различалась в зависимости от того, действовал ли орган дознания по делам, по которым производство предварительного следствия является обязательным, или же по делам, по которым акты их могут послужить основанием к преданию обвиняемых суду без производства предварительного следствия. (ст. 98 УПК РСФСР 1923 г.). В данном УПК также дознаватель не выделялся в качестве самостоятельного лица, не оговаривается его статус и полномочия.

Третий УПК РСФСР [5], принятый в 1960 году продолжил традиции двух предыдущих УПК, не выделяя дознавателя, как самостоятельного участника уголовного судопроизводства. Глава 9 УПК РСФСР 1960 г. «Дознание» определяла порядок производства дознания по уголовным делам, по которым обязательно производство предварительного следствия (ст. 119), а также в ст. 120 регламентировались особенности производства по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно. Стоит особо отметить, что данный УПК также не содержал упоминаний о дознавателе, как о самостоятельном участнике уголовного судопроизводства, упоминаемая лишь о лице, производящем дознание. УПК 1960 г. содержал нормы, аналогичные более ранним УПК, возлагая на орган дознания принятие необходимых оперативно-розыскных и иных предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших, а также принятия всех мер, необходимых для предупреждения и пресечения преступления и производство предварительного расследования по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно.

Возвращаясь к действующему УПК РФ 2001 года, можно обнаружить, что регламентация расследования в форме дознания претерпела существенные изменения и в настоящее время дознание осуществляет дознаватель, которого п. 7 ст. 5 УПК определяет как должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные УПК. Полномочия дознавателя закреплены в ст. 41 УПК. Помимо дознавателя (п. 8 ст. 5 УПК) расследование в форме дознания в настоящее время могут осуществлять органы дознания, перечень, которых указан в ст. 40 УПК, а также в некоторых случаях следователь. Здесь стоит отметить, что осуществлять предварительное расследование в форме дознания в редакции 2001 г. вправе был только дознаватель, однако в 2003 году перечень органов и лиц был расширен путем принятия № 92-ФЗ [6] «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.07.2003, указавшего, что в качестве дознавателей допускаются в том числе и лица, уполномоченные начальником органа дознания осуществлять расследование в форме дознания. В целом, если проанализировать изменения за 20 лет суще-

ствования нового УПК, затронувшие дознание как форму расследования и лиц ее осуществляющих, можно сделать вывод о том, что законодатель пытается создать работоспособную модель расследования уголовных дел, при помощи которой в дальнейшем может производиться расследование большей части уголовных дел, для чего необходимо урегулировать все вопросы связанные с процессуальным статусом дознавателя и органа дознания [7].

Завершая анализ развития отечественного уголовно-процессуального законодательства дореволюционного и советского и постсоветского периодов можно прийти к выводу, что несмотря на то, что дознание всегда выделялась, как самостоятельная форма предварительного расследования, производившаяся по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно и определялась соответствующая подследственность, дознаватель до 2001 года, в отличии от следователя, не выделялся как самостоятельный участник уголовного процесса, наделенным соответствующими правами и обязанностями.

Список источников и литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс
2. Устав уголовного судопроизводства. [Электронный ресурс]: URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137> (дата обращения 12.01.2022).
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года. [Электронный ресурс]: URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757376> (дата обращения 11.01.2022).
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года. [Электронный ресурс]: URL: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--p1ai/node/13986> (дата обращения 10.01.2022).
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. [Электронный ресурс]: URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usg_5601.htm (дата обращения 10.01.2022).
6. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» Федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс
7. Кузора С. А. О некоторых проблемах несогласованности норм уголовно-процессуального кодекса РФ в части производства дознания в сокращенной форме // Закон и право. 2019. № 11. С. 90–92.

© Клочков П. В., 2022

Научная статья

УДК 343.85

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ

Котельникова О.А., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Владивостокского филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук

В статье подчеркивается важность познания причин преступности с позиции диалектического детерминизма и его значимость в криминологических исследованиях на современном этапе развития общества. Уделяется внимание основным положениям данного учения, позволяющего более глубоко познать природу преступного поведения и преступности в целом. Кроме того, автором рассматриваются особенности такого криминологического учения, как теория криминологической детерминации, который позволяет раскрыть механизм взаимодействия отдельных элементов детерминантов преступности.

Ключевые слова: детерминация, диалектический детерминизм, причины преступности, теория криминологической детерминации

Для цитирования: Котельникова О. А. Основные положения теории криминологической детерминации: современные аспекты // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 136–140.

Original article

THE MAIN POINTS OF THE THEORY OF CRIMINOLOGICAL DETERMINATION: CURRENT ASPECTS

Kotelnikova O.A., associate professor of department of criminal law disciplines of the Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy, candidate of law

The article emphasizes the importance of cognition of the causes of crime from the position of dialectical determinism and its significance in criminological

research at the present stage of development of society. Attention is paid to the main provisions of this doctrine, which allows more profound knowledge of the nature of criminal behavior and crime in general. In addition, the author considers features of such method of criminological doctrine as the theory of criminological determination, which allows to reveal the mechanism of interaction of individual elements of determinants of crime.

Keywords: determination, dialectical determinism, causes of crime, theory of criminological determination

For citation: Kotelnikova O. A. The main points of the theory of criminological determination: current aspects. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 136–140. (In Russ.).

Как известно, общетеоретические положения криминологии являются основой для решения специальных частных вопросов борьбы с преступностью. Разработка и осуществление мероприятий, направленных на устранение (ослабление, или нейтрализацию) действий негативного характера, влияющих на состояние преступности, является главной задачей данной науки.

Важнейшим учением, входящих в систему криминологических знаний, является учение о причинах преступности [1]. Начиная от зарождения криминологических идей и до современных научных концепций, криминология как наука предпринимает попытки объяснения причин преступного поведения.

Научно-практическое познание сущности тех факторов, которые обуславливают воспроизводство преступности и преступного поведения, остается фундаментальной и самой актуальной проблемой её современного периода.

Вопросы, связанные с выявлением и объяснением причинно-следственных взаимодействий в различных процессах и явлениях, является важнейшей теорией криминологии и базируются на основополагающих законах мироздания. Методологической базой изучения причин и условий преступности является положения диалектики, одним из разделов которой является – диалектический детерминизм.

Детерминизм – учение о всеобщей взаимосвязи (детерминации) взаимодействиях всех вещей, объектов, явлений и процессов. В современном понимании, применимо к общественным отношениям, детерминизм рассматривает вопросы о движущих силах и закономерностях общественного развития, о воздействии общества и отдельных его подсистем на формирование человеческих индивидов и их деятельность [3]. Данный подход с позиции криминологии позволяет более глубоко объяснить механизм влияния общественных процессов на поведение людей и в конечном счете, на состояние преступности в целом.

Детерминация – (от лат. Determinatio – «определяют») это связь причинения, опосредования и обуславливания. С позиции детерминации, причинность определяется, как объективная связь между двумя явлениями. Одно, из которых,

именуется причиной, а другое – следствием. При этом, причина порождает, или вызывает к жизни следствие. Следовательно, причинность – это такой вид детерминации, который состоит в генетической, продуцирующей связи одного явления (причины) с другим (следствием).

Аналогично тому, как причинно-следственные связи действуют на уровне всех существующих явлений наблюдаемого мира, они проявляются и в жизни общества, и в природе преступности, но с более сложным механизмом, при-сущий социальным явлениям.

Как известно, в криминологии выделяются причины преступности в основных сферах общественной жизни: экономической, социальной, политической и духовной. Безусловно, значимость данных факторов в генезисе преступности, с учётом современных глобальных изменений, неоспорима [4]. В первую очередь это связано с тем, что все социальные явления и процессы настолько взаимосвязаны, настолько взаимно обуславливают друг друга. Они представляют собой единый комплекс, в котором каждый элемент оказывает влияние на все другие, а произведенные им изменения в окружающих явлениях, в свою очередь, становятся причиной его собственных трансформаций. Исходя из этого, деформация даже в одной сфере общественных отношений, например, в экономической, приводит к изменению другой, например – социальной, при этом неизбежны конфликты, противоречия и различного рода патологии. В тоже время, не сами общесоциальные факторы являются детерминантами преступности, а психологическое восприятие этих явлений [2, с. 69]. Следовательно, какие бы факторы не являлись причинами преступности, они имеют социально-психологическую основу.

Узловым моментом диалектического детерминизма является положение о том, что процесс причинения возникает не самопроизвольно. Наличие причины следует рассматривать, как некий потенциал, который может реализоваться, то есть вызвать к жизни свое следствие, а может так и остаться нереализованной потенциальной возможностью. Обстоятельством, при наличии которого причина, как потенциал, может реализоваться в следствие, то есть, вызвать какие-то изменения в окружающей среде, называется условием.

Применительно к общественным явлениям не просто выделить и зафиксировать причины и условия. Во-первых, это связано с тем, что предметом исследования, по большей части, являются феномены нематериального свойства (общественные отношения, социально-психологический механизм поведения и т. п.). Во-вторых, социальные явления и процессы настолько взаимосвязаны, настолько взаимно обуславливают друг друга, что представляют собой единый комплекс, в котором каждый элемент оказывает влияние на все другие, а произведенные им изменения в окружающих явлениях, в свою очередь, становятся причиной его собственных изменений.

Основы теории детерминизма способствовали зарождению в криминологии научного знания – теории криминологической детерминации (ТКД). Методы данного криминологического учения позволяют раскрыть механизм

взаимодействия отдельных элементов детерминантов преступного поведения и воссоздает общую картину воспроизводства преступности в целом.

Для более глубокого понимания сущности основ теории криминологической детерминации, следует раскрыть понятие ТКД. Так, теория криминологической детерминации (учение о причинах преступности) – это система научного знания, раскрывающая механизм формирования преступного поведения путем, объяснения статистической и функциональной связи между различными факторами преступности.

Основные (принципиальные) положения теории криминологической детерминации сводятся к следующим постулатам.

Во-первых, преступность – неотъемлемая часть Социума, ее состояние и динамика определяются (детерминируются) противоречивостью и изменчивостью общественных отношений и процессов. При этом, противоречивость является объективным и неотъемлемым свойством общества, а также движущей силой его развития, при этом, в общественных процессах проявляются факторы как негативного, так и позитивного характера.

Во-вторых, социальные факторы криминогенного свойства генерируют преступность, воздействуя на всех членов общества.

Если первый принцип ТКД определяет, что преступность, пусть и неприятное, но объективное и закономерное свойство Социума, то второй показывает принципиальную схему механизма реализации криминогенного потенциала общества. Обстоятельства, относящиеся к упомянутым в данном положении факторам, являются объектом изучения криминологии и, в первую очередь, ее специальной теории криминологической детерминации.

В-третьих, ни один элемент в причинном комплексе преступности не может быть абсолютизирован и рассматриваться в качестве какого-то особого, сверхнегативного криминогенного фактора, наличие которого в обязательном порядке должна повлечь преступное поведение.

Все элементы причинного комплекса анализируются только во взаимодействии, так как воздействие негативных факторов может уравновешиваться, нейтрализоваться действием позитивных.

Научное обоснование методов, с помощью которых возможно повлиять на это равновесие в сторону улучшения основных характеристик преступности, и составляет важнейшую задачу криминологии.

Таким образом, теория криминологической детерминации, основанная на научных знаниях диалектического детерминизма, представляет собой одно из важнейших учений, объясняющих социально-психологический механизм функционирования и воспроизводства преступности. Без принципиального понимания сущности этого механизма невозможно оказать какого-либо воздействия на преступность, как общественное явление, в результате чего, уголовная политика государства будет сведена только к карательным, а не предупредительным мерам.

Литература

1. Жигарев Е. С. Объективный и субъективный детерминизм в контексте теории причинности преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2020 (6). С 116–122.
2. Клеймёнов М. П. Криминология: учебник. М., 2018. 400 с.
3. Медведева И. А., Кемеров В. Е., Бернштейн В. Л., Александров П. С. – Детерминизм / Гуманитарный портал: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2022 (последняя редакция: 09.03.2022). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7319>.
4. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Общесоциальные детерминанты преступности // Российский криминологический журнал. 2018. № 12 (1). С. 5–14.

© Котельникова О. А., 2022

Научная статья

УДК 343.2

БОРЬБА С ДОЛЖНОСТНЫМИ ХИЩЕНИЯМИ В РОССИИ В XVIII–XIX ВВ.

Кошкина В. В., преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

В статье рассматривается исторический аспект борьбы с должностными хищениями в России, выделяются их виды. Автор проводит анализ некоторых правовых документов периода XVIII–XIX вв., отражающих конкретные уголовные и административно-правовые меры, принятые органами власти с целью искоренения указанных противоправных деяний.

Ключевые слова: должностные хищения, коррупция, исторический аспект, специальный субъект, реформа, Свод законов, Уложение.

Для цитирования: Кошкина В. В. Борьба с должностными хищениями в России в XVIII–XIX вв. // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 141–145.

Original article

FIGHTING OFFICIAL THEFT IN RUSSIA IN THE XVIII–XIX CENTURIES

Koshkina V. V., lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology Vladivostok branch of Far Eastern Judicial Institute of Russian Ministry of the Interior

The article discusses the historical aspect of the fight against embezzlement in Russia, their types are highlighted. The author analyzes some legal documents of the period of the 18th–19th centuries, reflecting specific criminal and administrative-legal measures taken by the authorities in order to eradicate these unlawful acts. At the end of the work, a conclusion is drawn.

Keywords: embezzlement, corruption, historical aspect, special subject, reform, Code of Laws, Code.

For citation: Koshkina V. V. Fighting official theft in Russia in the XVIII–XIX centuries. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 141–145. (In Russ.).

Детерминанты ответственности за хищения, совершаемые должностными лицами, могут быть выявлены, в том числе, на основе исторического опыта их правового отображения в различных нормативных актах.

Период IX столетия на Руси характеризуется практически единовластием князей над населением, которое располагалось на территории их «княжеского стола». Далее, стали возникать «кормленные округа», в которых правили воеводы, которых назначали князья. Для того, чтобы пресечь какие-либо нарушения с их стороны князья выдавали им уставные грамоты. В последних отражались размеры «кормов» и пошлин, взимаемых с населения. Если сборы были выше предусмотренных, то данный факт считался противоправным.

По сути, подобные грамоты наделяли воевод должностными полномочиями, а все действия, противоречащие отраженным в грамоте функциям – являлись ничем иным, как выходом за данные полномочия.

При этом следует учесть, что воеводе запрещалось только одно: превышать размеры сборов, во всем же остальном действия его не ограничивались. Вся полнота судебной и исполнительной власти была в его руках, в том числе и выполнение полицейских функций [4]. Ущемляя права и интересы личности самым жестоким образом, государство лишь заботилось о том, чтобы данный произвол узаконить.

Следует указать на то, что в период появления уголовных законов существовала ответственность за должностные противоправные деяния, в том числе, за хищения. Однако, основным объектом уголовно-правовой охраны являлись только интересы государства, санкции к нарушителям применялись лишь при наличии вреда, причиненного правящей верхушке: воеводам, князьям и др. Объем и вид должностных полномочий определялся, в основном, по личному усмотрению правителя.

Должностные хищения под влиянием исторического развития изменялись и принимали различные формы.

Так, в период развития древнерусского государства (1397–1398 гг.) использовался термин «посул», обозначающий вознаграждение за выполнение служебных обязанностей. После ликвидации Иваном IV системы кормления семантика понятия «посул» изменяется. Оно стало применяться для квалификации противоправных деяний со стороны должностных лиц.

В связи с принятием в 1497 году Судебника, в соответствии с которым на Руси стало вершиться правосудие, «посул» стал преследоваться в уголовном порядке, государственные служащие прибегли к новому типу преступлений, а именно к различного рода «подношениям». На тот момент в законодательстве был пробел касательно понятия «подношения», а значит ничто не могло помешать на законной основе принимать такие подарки.

Н. Ф. Демидова в своих работах, освещавших приказной строй Московского государства XVII в. придерживалась такой позиции, что подношения в приказах имели различный характер. Во-первых, это была так называемая «почеть», предлагаемая челобитчиком заранее для успешного ведения дела, во-вторых, приказным служащим давали за конкретную работу с целью ее ускорения, в-третьих, их благодарили за шаги, предпринимаемые ими вопреки действующему законодательству [1].

К XV веку провинциальные деяния, совершенные должностными лицами, приобрели уже системный характер. Чиновники совершали за взятки не только хищения, но и даже свои прямые обязанности (мздоимство), что было нормой в пределах, не нарушающих закона. Имело место лихоимство, т. е. совершение незаконных действий благодаря своему положению, с которым пытались бороться [3].

Одним из государственных руководителей, активно ведущим борьбу с хищениями, совершенными должностными лицами, следует признать Петра I, считающего, что они, как проявление коррупции, являются ужасным злом для государства, подрывают бюджет страны и разлагают общество.

В своих указах Петр I вводит репрессивные меры, вплоть до смертной казни, для всех тех, кто был замечен в корыстных преступлениях по должности. Так, по Указу «О фискалах и о должностях» 1714 года «всякие взятки и кражи казны прочее» были отнесены законодателем к преступлениям, направленным во вред «государственному интересу» [5].

Кроме этого Петр I прибегает к административно-правовым средствам, направленным на борьбу с рассматриваемым явлением, путем отбора лиц высокого нравственного уровня. Так, Генеральный регламент 1720 года и специальные уставы о гражданской службе делали акцент на характеристику государственного служащего как человека высокой нравственности. Выполнение им служебных обязанностей должно было осуществляться «верно и прилежно, не по дружбе или вражде, или за взятку» [8]. Кроме этого Петр I осуществил еще две значимые реформы: установление органа надзора и повышение оклада государственных служащих. Надзор осуществляли фискалы, которые обязаны были наблюдать за деятельностью государственных учреждений и осуществлять контроль над должностными лицами, «какова б оное имяни не было», для пресечения «всякие взятки и кражи из казны, что во вред государственному интересу быть может». Повышение жалования было сделано им сначала в 1708 году при проведении губернской реформы, а затем в 1714 году по указу «О воспрещении взяток и посулов». В то же время, «ближайший соратник» Петра I князь Меншиков брал взятки и воровал целыми городами, но его казнить рука так и не поднялась [3].

Политика, проведенная Петром I, являлась прогрессивной и имела потенциал, однако она привела к расширению штата государственных служащих, в результате чего государственная казна оказалась не способна содержать такое количество чиновников. Результатом этого являлось возвращение к средневековой традиции «кормления», государственным служащим разрешалось

«брать акциденцию от дел», что уже подразумевало возможность развития должностных хищений в государстве.

Важным историческим событием в Российском государстве, являющимся продолжением политики борьбы с должностными хищениями и казнокрадством, является утверждение Николаем I «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 году. Уложение устанавливало суровые наказания за превышение власти, присвоение или растрату, лихоимство и вымогательство взятки и всех преступлений, совершенных из корыстных или иных личных интересов [2].

Данный правовой акт предусматривал целый ряд наказаний преступления и проступки по службе – исключение из службы; отрешение от должности; вычет из времени службы; удаление от должности; перемещение с высшей должности на низшую; выговор, более или менее строгий, с внесением оного в послужной список; вычет из жалования; выговор, более или менее строгий, без внесения в послужной список; замечание, более или менее строгое.

К специфике должностных хищений также относили наличие специального субъекта – лица, занимающего должностное положение и использующего его в своих или иных интересах.

В проекте нового Уложения особое внимание уделялось разграничению служебных преступлений от общих, которые также могли совершить должностные лица. Критерием при этом служил факт использования должностным лицом своего особого положения при совершении преступления.

Немаловажным правовым источником является «Свод законов Российской империи» 1832 года. Хищения, совершенные должностными лицами закреплены в специальную главу под названием «О противозаконных поступках должностных лиц при хранении и управлении вверенного им по службе имущества». Причем, сразу несколько статей предусматривает ответственность за растрату в зависимости от ее вида – растрата казенных денежных средств, растрата имущества, несвоевременное произведение записи о постановке на приход или расход вверенного имущества, а повышенная уголовная ответственность предусмотрена для лиц, которые с целью сокрытия своих преступных действий совершили побег или составили подложные документы. Интересен тот факт, что если лица, виновные в растрате не могут самостоятельно возместить причиненный ущерб, то погашение данного ущерба возлагается также на его начальника, в связи с тем, что тот не должным образом осуществлял надзор за подчиненным. В главе «О подлогах по службе» был выделен самостоятельный состав преступления, выражающийся в подделке документов из корыстной или иной личной заинтересованности, а квалифицированный состав предусматривал ответственность для чиновников полиции [6].

Александр II продолжил политику, проводимую его отцом, и во время своего правления дополнил «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» в 1866 году. Серьезных изменений содержания правовых норм не произошло в части регулирования уголовной ответственности, в том числе за должностные хищения [7].

Период правления Николая II охарактеризовался разработкой правового акта «Уголовное уложение» России, относящегося к 1903 году. Данный акт в основном носил бланкетный характер, в результате возникали трудности его использования. Положительной чертой являлось упрощение системы построения нового уголовного законодательства, сокращение количества статей, возникла четкая формулировка понятия «должностное лицо».

Таким образом, в России в период XVIII–XIX вв. представители власти уделяли большое внимание борьбе с должностными хищениями в их различных проявлениях, предпринимая попытки законодательного закрепления ответственности за противоправные действия со стороны рассматриваемых специальных субъектов.

Список источников и литературы

1. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Изд-во АН СССР, 1987. 228 с.
2. Махарашвили У. М. История развития законодательства о должностных преступлениях // Перспективы развития институтов права и государства. Сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции. Курск, 2021. Том 1. 290 с.
3. Пьянзин Д. Н. Причины возникновения коррупции: историко-правовой аспект. С. 12–15.
4. Рогов В. А. История государства и права России. М.: Инфра-М, 2007. С. 76–77.
5. Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986 г. 174 с.
6. Свод законов Российской Империи. Издание в 16-ти томах URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire> (дата обращения: 21.03.2022).
7. Сорокун П. В. Исторический очерк возникновения и развития взяточничества и коррупции в России // Эпоха науки, 2016. № 7. С. 3–7.
8. Чистяков О. И. Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. 4. М.: Юрид. лит., 1986. 512 с.

© Кошкина В. В., 2022

Научная статья

УДК 343.7(075.8)

О ПОНЯТИИ «ЭКСТРЕМИЗМ»

Крапива И. И. начальник кафедры уголовного права и криминологии Владивостокского филиала ДВЮИ МВД России, кандидат юридических наук

В статье автор приходит к выводу, что понятия экстремизма закреплено в федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», где оно носит описательный характер и не имеет ссылок на конкретные составы преступлений, за исключением п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание». Экстремизм включает в себя как преступления экстремистской, так и террористической направленности, а также административные правонарушения.

Ключевые слова: экстремизм; преступления экстремистской направленности; социальная, расовая, национальная или религиозная ненависть.

Для цитирования: Крапива И. И. О понятии «экстремизм» // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 146–150.

Original article

ABOUT THE CONCEPT OF "EXTREMISM"

Krapiva I. I., head of the department of criminal law and criminology, Vladivostok branch of the DVYI Ministry of internal affairs of Russia, cand. jurid. sci.

In the article, the author comes to the conclusion that the concept of extremism is enshrined in the federal law «On counteracting extremist activity», where it is descriptive and does not have references to specific offenses, with the exception of paragraph «e» part 1 of Art. 63 of the Criminal Code of the Russian Federation «Circumstances aggravating punishment». The concept of extremism includes both extremist and terrorist crimes, as well as administrative offenses.

Keywords: extremism; extremist crimes; social, racial, national or religious hatred.

For citation: Krapiva I.I. About the concept of "extremism". Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 146–150. (In Russ.).

Экстремизм – острое деструктивное социальное явление, основанное на социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражде в отношении какой-либо социальной группы, поощряющее и оправдывающее нарушение прав и свобод человека в силу его неполноценности по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

В тоже время, уровень преступлений экстремистской направленности имеет тенденцию к интенсивному росту, так, например, в 2020 году было совершено 833 данных преступлений, что на 42,4% выше 2019 года, а в 2021 году, зарегистрировано 1057 преступлений экстремистской направленности рост составил 26,9%. [1] Столь интенсивный рост преступлений экстремистской направленности на территории Российской Федерации вызван развитием различных способов совершения данных преступлений с использованием мобильных устройств и Интернета.

Международные террористические и экстремистские организации усиливают вербовку российских граждан для вовлечения в противоправную деятельность российскую молодежь. [2]

Экстремизм как опасное политическое и культурное проявление исключительности и превосходства одной социальной группы людей над другими неполноценными социальными группами имеет тенденцию к саморазвитию. Пропагандируемая социальная, расовая, национальная или религиозная ненависть в отношении какой-либо социальной группы людей легко проникает в маргинальные слои общества и мировоззрение молодежи и проявляется в дискриминации и актах насилия в отношении неполноценной социальной группы.

Экстремизм как острое деструктивное социальное явление в части своей направлено на оправдание терроризма и полностью охватывает собою террористическую деятельность. [3]

Юридическая оценка и осуждение экстремизма находит свое отражение в Международном праве: Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года, Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 года, Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 года о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года.

Но, 24 февраля 2022 года с началом проведения специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины и защиты мирного населения Донецкой и Луганской Народных Республик, в одночасье рухнули

международно-правовые стандарты по недопущению подстрекательства к актам насилия и самих актов насилия, направленных против любой группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения. В средствах массовой информации стран западной Европы и США развернулась откровенная расистская пропаганда, призывающая к насилию в отношении русскоговорящих. В частности, руководство социальной сети Instagram вопреки международному праву впервые в истории и только в отношении россиян разрешило призывы к насилию.[4] Во внесудебном порядке отбирается имущество у российских олигархов, причем не берется в расчет ни их поведение, ни их европейское подданство.[5] Что позволяет обоснованно утверждать, что экстремизм в настоящее время является инструментом разрушения российской государственности, используемым деструктивными внешнеполитическими силами и зарубежными спецслужбами.

В связи с этим становится очевидным, что исследование понятийного аппарата экстремизма становится актуальным. Экстремизм сложное политическое и культурное явление, так как пресечению подлежит пропаганда социальной, расовой, национальной или религиозной розни, а так же подстрекательство и насилие в отношении какой-либо социальной группы по мотивам ненависти или вражды, при этом само по себе экстремистское мировоззрение отдельного индивида не наказуемо. Привлечение к ответственности возможно лишь за конкретные составы правонарушений.

Формально-определенное понятие экстремизма закреплено в федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности». [3] В федеральном законе понятие экстремизма носит описательный характер и не имеет ссылок на конкретные составы преступлений за исключением п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание: совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». [6]

В целом федеральный закон под экстремизмом понимает деятельность, направленную на насильственное изменение основ конституционного строя и территориальную целостность Российской Федерации, а также террористическую деятельность, кроме того возбуждение розни и нарушение прав, свобод и интересов человека в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Экстремизм согласно федеральному закону включает в себя как преступления экстремистской, так и террористической направленности, а также административные правонарушения.

Например: статья 20.3. «Пропаганда либо публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрация которых запрещены федеральными законами», статья 20.3.1. «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», статья 20.3.2. «Публичные призывы

к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» и пр. [7]

В связи с беспрецедентным экстремистским давлением на граждан России со стороны западной Европы и США Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ внес в Кодекс об административных правонарушениях новые экстремистские правонарушения: статью 20.3.3. «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности» и статью 20.3.4. «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц». [8]

Перечень преступлений и административных правонарушений, охватываемых экстремизмом, в соответствии с федеральным законом носит открытый характер.

В отличие от традиционных преступлений, где причины их совершения носят внутренний социально-экономический характер, причины развития экстремизма, также как и терроризма в настоящее время лежат за пределами Российской Федерации, а социально-экономические условия внутри страны используются внешними деструктивными силами для разжигания межэтнических конфликтов.

На основании изложенного, можно сделать следующие выводы.

В настоящее время экстремизм является инструментом разрушения российской государственности, причины развития экстремизма лежат за пределами Российской Федерации, а социально-экономические условия внутри страны используются зарубежными спецслужбами для разжигания межэтнических конфликтов.

Понятие экстремизма закреплено в федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», где оно носит описательный характер и не имеет ссылок на конкретные составы преступлений за исключением п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание». Экстремизм включает в себя как преступления экстремистской, так и террористической направленности, а также административные правонарушения.

Список литературы:

1. Основные показатели деятельности МВД России // Сайт МВД России ... Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года. Системные требования: Adobe Reader. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 22.03.2022).
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ от 05.07.2021. № 27 (часть II), Ст. 5351.
3. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

4. «А чего он ожидал?» Пушков резко отреагировал на заявление главы Instagram [Электронный ресурс] // РИА Новости, сайт URL: <https://ria.ru/20220312/instagram-1777812494.html> (дата обращения 20.03.2022).
5. Почему Запад наказывает российских олигархов [Электронный ресурс] // РИА Новости, сайт URL: <https://ria.ru/20220320/oligarkhi-1779036755.html> (дата обращения 20.03.2022).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗУК РФ ред. от 09.03.2022) // Собрании законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.
7. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 06.03.2022) // Собрании законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I) Ст. 1.
8. Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета от 9 марта 2022 г. № 49.

© Крапива И. И., 2022

Научная статья

УДК 343.13

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОИЗВОДСТВА НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УПК УКРАИНЫ

Кузора С.А., доцент кафедры уголовного процесса Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

В статье проанализированы особенности производства негласных следственных действий по УПК Украины с учетом возможности использования опыта в данном вопросе при введении аналогичного института в УПК Российской Федерации.

Ключевые слова: следственные действия, негласные следственные действия, следователь, судебный следователь, орган дознания.

Для цитирования: Кузора С.А. Анализ особенностей производства негласных следственных действий по УПК Украины // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н.А.Шабельникова, М.А.Тулиглович (отв. редакторы), А.В.Милежик, А.В.Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 151–155.

Original article

ANALYSIS OF THE FEATURES OF THE PRODUCTION OF SECRET INVESTIGATIVE ACTIONS UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF UKRAINE

Kuzora S.A., associate Professor of the Department of Criminal procedure of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, candidate of law

The article analyzes the features of the production of covert investigative actions under the Criminal Procedure Code of Ukraine, taking into account the possibility of using experience in this matter when introducing a similar institution in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: investigative actions, covert investigative actions, investigator, judicial investigator, body of inquiry.

For citation: Кузюпа С. А. Analysis of the features of the production of secret investigative actions under the criminal procedure code of Ukraine. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 151–155. (In Russ.).

В дореволюционной России уголовно-процессуальное законодательство основывалось на опыте стран с аналогичной правовой системой. Общеизвестный факт, что основой первого отечественного уголовно-процессуального кодекса «Устав уголовного судопроизводства 1864 года» стал уголовно-процессуальный кодекс Наполеона 1808 года. В дальнейшем все последующие отечественные уголовно-процессуальные кодексы в той или иной степени повторяли УУС, а последний УПК РФ 2001 года повторяет его положения даже в большей степени, чем три предыдущих.

Острая необходимость совершенствования отечественного уголовно-процессуального законодательства, связанная с развитием общества, подталкивает к анализу новшеств УПК в других странах и страны постсоветского пространства лучше всего подходят для этого. Принятые на постсоветском пространстве в последние полтора десятилетия уголовно-процессуальные кодексы существенно изменили национальное законодательство стран СНГ. На момент распада СССР все страны СНГ имели схожие уголовно-процессуальные кодексы, написанные с учетом «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», принятого в 1958 году [1]. Получив независимость, государства СНГ пошли своим путем, в том числе и в области уголовно-процессуального права, разрабатывая и принимая свои УПК. В настоящее время страны СНГ имеют уголовно-процессуальное законодательство, принятое в основном в последние полтора десятилетия, схожее по отдельным вопросам, однако встречаются разделы, не знакомые отечественному уголовно-процессуальному праву. В качестве новшеств можно отметить наличие в УПК Украины, Казахстана, Молдовы и Киргизии разделов, касающихся производства негласных следственных действий.

Вопрос введения в отечественное уголовно-процессуальное законодательство негласных следственных действий в отечественном уголовном процессе встал в последнее время достаточно остро. В принципе законодатель еще в 2001 году фактически вел в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее УПК РФ) [2] два следственных действия, обладающих признаками негласности. К ним можно отнести осмотр почтово-телеграфной корреспонденции, являющийся составной частью более широкого следственного действия «Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, осмотр и выемка» (ст. 185 УПК РФ), проводимые негласно для адресата в учреждениях связи, а также «Контроль и запись переговоров» (ст. 186 УПК РФ), также проводимые негласно в случаях, если имеются основания полагать, что телефонные и иные переговоры подозреваемого, обвиняемого и других лиц могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела. Однако данный перечень следственных действий, обладающих признаками неглас-

ности достаточно узок и реалии времени требуют его расширения, для чего и необходимо изучение опыта других стран.

Наиболее интересным в вопросе использования негласных следственных действий является Уголовно-процессуальный кодекс Украины, имеющий один из наиболее обширных перечней негласных следственных (розыскных) действий.

В первую очередь стоит отметить, что следственные действия в УПК Украины носят название следственных (розыскных) действий и к достоинству данного кодекса, принятого в 2012 году, стоит отнести неплохо сформулированное понятие негласных следственных действий, к которым согласно ч. 1 ст. 246 УПК Украины «Негласные следственные действия» относятся следственные (розыскные) действия, сведения о факте и методы проведения которых не подлежат разглашению, за исключением случаев, предусмотренных УПК Украины. Законодатель указал, что основанием производства негласных следственных действий, указанных в ч. 2 ст. 246 главы 21 УПК Украины является невозможность получить иным способом сведения об уголовном преступлении и лице, его совершившем при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Негласные следственные (розыскные) действия в зависимости от вида, по УПК Украины, могут проводиться на основании как постановления следственного судьи, так и на основании постановления прокурора или следователя, в зависимости от вида негласного следственного (розыскного) действия. Правом проведения негласных следственных действий обладает следователь или оперативные подразделения по его поручению [4].

Необходимо отметить, что многие вопросы, связанные с досудебным производством в Украине решает следственный судья, фигура которого современному отечественному уголовно-процессуальному законодательству, несмотря на неоднократные предложения ввести его в отечественный уголовный процесс. Указав, что правом проведения негласных следственных действий обладает следователь или оперативные подразделения по его поручению.

На основании постановления следственного судьи проводятся негласные следственные действия, затрагивающие наиболее важные права человека, что совершенно логично и таковым относятся:

- аудио, видеоконтроль лица, ст. 260 УПК Украины;
- наложение ареста на корреспонденцию, ст. 261 УПК Украины;
- осмотр и выемка корреспонденции, ст. 262 УПК Украины;
- снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей, ст. 263 УПК Украины;
- снятие информации с электронных информационных систем, ст. 264 УПК Украины;
- обследование публично недоступных мест, жилья или иного владения лица, ст. 267 УПК Украины;
- установления местонахождения радиоэлектронного средства, ст. 268 УПК Украины;
- наблюдение за лицом, вещью или местом, ст. 269 УПК Украины;
- мониторинг банковских счетов, ст. 269.1 УПК Украины;

– аудио– видеоконтроль места, ст. 270 УПК Украины.

Отдельно в УПК Украины выделен «Контроль за совершением преступления» (ст. 271 УПК Украины) который проводится исключительно на основании решения прокурора.

Изучая перечень негласных следственных(розыскных действий) и сравнивая его с перечнем оперативно-розыскных мероприятий, содержащихся в законе Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» [5] 1992 года, можно прийти к выводу, что негласные следственные(розыскные) действия фактически являются оперативно-розыскными мероприятиями, адаптированными к уголовному процессу. Для реализации своей идеи, с целью упрощения взаимодействия следователя с оперативными подразделениями, и упрощения порядка использования результатов ОРД в уголовном процессе, законодатель Украины разрабатывая в 2012 году УПК создал специальный раздел с негласными следственными (розыскными) действиями, добавив туда часть оперативно-розыскных мероприятий и оговорив особенности их производства. Одновременно с введением в УПК негласных следственных(розыскных) действий в Украине законодатель согласовал данный раздел с законом Украины «Об ОРД», указав, что оперативно-розыскные мероприятия, указанные в ст. 8 Закона «Об ОРД» Украины проводятся по правилам и условиям аналогичных негласных следственных (розыскных) действий, обеспечив таким образом согласованность норм УПК и ОРД возможность передачи результатов ОРД следователю для использования в качестве доказательств без дополнительных требований к допустимости доказательств.

Производство негласных следственных действий достаточно тесно пересекается с вопросами производства оперативно-розыскных мероприятий, так как именно на их основе и с помощью сотрудников оперативных служб проводятся негласные следственные действия. Изучение уголовно-процессуального законодательства стран СНГ наводит на мысль, что отечественный законодатель заметно отстает от своих коллег по постсоветскому пространству в смелости принятия решений по введению новых норм УПК. На наш взгляд, дополнение существующего уголовно-процессуального кодекса РФ возможностью проводить негласные следственные действия позволит улучшить ситуацию с проблемой использования в доказывании результатов ОРД, тем более что фактически, как уже было отмечено выше, первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 2001 году.

Список источников и литературы

1. Закон СССР от 25.12.1958 об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [Электронный ресурс] URL <http://pravo.gov.ru/proxu/ips/>. Дата обращения 15.01.2022.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс

3. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 года № 4651-VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.07.2021 г.) // [Электронный ресурс]. URL: <http://continent-online.com/Document>. (дата обращения 20.01.2022).
4. Загвоздкин Н. Н. Легализация результатов ОРД: сравнение уголовно-процессуального и иного законодательства России, Украины и Казахстана // Актуальные проблемы юридической науки и практики [Электронный ресурс]: материалы междунар. науч.-практ. конф. (13 октября 2020 г.) / Дальневост. юрид. ин-т МВД России. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2020. С. 150–154.
5. Об оперативно-розыскной деятельности. Закон Украины от 18.02.1992 № 2135-XII. [Электронный ресурс]. URL <http://search.ligazakon.ua> (дата обращения 20.01.2022).

© Кузора С. А., 2022

Научная статья

УДК 343.13

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ: КРАТКИЙ АНАЛИЗ МНЕНИЙ

Мороз Р.Н., старший преподаватель кафедры уголовного процесса Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

В статье анализируются процессы, связанные с внедрением цифровых технологий и их влияние на уголовное судопроизводство. Приводятся различные точки зрения о пути уголовного судопроизводства в рамках информационно-телекоммуникационного мира. Рассматривается вопрос о необходимости введения понятия – цифровое доказательство.

Ключевые слова: цифровизация, уголовное судопроизводство, доказательства, электронный документ, цифровые технологии, информационно-телекоммуникационные технологии.

Для цитирования: Мороз Р.Н. Уголовное судопроизводство в эпоху цифровой революции: краткий анализ мнений // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 156–162.

Original article

CRIMINAL JUSTICE IN THE ERA OF THE DIGITAL REVOLUTION: A BRIEF ANALYSIS OF THE OPINIONS

Moroz R.N., senior Lecturer of the Department of Humanities of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, candidate of psychology

The article analyzes the processes associated with the introduction of digital technologies and their impact on criminal proceedings. Various points of view on the path of criminal justice within the information and telecommunication world are given. The question of the need to introduce the concept of digital proof is considered.

Keywords: digitalization, criminal proceedings, evidence, electronic document, digital technologies, information and telecommunication technologies.

For citation: Moroz R. N. Criminal justice in the era of the digital revolution: a brief analysis of the opinions. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 156–162. (In Russ.).

Уголовное судопроизводство – это универсальный механизм реакции государства на совершенное преступление, и эта реакция должна быть адекватной, сопоставимой с вызвавшими ее причинами и эффективной по отношению к ним. Согласимся со словами Ю. Пермякова, который рассуждая о натуралистичности научного знания, в том числе правовых наук, говорит о том, что уголовное судопроизводство состоит в тесной и неразрывной связи со всеми процессами, происходящими в действительности. Действительность меняется, и эти изменения не могут не влиять на уголовное судопроизводство [1].

Сегодня в еще большей мере, чем прежде, стоит проблема теоретического осмысления происходящих изменений в обществе, государстве и праве. В наше время происходят изменения, причины которых коренятся не столько в правовой сфере, сколько в иных, более глубоких сферах общества – в науке, экономике, политике.

Стремительное развитие современной науки и техники оказывает глубокое влияние на человеческое общество. В частности, как революционная технология, искусственный интеллект широко используется во всех сферах общественных отношений, радикально меняя окружающую нас действительность. Не следовать этим изменениям не просто недальновидно, а невозможно, и фактически означает – проиграть будущее.

Все ученые правоведы понимают и принимают необходимость идти в ногу со временем. Процессам цифровизации в обществе, и вместе с ними цифровизации уголовного процесса, посвящено множество научных работ. Изучив научные публикации по данной теме можно прийти к выводу о сложившихся двух типах представлений о пути уголовного судопроизводства в рамках информационно-телекоммуникационного мира или так называемой цифровой реальности.

Ряд ученых, правоведов считают, что цифровизация не повлияет на классические уголовно-процессуальные формы и категории, а будет адаптирована к ним, и в конечном итоге станет незаменимым помощником при расследовании уголовных дел. Такой позиции придерживается большинство ученых, среди них и такие выдающиеся личности в уголовно-правовой науке как Л. В. Головкин, А. В. Победкин, О. В. Химичева и многие другие [2, 3, 4].

Противопоставляя идее адаптации искусственного интеллекта к традиционным формам уголовного судопроизводства, идею коренного перелома самой уголовно-процессуальной модели, некоторые ученые призывают отказаться от следственного стандарта формирования доказательств, от их

протоколирования как анахронизма, и средства консервации изживших себя уголовно-процессуальных отношений, в которых доминирует следователь (С. В. Власова, А. С. Александров, О. И. Андреева, О. А. Зайцев) [5, 6].

Бесспорно, что изобретение искусственного интеллекта изменило мир, и эти процессы уже названы четвертой технической революцией. На множестве политических и экономических брифингах мы можем слышать о том, что государства, придающие первостепенное значение процессам внедрения во все сферы жизнедеятельности человека цифровых технологий, ожидает успех и лидерство. Наша страна не остается в стороне, на государственном уровне разработана стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2035 годы, которая утверждена указом президента № 203 от 9 мая 2017 года. Из окружающей нас действительности мы видим, что взаимодействие государства с гражданином фактически перешло в цифровую плоскость, что не может не радовать, ранее сложные механизмы получения каких-либо документов, справок от федеральных и муниципальных органов власти, процедура подачи документов для получения налогового вычета, либо льготных выплат, регистрация различных имущественных прав, приобрели упрощенный характер, потребности граждан разрешаются в кратчайшие сроки без мучительного взаимодействия с государственными органами. В сфере образования, в экономической сфере, особенно в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, явно ощущается прогресс в применении цифровых технологий и переоценить их положительное влияние достаточно сложно.

Но есть и обратная сторона медали, плоды цифровизации используются не только во благо, но и для совершения преступлений. Статистика преступлений говорит о том, что традиционная преступность снижается (разбои, грабежи, квартирные кражи и т. д.) в то время как цифровая преступность растет. По данным портала правовой статистики в 2021 г. на 11 % по сравнению с 2020 г. выросло число преступлений, совершенных с использованием информационных телекоммуникационных технологий и в сфере компьютерной информации. Если же раздвинуть временные рамки, то можно увидеть, что за предшествующие три года (2018–2020 гг.) только число дистанционных хищений выросло более чем в три раза. Растет и число так называемых традиционных преступлений (заказные убийства, сбыт наркотических средств, вымогательство) с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Для борьбы с такого рода преступлениями правоохранителям необходимо разрабатывать и внедрять новые методы предотвращения, выявления и раскрытия преступлений, основанные на цифровых технологиях. Но насколько использование новых методов коснется самой формы уголовного судопроизводства, как уже было отмечено, вызывает жаркие споры.

Камнем преткновения в такого рода дискуссиях конечно же является базовое понятие уголовного процесса – понятие доказательства.

Встречаются выводы о том, что электронные документы не имеют пока в процессуальных отношениях равноценной юридической силы, которая со-

ответствовала бы другим доказательствам, а также об отсутствии целостного нормативно-правового регулирования использования доказательств, основанных на использовании цифровых технических средств (Е. А. Ануфриева, Т. В. Омельченко) [7]. Предлагается ввести понятие цифрового доказательства.

Попробуем разобраться, действительно ли электронные документы, в нарушение принципа свободной оценки доказательств, так ущемлены, и действительно ли необходим новый вид доказательств. Судебная и следственная практика свидетельствует о том, что по уголовным делам, где преступления совершаются с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, обвинение зачастую строится на доказательствах, полученных из электронных источников, например: переписка в социальных сетях, по электронной почте, сведения о соединениях абонентов, исследование программного обеспечения и так далее. Любые сведения, которые могут воспринимать органы чувств человека и которые человек может извлечь из электронной среды, на настоящий момент могут быть облечены в форму доказательств. Инструментов, предусмотренных УПК РФ, для этого вполне достаточно. Электронный файл, как набор цифровых значений, для уголовного процесса имеет значение только при решении вопроса кем, когда и где он был создан, вносились ли в него изменения, но это предмет экспертного исследования. Доказательственное значение будет иметь зашифрованная в цифровых значениях информация. А уж механизмы облачения в процессуальную форму сведений об объективной реальности (обыски, выемки, осмотры и т. д.), хоть и относятся некоторыми авторами к архаичным, вполне достаточны. Тем более, что особенности изъятия электронных носителей информации, копирования с них информации, а также осмотра и выемки сведений, передаваемых в электронных сообщениях или по сетям электросвязи, законодателем предусмотрены (ст. 1641 УПК РФ, ч 7 ст. 185 УПК РФ).

Следует полностью согласиться с мнением А. Победкина о том, что самостоятельный вид доказательств понадобится в связи новой физической формой восприятия информационного сигнала. Электронная информация остается предметно-образной, аудиальной, письменной, вербальной. Ее специфика проявляется только в носителе информации, то есть воспринимается не с бумаги либо предмета, а электронного носителя, файла [3].

Здесь нельзя не упомянуть о теории бережливости Р. Иеринга, считающего богатство правовых положений признаком слабости. В своем труде «Дух римского права на различных этапах его развития» ученый сравнивает право, сведенное к логической форме с казуистически построенным в виде соотношения письменного китайского языка и европейских языков «Китайцы имеют для каждого понятия свой особенный знак, человеческой жизни едва достаточно для их изучения и новые понятия требуют у них прежде всего установления своих особенных знаков. Мы же напротив имеем небольшую азбуку, посредством которой можем разложить и сложить каждое слово; легкую для изучения и никогда не ставящую нас в затруднение. Точно также и казуистическое уложение содержит множество знаков для определения случаев;

напротив право, приведенное к своим логическим моментам, представляет нам азбуку права, посредством которой мы можем разработать и изобразить все, даже небывалые словообразования жизни» [8].

Призывы вовсе отказаться от уголовно-процессуальной формы обсуждать излишне, на данную тему написано множество статей и бесспорно автор встает в ряды сторонников традиционной модели уголовного процесса со всеми его «архаичными формами».

Вторым по популярности, связанным с трансформацией уголовного судопроизводства в эпоху цифровых технологий, хоть и не покушающимся на базовые основы, все же вызывающим разногласия, является вопрос необходимости оцифровки материалов уголовного дела, либо изначальное его ведение в электронном формате.

Практически все исследователи данной темы едины в том, что уголовный процесс должен пользоваться плодами технического прогресса, вместе с тем ряд исследователей настаивают на необходимости скорейшего и полного перевода уголовного дела в цифровую плоскость. Ряд исследователей говорят о невозможности полной оцифровки уголовного дела, обосновывая свою точку зрения наличием вещественных доказательств, и нецелесообразностью ведения уголовного дела в двух форматах [2].

Полагаем, что в данном вопросе не следует придерживаться крайних позиций и по совету древнекитайского философа Конфуция, необходимо найти срединный путь.

Действия законодателя по внедрению электронного документооборота в уголовный процесс, на наш взгляд, представляют собой робкую и неуверенную попытку догнать время.

Несмотря на то, что ст. 474 УПК РФ предусматривает возможность выполнения процессуальных документов электронным способом, обольщаться не стоит. Следует учитывать, что данная норма действует с принятия УПК РФ, и понятие «выполнено электронным способом» подразумевает, что документ изготовлен при помощи программного обеспечения на персональном компьютере, а не в виде электронного документа. В уголовно-процессуальный закон термин электронный документ, вводится Федеральным законом от 23.06.2016 № 220 ФЗ, в котором прописывается порядок использования электронного документа, только лишь на судебной стадии уголовного судопроизводства. Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ устанавливает возможность направления судом для исполнения судебному приставу исполнителю исполнительного листа в форме электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью. Можно предположить, что включая в ч. 51 ст. 42 УПК РФ требование об указании в ходатайстве адреса электронной почты, законодатель предполагал ответ на него в виде электронного документа, но опять же только на судебной стадии.

Сведений о возможности и порядке применения электронного документа на досудебной стадии в уголовно-процессуальном законе не содержится. Вместе с тем, Инструкцией о порядке приема, регистрации и разрешения

в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденной приказом МВД России от 29.08.2014 № 736, предусмотрена форма подачи сообщения о преступлении в электронном виде. Электронные заявления, согласно инструкции, должны быть распечатаны на бумажном носителе, дальнейшая работа ведется с ними как с письменными заявлениями о преступлении.

Инструкция об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденная приказом МВД России от 12.09.2013 № 707, закрепляет обязанность рассмотрения поступивших в электронном виде ходатайств (ст. 119 УПК РФ) и жалоб (ст. ст. 123, 124 УПК РФ). Более подробно проблемы внедрения электронного документооборота в уголовный процесс рассмотрены другими авторами [9].

Можно заключить, что первые шаги по пути цифровизации документооборота в уголовном процессе сделаны, и процесс внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство – это дело времени.

Готовность человека к внедрению цифровых технологий, в первую очередь означает, что человек согласен и желает их использовать, понимает, как это можно сделать и чувствует безопасность и надежность при их использовании.

Если уровень цифровых технологий позволит обеспечить безопасность информации по уголовному делу, и органы предварительного расследования будут обеспечены необходимой техникой, программным обеспечением и нормативно закрепленными обязательствами ведения электронного документооборота с различного рода организациями и ведомствами, в том числе судом, изменения в УПК РФ не заставят себя долго ждать.

Список источников и литературы

1. Тихонравов Ю. В. Основы философии права. М., 1997. 608 с.
2. Головки Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
3. Победкин А. В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу) // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 50–55.
4. Химичева О. В., Андреев А. В. Цифровизация как тренд развития современного уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 21–23.
5. Власова С. В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9–18.
6. Александров А. С., Андреева О. И., Зайцев О. А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.
7. Ануфриева Е. А., Омельченко Т. В. Основные направления цифровизации уголовного процесса в России // Проблемы получения и использования доказательственной

- и криминалистически значимой информации: матер. междунар. науч.-практ. конф. (26–27 сентября 2019 г.), 2019. Мисхор (Большая Ялта).
8. Иеринг Р. Фон. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб: Безобразов и К, 1875.
 9. Овчинников Ю. Г., Загвоздкин Н. Н., Кузора С. А. Электронный документооборот и иные компьютерные технологии в стадии предварительного расследования: современное состояние, проблемы и перспективы развития // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3 (38). С. 77–84.

© Мороз Р. Н., 2022

Научная статья

УДК 343.13

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД?

Овчинников Ю. Г., профессор кафедры уголовного процесса Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Анализируя Государственную программу Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», в части касаясь органов предварительного следствия, автор приходит к выводу, что вопросам досудебного производства практически не уделено стратегического внимания со стороны органов государства. Изначально обозначенная подпрограмма «Предварительное следствие» «растворились» в иных направлениях деятельности МВД России.

Ключевые слова: Государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», подпрограмма «Предварительное следствие», уголовно-процессуальная политика, досудебное производство, следователь.

Для цитирования: Овчинников Ю. Г. Существует ли концепция развития органов предварительного расследования в современный период? // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 163–168.

Original article

IS THERE A CONCEPT OF THE DEVELOPMENT OF PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES IN THE MODERN PERIOD?

Ovchinnikov Yu. G., Professor of the Department of Criminal Procedure of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor

Analyzing the State Program of the Russian Federation «Ensuring public order and countering crime», with regard to the preliminary investigation bodies, the author comes to the conclusion that the issues of pre-trial proceedings are practically not given strategic attention by the state authorities. The originally designated subprogram «Preliminary Investigation» «dissolved» in other areas of activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: State program «Ensuring public order and countering crime», subprogram «Preliminary investigation», criminal procedure policy, pre-trial proceedings, investigator.

For citation: Ovchinnikov Yu. G. Is there a concept of the development of preliminary investigation bodies in the modern period? Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 163–168. (In Russ.).

На заре двадцатилетия принятия УПК РФ, научное сообщество и практические работники, стали постепенно свыкаться с нестабильностью и противоречивостью современной отечественной уголовно-процессуальной политики. Частые и хаотичные изменения, требуют от законодателя повышенного внимания к системности закона, единообразного его понимания, недопущения внутренних противоречий в механизме правового регулирования. Только при таких условиях, правоприменительный процесс станет функциональней, а новшества закона будут восприниматься с профессиональной благодарностью [3, С. 38].

Несовершенство закона, проявляется в первую очередь в том, что на январь 2022 г. действия Кодекса (по личным подсчетам автора, которые ведутся с момента вступления в силу УПК) было принято 287 федеральных законов, вносящих 1383 изменения и дополнения, это значительно больше, чем за сорок лет действия УПК РСФСР 1960 г.

Проводимые нормативно-новаторские идеи органов уголовной юстиции, носят характер бессистемности и незавершенности. Отдельные дополнения, вносимые в закон, не в состоянии оказать революционного влияния на повышение социальной эффективности деятельности органов расследования. Точечное нормотворчество не только не вносит ясности, а, напротив, обостряет противоречия среди ученых-процессуалистов и правоприменителей по вопросам организационного реформирования следственных органов [6, С. 177, 178].

Взвешенная и продуманная уголовно-процессуальная политика, напротив, позволяет существенно улучшить криминогенную ситуацию в стране и создать благоприятные условия для «оздоровления» обстановки в обществе. Она должна строиться, с опорой на изученные в науке закономерности уголовно-процессуальной деятельности, которые должны быть заложены в основу уголовно-процессуального права, с учетом экономических возможностей, социального положение в обществе, идеологических взглядов и кадрового потенциала страны.

Председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ В. А. Давыдов высказывался о необходимости системного совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства, без принятия новых УК и УПК РФ. Необходимо разработать Концепцию уголовной политики, в которой прописать основные направления развития уголовной юстиции. Современный законодатель не знает, куда ему двигаться, у него нет четко вырабатанного направления совершенствования уголовной политики [5, С. 23].

Попытаемся разобраться, какие же меры принимают органы государства, в современной России, в целях реализации уголовно-правовой, в особенности ее составляющей – политики уголовно-процессуальной.

Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345 была утверждена Государственная программа РФ «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [1] (далее – Государственная программа), первоначально рассчитанная до 2020 г., включающая четыре подпрограммы «Предварительное следствие», «Полиция», «Внутренние войска МВД РФ», «Обеспечение реализации государственной программы» и одну федеральную целевую программу «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годы».

Целью Государственной программы является, повышение качества и результативности противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности, обеспечения общественной безопасности и безопасности дорожного движения, а также повышение доверия к органам внутренних дел Российской Федерации со стороны населения. Из средств федерального бюджета на ее реализацию планировалось выделить беспрецедентную сумму – 7404 835961,5 тыс. руб.

Следует отметить, что в период действия УПК РФ предварительному следствию органов внутренних дел не уделялось концептуального, стратегического внимания со стороны высших органов исполнительной власти РФ. Поэтому принятую подпрограмму «Предварительное следствие» следует расценивать в целом как положительный шаг со стороны органов государства, в рамках реализации уголовно-процессуальной политики. В ней ясно обозначена цель – совершенствование деятельности следователей ОВД РФ по расследованию преступлений. Четко сформулированы задачи – обеспечение защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; повышение качества и уровня объективности предварительного следствия; возмещение потерпевшим причиненного ущерба; защита личности от незаконного ограничения прав и свобод в ходе предварительного следствия. Общий объем ресурсного обеспечения подпрограммы до 2020 г. составлял 223812 959,4 тыс. руб. (223 млрд 812 млн 954 тыс. 400 руб.).

К числу основных мероприятий подпрограммы «Предварительное следствие» выделялись три направления:

- 1) организационно-методическое руководство деятельностью подчиненных органов предварительного следствия;
- 2) осуществление ведомственного процессуального контроля;

3) организация расследования преступлений (Приложение 2 Государственной программы).

По каждому мероприятию подпрограмма предусматривала направления реализации.

По первому направлению: а) совершенствование методического обеспечения расследования преступлений; б) принятие своевременных управленческих и процессуальных решений, связанных с обращениями граждан по уголовным делам; в) повышение эффективности принимаемых управленческих решений; г) использование передового и положительного опыта расследования преступлений.

По второму: а) продление или установление сроков предварительного следствия и согласования или отказа в удовлетворении ходатайств следователей, требующих судебных решений; б) ведение контрольных производств, в том числе на бумажных носителях, по всем уголовным делам, по которым продлевались процессуальные сроки, и взятым на контроль; в) выявление недостатков в уголовных делах и принятием мер по их устранению; г) выявление причин и условий, способствовавших совершению преступлений.

По третьему (по нашему мнению, основному для следователей): а) подготовка представлений об их устранении, привлечение к ответственности должностных лиц, не выполняющих законные требования следователей; б) назначение защитников обвиняемым и подозреваемым в случаях, когда участие защитников обязательно, а они не избраны, не явились или не имеют возможности участвовать в процессе.

Не останавливаясь на детальном анализе данной подпрограммы, отметим, что в ней (в особенности в первом ее издании), просматривались некоторые замечания, о чем автор ранее писал в своих исследованиях. Например, следовало бы прописать мероприятия, направленные на повышения престижа следственной службы, материальное и моральное стимулирование сотрудников; предусмотреть специальный раздел о материально-техническом и научно-техническом обеспечении следственных подразделений ОВД с указанием конкретных мероприятий, сумм финансирования, сроков исполнения, поскольку уровень данного сегмента не отвечал современным требованиям [4, С. 107; 7, С. 97–102; 8, С. 55–66].

Однако, спустя три года, после принятия Государственной программы, высший орган исполнительной власти, своим решением от 31 марта 2017 г. упразднил самостоятельные подпрограммы «Полиция» и «Предварительное следствие», одновременно создав автономную подпрограмму «Реализация полномочий в сфере внутренних дел», в которую и вошло «Предварительное следствие» под названием «Основное мероприятие 1.1 Предварительное следствие».

Через два года Правительство РФ продлило срок реализации Государственной программы до 31 декабря 2024 г. с общим объемом бюджетных ассигнований федерального бюджета 9362 253070,2 тыс. руб. [2].

Замахнувшись на многое, судя по цели и задачам подпрограммы Предварительное следствие (в редакции 2014 г.), разработчик удосужился оценить всю работу органов расследования всего по двум показателям (индикаторам): 1) удельный вес уголовных дел, возвращенных для дополнительного расследования, в числе уголовных дел, направленных прокурору с обвинительным заключением; 2) число лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности (в относительном выражении на 1 тыс. обвиняемых). Бесспорно, направления важны, но почему только по ним велась оценка работы следователей ОВД по всей стране. Зачастую прокуроры на местах направляют уголовные дела на дополнительное расследование по формальным основаниям, чтобы поднять свой уровень «законности» до необходимого процента, обозначенного вышестоящим прокурорским звеном.

С 2018 г. органы следствия уже «оценивались» по новым показателям (которые, судя по ежегодным отчетам, не достигали прогнозных значений): 1) численность оправданных лиц и лиц, дела в отношении которых прекращены судом за отсутствием события, состава преступления, а также в связи с непричастностью к совершению преступления (на 1 тыс. обвиняемых лиц по направленным в суд делам, находившимся в производстве следователей); 2) доля возмещенного ущерба от фактически причиненного ущерба по уголовным делам, оконченным следователями.

Таким образом, мы, не умоляет значение Основного мероприятия (бывшей подпрограммы) «Предварительное следствие». Уже то, что высший орган исполнительной власти обратил внимание и продемонстрировал попытку «как мог» улучшить на концептуальном уровне деятельность органов предварительного следствия до 2024 г., само по себе является положительным шагом со стороны органов государства, в рамках реализации уголовно-процессуальной политики.

Вместе с тем, следует признать, что сегодняшняя реализуемая концепция, в части органов предварительного расследования, далеко не совершенна. Анализ Государственной программы (которая очень часто корректируется) и ежегодных годовых отчетов о ходе реализации и оценке эффективности таковой, позволяет прийти к выводу, что изначально обозначенные в подпрограмме «Предварительное следствие» (2014 г.) цели, задачи, направления деятельности, их реализация «растворились» в иных направлениях деятельности МВД. Вопросам досудебного производства уделено незначительное, точечное внимание, и то посвященное деятельности органов следствия за отчетный период. В настоящее время из документов не понятно, есть ли стратегия у органов власти, к чему стремиться следствию? Может вся «стратегия» заключается в достижении цели в виде двух показателей (индикаторов).

Полагаем, что современная концепция (если можно ее таковой назвать) нуждается в глубокой корректировке, в части расширения «назревших» в правоприменительной среде проблем, а также актуальных и продуманных, направлений реализации. Только тогда идея достигнет поставленной цели, будут решены поставленные задачи и достигнуты ожидаемые результаты.

Список источников и литературы

1. Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18 (часть IV). Ст. 2188.
2. Паспорт государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: постановление Правительства Российской Федерации от 28 марта 2019 г. № 337–18 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности”». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Деришев Ю. В., Земляничин Е. И. Запрет определенных действий – новая старая мера пресечения // Законность. 2019. № 6.
4. Загвоздкин Н. Н. Подпрограмма «предварительное следствие» как ближайшая перспектива развития следственного аппарата органов внутренних дел // Закон и право. 2014. № 11.
5. Интервью В. А. Давыдова журналу «Уголовный процесс». «Очевидно, что каждое уголовное дело в интересах правосудия должно быть расследовано всесторонне, полно и объективно» // Уголовный процесс. 2016. № 7.
6. Ипакян А. П., Арутюнян Д. А. Совершенствование системы органов предварительного следствия России // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования следственного аппарата в России): Сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф.: В 3-х ч. М.: Академия управления МВД России, 2010. Ч. 1.
7. Овчинников Ю. Г. Уголовно-процессуальная политика России на современном этапе: сущность и ее реализация в досудебном производстве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 5.
8. Овчинников Ю. Г. Подпрограмма «Предварительное следствие»: формальный подход со стороны высших органов исполнительной власти Российской Федерации // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: Сб. матер. всерос. науч.-практ. конф. Омск: Омск: Омский юрид. ин-т, 2015.

© Овчинников Ю. Г., 2022

Научная статья

УДК 340.15

ОСОБЕННОСТЬ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ: ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ

Цуканов С. С., доцент кафедры теории и истории права и государства Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат исторических наук.

В статье рассматриваются теоретические подходы к пониманию принципа законности. Автор изучает теоретические подходы отечественных ученых к пониманию принципа законности и на примере гражданского процессуального права России рассматривает особенности применения принципа законности в современности.

Ключевые слова: теория права, принцип законности, гражданский процесс, современная правовая система.

Для цитирования: Цуканов С. С. Особенность судебной системы России: принцип законности // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 169–173.

Original article

PECULIARITIES OF THE RUSSIAN JUDICIAL SYSTEM: THE PRINCIPLE OF LEGALITY

Tsukanov S. S., Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of History.

The article discusses theoretical approaches to understanding the principle of legality. The author studies the theoretical approaches of domestic scientists to understanding the principle of legality and, using the example of civil procedural law in Russia, examines the features of the application of the principle of legality in modern times.

Keywords: theory of law, principle of legality, civil process, modern legal system.

For citation: Tsukanov S. S. Peculiarities of the russian judicial system: the principle of legality. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 169–173. (In Russ.).

До вступления в силу поправок [2], принятых всенародным голосованием в июле 2020 г. в Конституции РФ было обозначено, что «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации», в нынешней редакции данной статьи была добавлена часть: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации», что напрямую влияет на практическое соблюдение и исполнение принципа законности в рамках судебной системы Российской Федерации [1, ст. 79; 6]. Теперь Российская Федерация может не исполнять исходящими из договоров с межгосударственными организациями в случаях, когда это прямо противоречит верховенствующему закону – Конституции РФ.

Постоянное усовершенствование законодательства также является важным условием принципа законности, об этом утверждает в своих работах В. И. Ремнев, указывая, что законность охватывает не только исполнение и соблюдение законодательства, при этом совершенствование должно происходить в соответствии с назревшими потребностями общества. А. Т. Боннер выделяет «Необходимый уровень культуры в судебной деятельности», как один из важных аспектов в осуществлении принципа законности [5, с. 35]. Во времена принятия Гражданского процессуального кодекса РСФСР [3], существовал взгляд на процессуальный закон, как на технические нормы. Многие советские ученые в своих трудах указывали на необязательность массы процессуальных норм [4, с. 156]. Арбитражные суды Российской Федерации свели такой подход к минимуму еще около 20 лет назад, но данную проблему в неполной мере можно отследить и сейчас.

В наше время большая часть юристов склоняются к тому, что законность обладает сложным не однозначным наполнением, множество исследователей также поддерживают многоплановый и сложный подход к исследованию законности. По мнению В. С. Афанасьева и Н. Л. Гранат законность является собой принцип, а также метод и режим реализации норм права, которые содержатся в законных и подзаконных актах, всеми участниками общественных отношений. Н. В. Витрук формулирует другое определение, по его мнению законность означает идею, требование и систему (режим) реального выражения права в законах государства в самом законотворчестве, в подзаконном нормотворчестве. Таким образом, можно выделить то, что принцип законности в применении к судопроизводственной деятельности арбитражных судов означает рассмотрение

всех споров со строжайшим соблюдением арбитражных процессуальных норм и разрешении споров и ряда других вопросов, попадающих в поле их компетенции, в полном соответствии с законом или подзаконными актами. Подробнее принцип законности в гражданском и арбитражном процессе можно разобрать на признаки, которые определяют его содержание. Ряд таких признаков дает Д. А. Фурсов в своем труде «Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права». Можно выделить:

1. Соответствие законов, на основании которых подлежат рассмотрению и разрешению заявленные требования, Конституции Российской Федерации;

2. Правильная оценка собранных в установленном законом порядке доказательств по делу;

3. Установление фактических обстоятельств дела, исходя из закрепленного процессуальным законом соотношения активности суда и состязательности сторон, моментов истины – объективной и формальной;

4. Точное установление смысла подлежащих применению норм материального и процессуального права;

5. Применение норм материального права, направленных на восстановление нарушенных субъективных прав и охраняемых законом интересов, с учетом фактических обстоятельств дела [4, с. 158].

Необходимо так же заострить внимание на том, что одним из важных условий осуществления принципа законности Российского правосудия является единообразное применение законодательства в рамках процессов по экономическим спорам, при этом не стоит забывать, что единообразие применения правовых норм имеет большое значение для в экономических отношениях в целом.

Выделяя главную тенденцию содержания разных, отличающихся от друг друга, но почти всех сформулированных в научной литературе определений законности, можно прийти к одному, к требованию обязательного и неукоснительного претворения в жизнь законов. Законность требует от субъекта общественных отношений полного соответствия нормативно правовым предписаниям.

Частое употребление терминов «принцип законности» и «законность» как синонимов не вызывает серьезных возражений, однако А. Т. Боннер заключал, что принцип или идея законности выступает в качестве одного из компонентов более широкого понятия законности. Таким образом «Законность» более широкое понятие, нежели «принцип законности» по мнению ученого [5, с. 38].

При этом следует отличать общее понятие законности и понятие процессуального принципа законности, имеющего в судопроизводстве свои самостоятельные правовые гарантии и, в соответствии с этим, рассматриваемый как принцип отрасли права.

Важно понимать, что требование подчинения закону, составляющее содержание законности, не предполагает, что лишь только одно издание закона сможет полностью обеспечить исполнение требование. Важно не столько создание закона, всесторонне учитывающего потребности развивающихся

общественных отношений, сколько обеспечение исполнения этого закона всеми, кто обязан его исполнять. Принципом права обычно называют фундаментальную, основополагающую идею, которая затрагивает абсолютно все процессуальные нормы и институты, а также определяющую построение процесса, обеспечивающего вынесение законных и обоснованных решений.

С. Н. Братусь впервые сформулировал понятие правового принципа, представив принцип ведущим началом и законом общества. В свою очередь Л. С. Явич относил принципы к идеологической категории и «представляют собой исходные отправные теоретические положения того или иного вида человеческой деятельности, служат важным организующим и направляющим началом, обеспечивающим достижение определенных целей». О. А. Красавчиков, определил принципы в виде руководящего начала, руководящей идеи, которая выражает сущность всей правовой системы. Все эти точки зрения не дают исчерпывающего обзора на сущность правовых принципов и, лишь в совокупность, позволяют расширить понимание об этом понятии, раскрывают их определяющий для развития права характер и регулятивное отношение.

Принципы права, закреплены в Конституции РФ. Также положения о принципах права установлены в федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации». Теория права интересна тем, что классификация принципов права происходит в зависимости от их объекта регулирования, исходя из этого признака разделения можно разграничить их на организационные и функциональные принципы, но принцип законности занимает среди них особое место. Законность можно описать как состояние общественной жизни, при котором законодательство не противоречиво и качественно выполняет все необходимые функции, а также все законодательные нормы исполняются всеми обязанными лицами, организациями и органами власти. Конституционно установленный принцип законности закрепляет обязательность применения норм материального права. Как уже было отмечено выше данный принцип является общеправовым, межотраслевым и отраслевым, в зависимости от того, рассматривается ли он в рамках отрасли права или правового института.

Процессуальный аспект принципа законности являются собой требования, обеспечивающие суду правомерность всего разбирательства споров, вынесения правильных решений, возможность их надлежащего исполнения. Действия процессуального характера должны совершаться только в правовой форме, это отличает их от иного правомерного поведения, устанавливая обязательное соответствие нормам материального и процессуального права для судебных актов и актов органов исполнительной власти, а также их процессуальных действий. В административном производстве суд или иной орган исполнительной власти должен разрешать правовые споры в точном соответствии с нормами материально-правового законодательства, при этом содействовать укреплению законности и предупреждению правонарушений, тем самым являя материально-правовой аспект законности. Под процессуальным аспектом же понимается уже упомянутое строгое следование судебных органов и органов

исполнительной власти порядку разрешения правовых споров, и исполнение вынесенных ими правовых актов. Соблюдение правил процесса относятся и к сторонам и остальным участникам. Эти аспекты одновременно независимы друг от друга и неразрывно связаны тем, что нарушение или не соблюдение процессуальных норм ведет к неправильной квалификации спорных правоотношений, а также порождает при применении правовых норм.

Подытожив, можно заключить, что правовые принципы – это фундамент правосудия Российской Федерации, изначальные и главенствующие нормы. Реализацию принципа законности обеспечивают остальные принципы права, как уже было указано выше, и санкции за нарушение принципа законности, таким образом он выражается в самостоятельной норме и в совокупности норм.

Принцип законности обязывает суды соблюдать иерархию законов, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, Федеральными конституционными законами, а также иными законами и нормативно-правовыми актами, в случаях, когда имеет место правовая коллизия. Судебная деятельность предполагает применение норм материального права в судебном процессе. Суду необходимо отталкиваться от принципа законности для верной квалификации деяния или правильного разрешения спора о праве. основополагающий характер принципа законности заключен в том, что при осуществлении правосудия руководствоваться необходимо лишь законом, не отходя от установленной формы судопроизводства. Только так суд может вынести полностью обоснованное, объективное и законное решение, установить правосудие и выполнить свою функцию.

Список источников и литературы

1. Конституция Российской Федерации. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.
3. О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 10.07.1923 (ред. от 31.01.1958).
4. Виноградов А.М. К вопросу о кадровом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел России по борьбе с экономической преступностью // Гуманитарные чтения: сб. статей. Владивосток, 2021. С. 150–158.
5. Волков К. А. Уголовная политика и принципы права // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 35–43.
6. Котляров С.Б., Кукушкина Е. А. Теоретические основы понимания конституционного государства // VII Юридические чтения: Материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. Саранск: Типография «Рузаевский печатник», 2021. С. 187–192.

Раздел 4. Традиции и инновации в современной науке и образовании: теория и практика

Научная статья

УДК 343.13; 378.1

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СЛЕДОВАТЕЛЕЙ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Загвоздкин Н. Н., начальник кафедры уголовного процесса Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируются сложившиеся в современной России модели профессиональной подготовки следователей в общеобразовательных организациях высшего образования и в вузах МВД России и Следственного комитета. Автор обосновывает вывод о том, что ведомственные схемы непрерывного образования следователей наиболее целесообразны и эффективны.

Ключевые слова: бакалавриат, высшее юридическое образование, органы внутренних дел, профессиональная подготовка, следователь, специалитет, Следственный комитет.

Для цитирования: Загвоздкин Н. Н. Профессиональная подготовка следователей: поиск оптимальной модели // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 174–178.

Original article

PROFESSIONAL TRAINING OF INVESTIGATORS: FINDING THE OPTIMAL MODEL

Zagvozdkin N. N., Head of the Department of Criminal proceedings of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, candidate of law, docent

The article analyzes the models of professional training of investigators that have developed in modern Russia in general education institutions of higher education and in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Investigative Committee. The author substantiates the conclusion that departmental schemes of continuous education of investigators are the most appropriate and effective.

Keywords: bachelor's degree, higher legal education, internal affairs bodies, professional training, investigator, specialty, Investigative Committee.

For citation: Zagvozdkin N. N. Professional training of investigators: finding the optimal model. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 174–178. (In Russ.).

Криминальная ситуация в современной России осложнена нелицеприятной картиной тяжких и особо тяжких преступлений, широким использованием в преступных целях новейших информационных технологий, коррупционным сращиваем всех ветвей и уровней органов государственной власти с представителями бизнес-сообщества и уголовниками. Перечисленные факторы априори предполагают повышенные требования к профессиональной подготовке сотрудников правоохранительных органов, включая следователей.

Проректор Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (далее по тексту – СК) Российской Федерации Ю. П. Боруленков полагает, что сложность следственной работы состоит в необходимости оперативно решать многочисленные задачи в условиях информационной неопределенности, жесткого дефицита времени, риска принятия быстрых процессуальных решений. Он подробно перечисляет специальные компетентности, которыми должен обладать современный следователь: 1) когнитивная (познавательная); 2) инструментальная (действия, приемы, технологии и методики); 3) информационная (умение самостоятельно искать, анализировать и обрабатывать информацию); 4) индивидуально-личностная (умение действовать в системе «человек – социум»); 5) коммуникативная (устное и письменное общение, взаимодействие с окружающими); 6) экстремальная (способность действовать в чрезвычайных ситуациях); 7) конфликтная (способность разрешать

конфликты); 8) внутренняя потребность в саморазвитии; 9) профессиональное мастерство [1, 2].

Только перечисление вышеуказанных компетентностей свидетельствует о том, что следователями должны становиться лучшие из лучших, что профессиональная траектория должна начинаться со школьной скамьи, а само обучение и воспитание должны быть непрерывными.

Автор этих строк в силу десятилетнего опыта следственной работы в органах внутренних дел (далее по тексту – ОВД), многолетней вовлеченности в процесс профессиональной подготовки следователей в ведомственном вузе системы МВД России уже неоднократно излагал свою точку зрения на обозначенную тему в рамках различных публикаций [3, 4]. Однако тема обладает свойствами актуальности и неисчерпаемости, обречена быть в центре внимания юридического сообщества.

На мой взгляд, задачи обучения и воспитания следователя в рамках программы бакалавриата (первый уровень высшего, в том числе юридического образования) в вузах Министерства науки и высшего образования РФ представляются заведомо обреченными на провал. Главные проблемы заложены в отсутствии целевого отбора абитуриентов, в четырехлетнем сроке обучения, в сокращенном объеме изучаемых базовых дисциплин (уголовное право, уголовный процесс, криминалистика), в отсутствии нормальных учебной и преддипломной практик, в принципиальном отсутствии специализации и профилизации.

Выпускник с дипломом бакалавра изначально не готов к расследованию преступлений, нуждается в испытательном сроке и аттестации, о чем прекрасно знают кадровики следственных органов. Ситуацию приходится исправлять профессиональной (ранее называемой первоначальной) подготовкой, в которую вовлечены учебные центры и вузы МВД России, филиалы Института повышения квалификации СК. В ОВД это означает четырехмесячный отрыв обучающихся от расследования уголовных дел, повышенную нагрузку на коллег и др. негативные последствия.

В силу указанных и иных причин ведомственная модель профессионального отбора, обучения, воспитания, повышения квалификации и переподготовки следователей, имеющая многолетнюю историю советского и постсоветского периодов, сложившаяся в вузах ФСБ, МВД и СК (ранее – в органах прокуратуры), обладает неоспоримыми преимуществами.

Изучение и отбор кандидатов начинаются со школьной скамьи. Обучение и воспитание будущего следователя в ведомственном вузе базируются на многолетних традициях, прочной учебной, учебно-методической и материальной базе. Следует отметить как существенный недостаток, что большинство университетов, академий и институтов МВД России сосредоточены в западной и центральной частях страны, а также в Сибири. На весь Дальневосточный федеральный округ приходится один Дальневосточный юридический институт в Хабаровске, с филиалом во Владивостоке.

Содержание основных образовательных профессиональных программ высшего образования в вузах МВД России по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (уровень специалитета, специализация № 1 «Уголовно-правовая»), учебных планов выгодно отличается от бакалавриата. Последовательность и объем изучаемых дисциплин специализации (среди которых «Предварительное следствие в ОВД», «Учение» и отдельные курсы по расследованию семи видов преступлений), две практики (учебная и производственная) позволяют сформировать желаемые компетенции. Выпускник ведомственного вуза полностью готов к службе в должности следователя ОВД.

Существенный изъян современной производственной (преддипломной) практики состоит в том, что слушатель пятого курса не назначается на должность временно исполняющего обязанности следователя и не наделяется правом самостоятельного расследования преступлений. Возможность в полной мере проникнуться профессией – с момента возбуждения уголовного дела и вплоть до направления его в суд – была до принятия федеральных законов, ознаменовавших полицейскую реформу в 2011–2012 гг. К сожалению, действующая схема организации преддипломной практики не представляется полноценной и уступает прежней.

В системе вузов СК России функционируют две академии (в Москве и Санкт-Петербурге), Институт повышения квалификации с филиалами в столицах федеральных округов, а также в рамках довузовского образования – четыре кадетских корпуса (в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Севастополе), Пансионат воспитанниц в Санкт-Петербурге. Под патронатом СК находятся 96 кадетских классов в 40 регионах России. Здесь также провозглашена и реализуется модель непрерывного ведомственного образования «кадетский корпус – академия – следственный орган» [5].

Отдельного обсуждения заслуживает система повышения квалификации и переподготовки, в которой, на мой взгляд, гипертрофированное значение придается дистанционному обучению.

Негативные последствия ведомственной разобщенности отечественного следственного сообщества обычно раскрываются через существенные различия в социальном статусе следователей (сотрудники правоохранительных органов и военнослужащие), в предметной и персональной подследственности, в нагрузке (количество уголовных дел, находящихся в производстве), в денежном довольствии, в ином ресурсном обеспечении (кабинеты, транспортные средства, криминалистическая и оргтехника, информационные технологии, нормы положенности и др.). Очевидно, что в образовательных организациях СК, МВД и ФСБ России есть различия в организации и содержании процессов обучения и воспитания. Хотя интересы дела требуют разработки единых подходов к профессиональной подготовке следователей.

Обозначу по пунктам некоторые краткие выводы.

1. Оптимальной моделью профессиональной подготовки следователя является ведомственная схема непрерывного образования «школа – инсти-

тут – территориальный орган», характерная для вузов ФСБ, МВД и СК России, в основе которой лежит уровень специалитета.

2. Возможности ее совершенствования заложены в назначении слушателя выпускного курса на должность временно исполняющего обязанности следователя в период производственной (преддипломной) практики.

3. Ведомственная разобщенность отечественных следственных органов препятствует формированию единообразных подходов к профессиональному обучению следователей.

Список источников и литературы

1. Боруленков Ю. П. Профессия «следователь». Статья 1. Личность следователя // Уголовное судопроизводство. 2016. № 4. С. 26–31.
2. Боруленков Ю. П. Профессия «следователь». Статья 2. Компетентность // Уголовное судопроизводство. 2017. № 1. С. 32–36.
3. Загвоздкин Н. Н. Формирование профессионально значимых качеств следователя в современном образовательном процессе // Гуманитарные чтения: сборник статей. Выпуск 2 / редкол.: А. В. Милежик (отв. ред.), Н. А. Шабельникова, А. В. Усов, З. В. Якимова. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. С. 295–299.
4. Овчинников Ю. Г., Загвоздкин Н. Н. Проблемы кадрового обеспечения следственного аппарата органов внутренних дел Российской Федерации // Российская юстиция. 2020. № 7. С. 39–41.
5. Следователей нужно воспитывать со школьной скамьи [Электронный ресурс] http://rapsinews.ru/incident_publication/20210724/307239792.html (дата обращения 25.11.2021).

© Загвоздкин Н. Н., 2022

Научная статья

УДК 113/119

ОСНОВАНИЯ ЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА «ГЛУБИННОЙ ЭКОЛОГИИ» И ПОСТГУМАНИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Захаров К. П., доцент кафедры философии и юридической психологии ВГУЭС, кандидат философских наук, доцент

Выявлена тенденция иррационализации и мифологизации современного экологического сознания в рамках идейного течения «глубинной экологии». Рассмотрены характерные особенности этического дискурса, развиваемого представителями «глубинной экологии». Показана специфика постгуманистической рефлексии в науке о живой природе, связанной с ослаблением антропоцентризма. Обращено внимание на сходство и отличие этических ориентаций «глубинной экологии» и научного рационализма постгуманистической парадигмы постнеклассической науки.

Ключевые слова: экологическое сознание, «глубинная экология», коэволюция природы и общества, трансперсональный опыт, трансперсональная психология, биоцентризм, новый рационализм, постгуманизм, биоцентризм, антропоцентризм.

Для цитирования: Захаров К. П. Основания этического дискурса «глубинной экологии» и постгуманизма в контексте постнеклассической науки // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 179–188.

Original article

THE FOUNDATIONS OF THE ETHICAL DISCOURSE OF "DEEP ECOLOGY" AND POSTHUMANISM IN THE CONTEXT OF POSTNONCLASSICAL SCIENCE

Zakharov K. P., Associate Professor of the Department of Philosophy and Legal Psychology of VSUES, Candidate of Philosophy, Associate Professor

The tendency of irrationalization and mythologization of modern ecological consciousness within the ideological current of "deep ecology" is revealed. The

characteristic features of the ethical discourse developed by representatives of the "deep ecology" are considered. The specificity of posthumanistic reflection in the science of wildlife associated with the weakening of anthropocentrism is shown. Attention is drawn to the similarity and difference between the ethical orientations of "deep ecology" and the scientific rationalism of the posthumanistic paradigm of post-nonclassical science.

Keywords: ecological consciousness, "deep ecology", coevolution of nature and society, transpersonal experience, transpersonal psychology, biocentrism, new rationalism, posthumanism, biocentrism, anthropocentrism.

For citation: Zakharov K. P. The foundations of the ethical discourse of "deep ecology" and posthumanism in the context of postnonclassical science. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 179–188. (In Russ.).

Научно-рационалистический подход к исследованию коэволюции природы и общества в настоящее время является доминирующим в мире. Вместе с тем, его респектабельность и перспективность пытаются оспаривать сторонники одного из направлений современной экологической философии – «глубинной экологии», позиционирующей себя в качестве альтернативного пути осмысления вопросов коэволюции природы и общества и важного фактора формирования экологической этики.

Философские основы этого учения начали создаваться ещё в 1970-х годах норвежским исследователем А. Нейсом, получив своё дальнейшее развитие в работах У. Фокса, Е. Уилсона. Представители следующего поколения этого идейного направления стремятся расширить и углубить концептуальные основы данного учения, вывести из него определённые политические следствия. Эта доктрина сейчас позиционируется в качестве многообещающей альтернативы привычных мировоззренческих установок, нацеливающих на усиление могущества человека в биосферном единстве. Весьма заметным становится критический настрой в отношении доминирующих мировоззренческих ориентаций общества массового потребления. Западные исследователи Б. Деволл и Дж. Сешенс идентифицируют философию «глобальной экологии» в качестве одного из направлений экологического постмодерна. Выход за пределы модернистского мировоззрения здесь связывают с преодолением рационализма и антропоцентризма в контексте задачи решения экологических проблем.

В качестве основополагающих принципов этого мировоззренческого направления можно выделить принципы психической самореализации и биоцентрического равенства [2]. Новая концепция «глубинности» ориентирует на формирование у каждого человека природосберегающего мировоззрения как доминирующей установки. Условием подобного восприятия реальности становится максимальное освоение специфического процесса «самореализации», необходимого для становления новых мировоззренческих ориентаций. Как полагают глубинные экологи, ожидаемые изменения возможны только в про-

цессе преодоления эгоцентризма, в рамках культивирования т. н. «глубинной интуиции». Нужно стремиться к кардинальному изменению персональной идентификации с целью формирования экологической чувствительности даже на бессознательном уровне. Нужно научиться идентифицировать себя не только с любым человеком, но прежде всего со всеми живыми организмами всего естественного природного окружения. При этом потребность в защите природного мира рассматривается как защита самого себя. Ожидается, что формирование норм экологической культуры и экологической этики будет способствовать кардинальному изменению человека на путях актуализации и проявления глубинных структур сознания, обретения мистического единства со всем живым целым. Считается, что формирование способности к иррациональному обретению чувства сопричастности всему миру, необходимого для утверждения новых ценностных и поведенческих установок, кардинально изменит самого человека [2].

Другим принципиальным положением «глубинной экологии» является убежденность в том, что равное право на полноценное существование и процветание имеют все живые существа биосферы и все природные виды, а не только человек. Каждый растительный или животный организм имеет свою собственную ценность, обусловленную самим фактом их вхождения в природное целое и никак не определяется установкой на приоритетный характер удовлетворения сугубо человеческих потребностей. При этом сам человек, по мнению сторонников «глубинной экологии» не обладает никакими преимуществами по сравнению с другими видами животных и растений. Как считают глубинные экологи, человек вообще не имеет никакого права уменьшать биологическое разнообразие в природе.

Вместе с тем представители данного течения вполне осознавали все трудности решения подобной задачи. Основоположник этого мировоззренческого направления А. Нейс был настроен весьма пессимистически по отношению в XXI веке, ожидая заметных результатов трансформации сознания людей только лишь в XXII веке [9]. Вместе с тем, подходы, популяризируемые представителями «глубинной экологии», на протяжении десятилетий, постоянно вызывают несомненный интерес и имеют заметный общественный резонанс. Нужно обратить внимание на то, что данная доктрина имеет и значительный нравственный потенциал, расширяя и углубляя привычный дискурс экологической этики.

Современные популяризаторы этой концепции Б. Деволл и Дж. Сешнс полагают, что антропоцентрическое мировоззрение, господствующее ныне на западе, во-многом обусловлено неосведомленностью человека о всех деталях целостной картины функционирования живой природы и нежеланием ограничения своего эгоцентризма. Чтобы предотвратить глобальную экологическую катастрофу, угрожающую самой жизни на Земле, необходимы весьма радикальные преобразования в сфере отношений человека с природой. По мнению этих исследователей, нужно отказаться от привычных для запада жизненных стандартов потребления, кардинально изменить качество жизни.

Необходимо стимулировать усилия, направленные на заметное сокращение численности населения планеты. При этом крайне желательным шагом стало бы проведение децентрализация государственного управления. Идеал решительного действия антиреформистской направленности видится в т. н. «экологическом сопротивлении» технократическим кругам общества, к которому должны быть готовы глубинные экологи. Не является удивительным, что в качестве своего политического идеала последователи «глубинной экологии» предлагают анархистский образец осуществления власти, обращая внимание на важность совершенствования экологических и природоохранных аспектов региональной политики [2]. При этом следует обратить внимание на явно утопический характер социально-политической доктрины представителей этой экофилософии.

Одновременно с А. Нейсом на важность экологически ориентированного пути развития человечества указывал и бывший президент Римского клуба А. Печчеи. Этот мыслитель предложил доктрину «нового гуманизма», призванную радикально обновить принципы и нормы межчеловеческих отношений, способствовать формированию новых ценностей, соответствующих духу нашего времени. Необходимым условием осуществления подобного кардинального сдвига в современной культуре становится революция человеческих качеств. Вместе с тем, А. Печчеи не был сторонником трансформации сознания с помощью мистических практик, полагая, что условием формирования новых человеческих качеств станет более глубокое и ясное осознание ответственности человека в современном мире [7, с. 210–211]. Очевидно, что доктрины «нового гуманизма» и «глубинной экологии» заметно отличаются друг от друга, хотя обе нацелены на кардинальное преобразование цивилизации и сферы отношений с природой.

Отечественный исследователь В. Е. Ермолаева в конце XX века возлагала большие надежды на широкие перспективы этой новой экологической философии. «Я думаю, что именно глубинная экология способна дать адекватный ответ на вызов технологической цивилизации и первых шагов человека в космическом пространстве» [3, с. 118]. Однако, как сейчас стало ясно, несмотря на позиционирование представителями «глубинной экологии» себя как весьма перспективной и универсальной экологической философии, не следует переоценивать её возможности как современной формы иррационализма и мистицизма. Это течение становится своеобразным проявлением современного псевдонаучного мистицизма, стремящегося одновременно поддерживать диалог и с наукой.

Не останавливаясь на вопросе о том, в какой степени основополагающие принципы «глубинной экологии» могут стать значимым фактором развития современной науки, обратим внимание только на ряд моментов. Идея самореализации нацеливает каждого человека эффективно осваивать практики «расширения» сознания, прибегая к трансперсональному опыту обретения целостного восприятия. Главной целью здесь становится достижение более полной идентификации себя с некими «другими» сущностями, причём

не только с людьми (например, с животными, растениями, даже с целыми экосистемами). [2]. Возможность реализации этой установки определяется спецификой понимания сознания в духе космизма. Таким образом, в основе мировоззрения «глубинной экологии» лежат основополагающие идеи популярной ныне трансперсональной психологии, являющейся альтернативным направлением развития современной психологии.

Между тем, декларируемая глубинными экологами приверженность методологии трансперсонализма не означает, что последователи этого направления действительно вносят весомый вклад в развитие мировой психологии как науки. У них нет основательных теоретических разработок в сфере психологической теории, а творческая поисковая активность не подчиняется собственно научному целеполаганию, и, скорее всего, нейтральна по отношению к современной постнеклассической науке. Другое дело, что сама постнеклассическая психология оказалась не в состоянии жёстко оградить себя от стремления к иррациональным поискам, далёким от науки. Современный отечественный исследователь А. А. Федоров считает, что современная постнеклассическая психология не смогла противостоять псевдонаучным тенденциям, а одним из проявлений подобных тенденций является возросший интерес к трансперсональной теории [11, с. 93–103]. Стало быть, последнюю вряд ли стоит рассматривать в качестве подлинно научной теории. В лучшем случае эта теоретизированная доктрина имеет статус умозрительной философской концепции. Хотя представители «глубинной экологии» продемонстрировали свою заинтересованность в разработке основ экологической этики опираясь на ресурсы именно трансперсональной психологии, однако этот путь не предполагает стремления к целенаправленному соответствию научным стандартам.

Сторонники мировоззрения «глубинной экологии» критикуют современную экологическую науку, упрекая её в антропоцентризме. Рациональная наука, якобы, делает акцент прежде всего на интересах человека, но не на условиях благоприятного существования живых нечеловеческих видов. Вместе с тем, нужно признать, что в рамках данной экофилософской доктрины получают развитие некоторые мировоззренческие принципы, очень близкие метатеоретическим положениям науки. Вместе с тем, современный системно-исторический подход к изучению биосферы, получивший своё плодотворное развитие на основе включения идей самоорганизации, первоначально был реализован именно в науке. Можно констатировать известное сходство выводов науки с выводами этого течения экологической философии, однако этот факт не означает, что именно идеи «глубинной экологии» решающим образом повлияли на развитие экологической науки.

В современной науке позиция биоцентризма, которой придерживаются представители «глубинной экологии» подвергается серьёзной критике. Так, в конце XX века видный российский учёный и мыслитель Н. Н. Моисеев, отстаивая методологические принципы современной постнеклассической науки, показал несостоятельность т. н. «зелёных» концепций понимания места человека в мире. В соответствии с установками радикальных экологов

все земные популяции живых существ, а не только человек, должны иметь равное право на благоприятное существование. По мнению Н. Н. Моисеева, подобное представление о коэволюции природы и общества является неадекватным реальности, поскольку противоречит объективным законам эволюции природы, в рамках которой осуществляется непрерывный отбор. Опираясь на синергетическую методологию, учёный показывает, что представление о видовой изотропии представляется явно утопичным. В отличие от других видов животных и растений у человека нет ограниченной и стабильной экологической ниши, поэтому он вынужден преобразовывать природу, регулируя многообразие живого мира [6, с. 200–201]. Вместе с тем, остаётся открытым вопрос о возможных последствиях наложения принципов отбора, привносимых деятельностью человечества, на закономерности стихийного развития биосферы. Обратим внимание, что позиция Н. Н. Моисеева в рассматриваемом вопросе представляется более реалистичной, нежели позиция В. Е. Ермолаевой, идеализировавшей идеи представителей «глубинной экологии». Н. Н. Моисеев приложил немалые усилия для разработки основ т. н. «нового рационализма», обратив внимание на необходимость разработки основ экологической этики на основе результатов научного исследования природы.

Известный отечественный исследователь В. В. Ильин указывает на то, что для современной стадии развития науки важными становятся не только знания о бытии, но и знания перспектив творения и проектирования новой реальности человеком. Здесь возрастает роль ценностей, которые должны соответствовать научным знаниям, находиться с ними в единстве. По мнению В. В. Ильина, для современной науки является актуальной разработка новой идеологии рациональности, которую он называет гуманитарным антропоморфизмом [4, с. 276–278]. Вместе с тем, этот учёный не разъясняет, что именно представляет собой такой антропоморфизм, каковы его основные контуры. По всей видимости, гуманитарный антропоморфизм должен найти своё яркое проявление в рамках реализации мировоззренческого содержания и методологической роли основополагающих принципов метатеоретического уровня научного исследования, предполагая при этом более тесную взаимосвязь естествознания и гуманитарного познания. Содержание подобного антропоморфизма может быть более наглядно прояснено в контексте углубления этической направленности научного исследования, например, в рамках усиления взаимодействия наук о живой природе и определённых принципов экологической и прикладной этики.

В настоящее время в центре внимания всё чаще оказывается другой исследовательский проект – проект постгуманизма, всё более проникающий в область научного познания. Постгуманизм, выступивший поначалу в качестве одной из тенденций развития философии культуры, постепенно обретает черты научно-методологической рефлексии, ориентирующей на поиски новых способов описания сосуществования и единства человеческой и нечеловеческой форм жизни. Этот процесс наглядно проявляется в исследовании живой природы, где возрастает привлекательность т. н. «неантропоцентрического

подхода». Успехи в области наук о живой природе создают необходимые условия для пересмотра самого понимания иерархических отношений между животными и человеком. Именно животное, взятое само по себе, в своём естественном природном окружении, всё чаще становится главным объектом научного интереса безотносительно к тому, чтобы использовать полученные знания лишь для подкрепления особого статуса человека в природе и подтверждения его исключительной роли.

В рамках западной философско-этической и научной мысли всё больше развиваются идея о важности преодоления видового превосходства, основанного на признании исключительной роли человека в мире. Всё чаще подчёркивается необходимость уважения собственных интересов животных, указывается на важность проявления сочувствия к их страданиям, обращается внимание на необходимость наделения особым моральным статусом некоторых высших животных (слонов, дельфинов, человекообразных обезьян и т. д.). Новым трендом становится призыв относиться к высшим животным как к личностям, а не как просто как к вещам. Выражается уверенность, что животные тоже должны обладать субъективными правами. «Мы требуем признать право на жизнь, свободу и защиту от пыток за гориллами, шимпанзе и орангутанами» [8, с. 34]. Позиция прямолинейного антропоцентризма всё больше подвергается критике.

Конечно, вряд ли возможен окончательный отказ от антропоцентризма в науках о живом. Вместе с тем, сам принцип антропоцентризма подлежит более внимательному осмыслению. Данные современной этологии указывают на то, что пропасть, отделяющая человека от животных, кажется всё менее глубокой. По мнению известного этолога Ф. де Ваала, недооценка развитости у животных тех качеств, которые характерны именно для людей, достаточно обычна в науке. Между тем, по мнению этого учёного, «существенные детали, такие как военные союзы (политика), распространение привычек (культура), а также сочувствие и преданность (мораль) можно обнаружить вне нашего вида» [1, с. 133]. Подобное положение дел должно менять и наше отношение к животным.

При изучении поведения животных нужно избегать практики неосознанного антропоцентризма, которая ещё довольно обычна и в науке. Западный исследователь Т.И. Уайт указывает на опасность непреднамеренного видового шовинизма в рамках сравнительного изучения человека и животных. По его мнению, ошибки, которые совершают даже опытные исследователи, часто обусловлены недооценкой специфики эволюционного развития разных видов животных и человека, игнорированием факта существенного различия их экологических ниш. Подобное положение дел приводит к неверному выбору критериев, позволяющих однозначно указать на существенные отличия между тем или иным животным и человеком. Наиболее наглядными здесь являются те случаи, когда именно человеческий язык выступает в качестве такого основного критерия. Существенная разница между языками высших животных и человека также обусловлена различиями их эволюционного развития

в собственных экологических нишах [10, с. 62–64]. Тогда резкие грани между человеком и животным стираются, стимулируя соответствующий этический дискурс, направленный на пересмотр отношений между человеком и животным. Новые научные данные позволяют уточнить как само место человека в мире, так и повлиять на изменение общей картины взаимоотношений между человеком и животными.

Изменение мировоззренческих представлений, влияющих на научный поиск в области исследования живой природы, имеет большое значение для становления прикладной этики, затрагивающей область отношений между человеком и животным. Современный отечественный исследователь М. Кожевникова указывает, что, «несмотря на наличие ряда отличий, большинство подходов в рамках современной этики животных имеют общую черту – они критикуют антропоцентризм, таким образом оказывая влияние на развитие других областей научной и философской рефлексии» [5, с. 33]. Корректировка понимания самого принципа антропоцентризма и более внимательное прояснение условий его продуктивного использования как важного философско-методологического регулятива является характерным знаком постгуманизма. Эта ситуация вполне отвечает ценностным ориентациям и современной постнеклассической науке.

Повышение интереса к вопросам прикладной этики, регулирующей отношения с животными, способствует развитию и экологической этики в целом. Постгуманистический дискурс в науке о живом способствует развитию современных методологических подходов, большему прояснению оснований обновляющегося рационализма. Обратим внимание на то, что этот новый рационализм в полной мере соответствует тенденциям развития постнеклассической науки. Фиксируемые биоцентрические установки представителей «глубинной экологии» не совпадают с современными тенденциями развития философско-методологических оснований науки, хотя и не противоречат общей направленности развития прикладной биоэтики. Современная наука о живой природе избегает гипертрофированного биоцентризма радикальных экологов, затрудняющего поиски наиболее удобного и эффективного рационального методологического подхода.

Вместе с тем, современные тенденции развития современной науки порождают опасность и для самой идеологии гуманизма в целом. Так, популярный западный исследователь Ю. Н. Харари, развивающий ещё один вариант постгуманистической мысли, выражает сомнение в радужных перспективах привычного неолиберального гуманизма, полагая, что последний уже теряет свою актуальность. Мировоззрение гуманизма, с точки зрения этого учёного, стоит перед угрозой краха. И эта угроза обусловлена процессом всё более усиливающегося внедрения во все сферы жизни искусственного интеллекта. Подобный процесс неизбежно будет сопровождаться вытеснением энергии собственно человеческого труда искусственными алгоритмами, выполняющими человеческие функции гораздо более эффективно, чем это делает сам человек. Усиливающийся процесс глобального сетевого объединения искусственных

алгоритмов приведёт к резкому ослаблению роли человеческого целеполагания в общественной и культурной жизни. «Если мыслить масштабами бытия, то все наши дела и проблемы отстают перед тремя взаимосвязанными процессами: 1. Наука объединяется вокруг всеобъемлющей догмы, которая утверждает, что организмы – это алгоритмы и что жизнь является обработкой данных. 2. Интеллект отделяется от сознания. 3. Лишённые сознания, но высокоразвитые алгоритмы вскоре могут знать нас лучше, чем знаем себя мы сами» [12, с. 463–464]. Человечество тогда будет вытеснено на обочину исторического развития, превратившись в простое средство для хитроумных целей глобального искусственного интеллекта. Хочется надеяться, что подобные прогнозы всё же не воплотятся в действительность!

Можно констатировать, что философская доктрина «глубинной экологии» является своеобразным проявлением иррационализма в рамках натуралистского подхода. Выступая примером мифологизации экологического сознания, «глубинная экология» представляет собой пример псевдонаучной экологической рефлексии, призванной привлечь общественное внимание к необходимости изменения стратегии развития человечества. Это идейное направление становится проявлением альтернативного для современной культуры подхода к формированию экологической этики в условиях сохраняющейся популярности потребительского стиля жизни, стало быть, играет позитивную роль в современных условиях. Методология нового рационализма, связанная с дискурсом ослабления антропоцентризма в условиях постгуманистического сдвига в науке о живом, представляется довольно перспективной в контексте этического измерения постнеклассической науки. Вместе с тем, оборотной стороной дальнейшего развёртывания постгуманистического проекта, связанного с тотальным внедрением искусственного интеллекта во все стороны жизни, может стать ослабление роли собственно человеческой субъективности и кризис идеологии гуманизма в целом.

Список источников и литературы

1. Вааль Ф. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных. М.: Альпина нон фикшн, 2020. 404 с.
2. Деволл Б., Сешнс Дж. Глубинная экология. /Экологический постмодерн. [Электронный ресурс] URL: <https://ecocrisis.wordpress.com/deep-ecology/devel-sessions/> (дата обращения 06.03. 2022).
3. Ермолаева В. Е. Космизм и экологическая этика // Общественные науки и современность. 1995. № 4.
4. Ильин В. В. История и философия науки: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: «Проспект», 2019. 336 с.
5. Кожевникова. М. Человек – животное. Новая парадигма в науке. // Человек. 2017. № 4.
6. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М.: Аграф. 1998. 473 с.
7. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс. 1985. 313 с.
8. Сингер. П. Освобождение животных. М.: Синдбад. 2021. 448 с.

9. Старкин С.В., Поскрёбышева Е.С. Парадигма «глубинной экологии» А. Нейса в контексте развития эволюционной экологии. [Электронный ресурс] URL: https://gramota.net/articles/issn_1997-292X_2013_4-1_... / (дата обращения 06.03. 2022).
10. Уайт Т.И. Люди и дельфины: кое-что об антропоцентризме в области прикладной экологической этики. // Человек. 2017. № 4.
11. Фёдоров А.А. Постнеклассическая психология и псевдонаука: // Вопросы философии. 2020. № 7.
12. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего /Юваль Ной Харари; [пер. с англ. А. Андреева]. М.: Синдбад, 2020. 496 с.

© Захаров К. П., 2022

Научная статья

УДК 378.14

О ЗНАЧЕНИИ ПРАКТИЧЕСКОГО ОПЫТА В ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МВД РОССИИ

Разина Е. П., ст. преподаватель кафедры специальных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

В статье приводится анализ необходимости опыта работы в практических органах МВД при преподавании специализированных дисциплин в образовательных организациях высшего образования МВД. Автором исследуются особенности преподавания специализированных дисциплин в ведомственном институте в сравнении с гражданскими образовательными организациями высшего образования.

Ключевые слова: педагог высшей школы, специализированные дисциплины, ведомственная образовательная организация высшего образования, болонская система.

Для цитирования: Разина Е. П. О значении практического опыта в преподавательской деятельности в образовательных организациях высшего образования МВД России // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 189–192.

Original article

ON THE IMPORTANCE OF PRACTICAL EXPERIENCE IN TEACHING AT UNIVERSITIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Razina E. P., senior Lecturer of the Department of Special Disciplines of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article provides an analysis of the need for work experience in the practical bodies of the Ministry of Internal Affairs when teaching specialized disciplines

in the universities of the Ministry of Internal Affairs. The author investigates the peculiarities of teaching specialized disciplines in a departmental institute in comparison with civil universities

Keywords: higher school teacher, specialized disciplines, departmental university, Bologna system.

For citation: Razina E. P. On the importance of practical experience in teaching at universities of the ministry of internal affairs of Russia. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 189–192. (In Russ.).

Педагог – это призвание, призвание учить других. Анализируя особенности преподавания юридических дисциплин в гражданских образовательных организациях высшего образования (ООВО – с 2013 г., до этого ВУЗ – образовательное учреждение высшего профессионального образования) и ведомственных ООВО МВД можно выявить значительные различия с системе преподавания и подготовки будущих юристов, что собственно и не удивительно, с учетом ведомственных особенностей. Гражданская ООВО направлена на подготовку юристов в области гражданского права и смежных с ним отраслей права. Ведомственная ООВО МВД кардинально отличается как набором преподаваемых дисциплин так и спецификой преподавания, что связано с последующей деятельностью выпускников.

Переход на «болонскую» систему подготовки специалистов, отказ специалитета, как от уровня подготовки нанес сильнейший удар по кадровому составу многих структур, связанных с юриспруденцией. Образовательный уровень сотрудников прокуратуры и следственного комитета, принятых на работу в последние 10–15 лет не выдерживает никакой критики, что напрямую связано с полученным образованием. Уровень компетенции сотрудников указанных структур зачастую вызывает шок. Причина в первую очередь в отсутствии необходимых знаний. Разрушенная система подготовки кадров для органов прокуратуры сделала свое дело. Ликвидированный прокурорско-следственный факультет в Дальневосточном федеральном университете, где студенты, обучаясь по программам специалитета, изучая специализированные предметы, напрямую связанные с будущей специальностью позволял подготовить достойных специалистов для работы в органах прокуратуры, в первую очередь в качестве следователей. Нынешние выпускники гражданских ООВО – юристы-бакалавры, как показывает практика, мало кому нужны. Бакалавры не имеют профильной специализации, которую в теории должны получить в магистратуре, отсутствующей в большинстве ООВО. Данный факт привел к тому, что многие структуры, в первую очередь государственные (такие как прокуратура, суд) отказываются принимать на работу бакалавров, что влечет за собой значительные проблемы у выпускников. Бакалавриат по своей сути не дает специализированных знаний и именно поэтому в системе МВД осуществляется подготовка по программам специалитета.

Подготовить специалиста может только грамотный преподаватель, знающий не только теоретическую, но и практическую составляющую преподаваемой дисциплины и именно уровень подготовки, квалификация преподавателей ООВО определяет во много дальнейшую судьбу выпускника. ООВО МВД в этом плане заметно отличаются в лучшую сторону и это не в последнюю очередь связано с качеством преподавательского состава.

Кто он преподавателю ООВО МВД, каким критериям должен отвечать – вопрос сложный и неоднозначный. Исходя из нормативно-правовой и материальной базы, ведомственных ООВО МВД (в плане должностных званий и окладов) можно сделать следующий вывод – преподаватель в ведомственной ООВО МВД – это в первую очередь сотрудник с большим практическим стажем (это касается в профилирующих кафедрах). Мало кто задумывается над вопросом – почему у преподавателя ООВО МВД такие высокие должностной оклад и специальное звание? Сравнительный анализ показывает, что оклад преподавателя (не старшего, а рядового преподавателя) равен по уровню окладу заместителя начальника-начальника территориального отдела полиции, что уж говорить об окладе старшего преподавателя и доцента, уровень должностных окладов которых равен уровню окладов заместителей начальников УМВД по г. Владивостоку, а потолок по званиям зачастую выше. Такой порядок был заложен еще в советское время, когда определяющим критерием, закрепленным в нормативных актах при приеме преподавателя в ВУЗ МВД было наличие практического опыта. А как привлечь из практических органов преподавать работника, занимающего достаточно высокий пост, неплохую зарплату имеющего богатый опыт, который он может передать курсантам – в первую очередь предложить ему более высокий оклад по должности и потолок по званию выше имеющегося. Еще в начале 2000-х годов определяющим критерием при приеме на работу на профилирующие кафедры в ВУЗ МВД было наличие практического опыта, (не менее 2–3-х лет), а не наличие ученой степени [1, с. 111]. Отход от этого правила, привлечение молодых, остепененных преподавателей, без практического опыта, привел к деградации уровня преподавания по многим направлениям. Чему может научить молодой преподаватель, блестяще знающий теорию, но никогда не применявший ее на практике? А ведь в настоящее время именно практическая составляющая подготовки сотрудников полиции занимает значительную часть от общего времени обучения. Такой преподаватель не может составить процессуальный документ, не может привести практический пример, подсказать нестандартный выход из какой-либо ситуации. Спросите молодого преподавателя без практического опыта – к кому он пойдет в аудиторию – к курсантам или к слушателям-заочникам и Вы услышите однозначный ответ – к курсантам. Как себя чувствует молодой преподаватель в аудитории с заочниками, которые старше его, имеют практический опыт и задают вопросы, на которые голый теорией не всегда можно ответить, да и ситуации как правило предлагаются нестандартные, зачастую не имеющие однозначного ответа. Поэтому молодые преподаватели чувствуют себя очень неловко, зачастую просто боятся заочников.

ФГОС по специальности 40.05.01 – правовое обеспечение национальной безопасности [2] в п. 7.2.3 указывает, что в федеральных государственных организациях, находящихся в ведении федеральных государственных органов, осуществляющих подготовку кадров в интересах обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка, к научно-педагогическим работникам с учеными степенями и (или) учеными званиями приравниваются преподаватели военно-профессиональных и специально-профессиональных дисциплин (модулей) без ученых степеней и (или) ученых званий, имеющие профильное высшее образование, опыт военной службы (службы в правоохранительных органах) в области и с объектами профессиональной деятельности, соответствующими программе специалитета, не менее 10 лет, воинское (специальное) звание не ниже «майор» («капитан 3 ранга»), а также имеющие боевой опыт..., и свидетельствует о том, что ведомственные ООВО не должны гнаться за остепененностью, принимая на работы молодых преподавателей с учеными степенями, упор необходимо делать на привлечение практиков, что однозначно повышает уровень подготовки курсантов и слушателей. Это дает возможность ООВО изменить качественно структуры преподавательского состава.

В результате изложенного можно прийти к выводу, кто же он преподаватель ООВО МВД – это работник полиции, отдавший не менее 3–5 лет работе в практических органах, имеющий богатый жизненный опыт и соответственно возраста от 30 лет и выше, имеющий профильное высшее образование, умеющий обучать будущих сотрудников полиции, занимающийся помимо ученой еще и научной деятельностью, реализуя имеющийся опыт в ходе написания диссертации, что справедливости ради стоит отметить, дается гораздо сложнее, чем вчерашним выпускникам ООВО.

Список источников и литературы

1. Кузора С. А. О некоторых вопросах организации прохождения практики в ВУЗах МВД России // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 5. С. 110–112.
2. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности. Приказ Минобрнауки России от 31.08.2020 № 1138 // Электронный ресурс Официальный интернет-портал правовой информации URL <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения 10.10.2021).

© Разина Е. П., 2022

Научная статья

УДК 378.14

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЭТАПАХ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Романов Р.В., начальник кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки ВФ ДВЮИ МВД России, кандидат педагогических наук

Синянский В.А., старший преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки ВФ ДВЮИ МВД России

Гапонова Л.В., преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки ВФ ДВЮИ МВД России

В статье проанализированы группы компетенций: общекультурных, общепрофессиональных, профессиональных, специально-профессиональных применительно к правоохранительной деятельности; анализируется структура и нормативно-правовое обеспечение реализации профессиональной служебной подготовки в органах внутренних дел; рассматриваются вопросы использования мультимедийных технологий в образовательном процессе учебных дисциплин: «Физическая подготовка» и «Огневая подготовка» образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: мультимедиа, огневая подготовка, физическая подготовка, обучение, моделирование служебно-боевых ситуаций, формирование компетенций.

Для цитирования: Романов Р.В., Синянский В.А., Гапонова Л.В. Эффективность использования мультимедийных технологий на этапах формирования общекультурных и профессиональных компетенций в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н.А. Шабельникова, М.А. Тулиглович (отв. редакторы), А.В. Милежик, А.В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 193–198.

Original article

EFFICIENCY OF USE OF MULTIMEDIA TECHNOLOGIES AT THE STAGES OF FORMATION OF GENERAL CULTURAL AND PROFESSIONAL COMPETENCES IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Romanov R. V., Head of the Department of Special Tactical, Fire and Physical Training of the VF DVUI of the Ministry of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of pedagogic

Sinyansky V. A., Senior Lecturer of the Department of Tactical-Special, Fire and Physical Training, VF DVUI of the Ministry of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Gaponova L. V., Lecturer of the department of tactical-special, fire and physical training of the VF DVUI of the Ministry of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes groups of competencies: general cultural, general professional, professional, specially professional in relation to law enforcement; analyzes the structure and regulatory support for the implementation of professional service training in the internal affairs bodies; discusses the use of multimedia technologies in the educational process of academic disciplines: "Physical training" and "Fire training" of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Keywords: multimedia, fire training, physical training, training, modeling of service and combat situations, competency formation.

For citation: Romanov R. V., Sinyansky V. A., Gaponova L. V. Efficiency of use of multimedia technologies at the stages of formation of general cultural and professional competences in educational organizations of the ministry of internal affairs of the Russian Federation. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 193–198. (In Russ.).

Выпускники высших образовательных заведений системы Министерства внутренних дел (Далее – МВД) Российской Федерации должны обладать набором определенных компетенций, овладение которыми предполагается в процессе освоения дисциплин предусмотренных учебными планами. Нами выделены основные группы компетенций:

1. Общекультурные компетенции. Данная группа компетенций включает в себя:

- Способность к пониманию и анализу мировоззренческих, социально значимых философских проблем;
- Способность ориентироваться в социальных и политических проблемах страны;
- Способность выполнять поставленные задачи;
- Способность обладать психологической устойчивостью, так необходимой сотруднику правоохранительных органов;
- Способность логически мыслить, грамотно приводить аргументы и четко выстраивать речь и многие другие.

2. **Общепрофессиональные компетенции:**

- Способность использования основных правовых понятий и терминов, знание которых получено в процессе изучения правовых дисциплин;
- Способность применения и реализации норм различных отраслей права.

3. **Профессиональные компетенции.** Включают в себя как компетенции в сфере правоприменительной деятельности, так и правоохранительной деятельности:

- Правоприменительная деятельность включает в себя компетенции, направленные на грамотное осуществление процессуальных действий;
- Правоохранительная деятельность включает в себя компетенции, направленные на пресечение, противодействие, а также профилактику преступных действий.

4. **Профессионально-специализированные компетенции.** Включают в себя тактические особенности подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Таким образом, все группы компетенций являются способом реализации назначения полиции в целом, продиктованным ст. 1 Федерального Закона «О полиции» [1].

При определении цели обучения главным является соблюдение принципа взаимосвязи с жизнью, в нашем случае – с профессиональной спецификой, то есть поставленная цель обучения должна предоставлять ситуации, которые могут возникнуть при осуществлении служебной деятельности [5, С. 56]. Необходимо серьёзной и разносторонней подготовки сотрудников ОВД продиктовано экстремальным характером деятельности правоохранителя. Профессиональная деятельность полицейского, в первую очередь тех, кому приходится бороться с правонарушителем, в ряде случаев носит напряженный характер, обусловленный выполнением сложной, разнообразной работы в условиях дефицита информации, времени, а зачастую и активным сопротивлением законным требованиям полицейского, игнорированием правовых норм.

Дисциплина «Физическая подготовка» позволяет осваивать ряд важнейших компетенций, в процессе всего периода обучения как будущих сотрудников, так и сотрудников, имеющих за плечами большой опыт. В процессе службы сотрудники правоохранительных органов обязаны поддерживать уровень своей подготовки, необходимой при выполнении своих служебных обязанностей, что продиктовано Приказом МВД России от 05 мая 2018 года № 275 [4]. Для этого в подразделениях организуются занятия по профессиональной служеб-

ной подготовке, проводимые не реже 1 раза в неделю, не менее 2 часов. Они включают в себя следующие виды:

- правовая подготовка;
- служебная подготовка
- физическая подготовка;
- огневая подготовка.

В процессе всей своей службы сотрудники ОВД занимаются профессиональной служебной подготовкой по месту службы.

Профессиональная подготовка сотрудников ОВД – это целенаправленный, организованный процесс постоянного совершенствования и овладения профессиональными умениями и навыками, в том числе боевыми приемами борьбы, необходимыми в служебной деятельности сотрудника.

Физическая подготовка, организованная в соответствии с Приказом МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» [2], включает в себя рекомендации по формированию и развитию физических качеств: силы, быстроты, выносливости и гибкости, а также нормативы для определения уровня физической подготовленности сотрудника. Наиболее значительное место в системе профессиональной физической подготовки сотрудников полиции отведено изучению боевых приемов борьбы, с целью формирования навыков и умений применения боевых приемов борьбы, необходимых в служебной деятельности и обеспечения личной безопасности в процессе ее реализации.

Планируемые результаты освоения дисциплин «Огневая подготовка» и «Специальная физическая подготовка» предусматривают овладение компетенциями, необходимыми для несения службы сотрудником ОВД в экстремальных ситуациях; развитие способностей осуществлять действия по силовому пресечению правонарушений; использовать для решения профессиональных задач специальную технику, оружие, специальные средства, применяемые в деятельности правоохранительных органов. В подразделениях МВД проводят учебные стрельбы не реже 1 раза в две недели, на основании Приказа МВД России от 23 ноября 2017 г. № 880. «Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» [3].

Выпускники высших образовательных заведений системы МВД России обладая профессиональными компетенциями, предусмотренными образовательными программами, тем не менее, недостаточно подготовлены к службе в особых условиях. Тому подтверждение уголовные дела, возбужденные по факту неправомерного применения физической силы, оружия и специальных средств. Чем это обусловлено? Во-первых, небольшой профессиональный опыт. Во-вторых, недостаточное моделирование возможных ситуаций в процессе обучения сотрудника.

Структура любой образовательной дисциплина построена на принципе от простого к сложному и предусматривает, на начальном этапе, получение специальных теоретических знаний, далее освоение необходимых умений

и навыков, после чего наступает процесс совершенствования. В частности те умения и навыки, приобретенные в ходе изучения дисциплин: «Специальная физическая подготовка» и «Огневая подготовка». Необходимо совершенствовать методом ситуационного моделирования, воздействуя на их сознание, волю, чувства и должностное поведение [6, С. 80]. Именно поэтому моделирование служебно-боевых ситуаций возможно лишь на старших курсах (начиная с 6 семестра 3 курса и до окончания обучения), когда курсанты и слушатели имеют набор определенных навыков применения приемов и начальные знания Российского законодательства.

В процессе обучения, преподавательский состав должен использовать помимо методических материалов и учебной литературы, различные мультимедийные средства. Основной задачей мультимедийных средств при освоении таких дисциплин как «Специальная физическая подготовка» и «Огневая подготовка», является визуализация тех служебно-боевых ситуаций, в которые может попасть сотрудник в процессе своей профессиональной деятельности. Преимущества применения в образовательном процессе мультимедийных технологий не вызывают сомнения. Они помогают наглядно продемонстрировать ситуации, что способствует более детальному их рассмотрению и пониманию.

Кроме того, мультимедийные технологии необходимо применять с целью демонстрации и фрагментирования сложно-координационных движений, демонстрации распространенных и индивидуальных ошибок, а также примеров правильного их выполнения.

Не маловажным фактором применения мультимедийных технологий в обучении является доступность необходимого объема информационно-справочного материала. Возможность наглядной демонстрации особо-значимых фрагментов движения в виде фотографий, видеороликов или видеофильмов. Таким образом, сюжеты, наглядно демонстрирующие сложные оперативно-боевые ситуации с применением боевых приемов борьбы, огнестрельного оружия и спецсредств облегчают самостоятельное обучение.

Примером может служить, разработанная Ю. В. Тупеевым мультимедиа информационно-методическая система «Чемпион», включающая в себя не только теоретическую информацию, но и 14 видеороликов, для наглядной демонстрации точного выполнения приемов борьбы [7, С. 24]. Хорошим примером успешного применения мультимедийных технологий в учебном процессе дисциплины «Огневая подготовка» может служить лазерный стрелковый комплекс «Рубин», используемый и постоянно усовершенствуемый с 2001 года.

Мультимедиа технологии открывают необозримые перспективы в педагогическом процессе, направленном на формирование и совершенствовании знаний, умений, и навыков обучающихся в образовательных организациях МВД России.

Список источников и литературы

1. Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 № 3-ФЗ (последняя редакция) // Источник: информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ.

2. Приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» // Источник: информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ.
3. Приказ МВД России от 23 ноября 2017 г. № 880 (ред. от 25.01.2021) «Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» // Источник: информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ.
4. Приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // Источник: информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ.
5. Романов Р. В. Калистеника как основной способ формирования физических качеств курсантов образовательных организаций МВД России / Р. В. Романов, В. А. Синянский // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2020. № 9. С. 53–58.
6. Синянский В. А. Роль ассистента при изучении и совершенствовании боевых приемов борьбы / В. А. Синянский, Р. С. Каленик, Б. А. Назаренко // Актуальные вопросы совершенствования огневой и физической подготовки обучающихся в образовательных организациях МВД России: сборник материалов Всероссийской конференции. Уфа. 17 июня 2021 года. Уфимский ЮИ МВД России. 2021. С. 78–82.
7. Тупеев Ю. В. Формирование техники двигательных действий юных борцов вольного стиля с использованием компьютерных мультимедиа технологий: автореф. дисс. ... канд. физ. воспит.: спец. 24.00.01. «Олимпийский и профессиональный спорт». Днепропетровск. 2011. 24 с.

© Романов Р. В., Синянский В. А., Гапонова Л. В., 2022

Научная статья

УДК 159.99

УПРАВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНЫМИ ЗНАНИЯМИ В КОНТЕКСТЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ

Якимова З. В., доцент кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат психологических наук

В статье проанализированы корпоративные знания как неформальный аспект кадровой политики организации; выделены и кратко охарактеризованы факторы, влияющие на управление корпоративными знаниями; обозначены проблемные стороны и риски каждого из факторов; сделано заключение о том, что управление корпоративными знаниями в контексте кадровой политики позволяет трансформировать явные и неявные знания отдельных сотрудников в структурный капитал организации, позволяющий сохранить корпоративные знания в организации даже после ухода ключевых сотрудников.

Ключевые слова: кадровая политика, корпоративные знания, управления знаниями структурный капитал, факторы и риски управления знаниями.

Для цитирования: Якимова З. В. Управление корпоративными знаниями в контексте кадровой политики организации // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 199–207.

Original article

CORPORATE KNOWLEDGE MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF PERSONNEL POLICY OF THE ORGANIZATION

Yakimova Z. V., associate Professor of the Department of Humanities of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, candidate of psychology

The article analyzes corporate knowledge as an informal aspect of the personnel policy of the organization; identifies and briefly characterizes the factors affecting corporate knowledge management; identifies the problematic aspects and risks of each of the factors; concludes that corporate knowledge

management in the context of personnel policy allows you to transform the explicit and implicit knowledge of individual employees the structural capital of the organization, which allows you to maintain corporate knowledge in the organization even after the departure of key employees.

Keywords: HR policy, corporate knowledge, knowledge management, structural capital, factors and risks of knowledge management.

For citation: Yakimova Z. V. Corporate knowledge management in the context of personnel policy of the organization. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 199–207. (In Russ.).

Для успешного развития организации необходимо предельно ясное понимание желаемого состояния по всем аспектам организационной деятельности в будущем. Стратегические цели организации определяют тот круг задач, которые должны быть решены в рамках целостной политики организации.

Понятие «политика организации» включает в себя систему правил, в соответствии с которыми ведет себя система в целом и по которым действуют люди, входящие в эту систему. Особо следует отметить, что если финансовую составляющую политики организации можно каким-либо образом «скопировать» с опыта других организации, то кадровая политика организации будет во многом уникальна, так же как уникальны люди, входящие в состав этой организации.

«Кадровая политика» как объект исследования приобрела свою популярность, начиная с конца 80-х годов XX века. Однако в большей степени данное понятие отражало приоритет личных представлений вышестоящего руководителя о степени полезности того или иного управленца, служащего более низкого ранга. Доминирование субъективизма высшего руководства способствовало развитию двух принципиально противоположных механизмов формирования команды подчиненных, в зависимости от личных целей руководителя: ориентации на выполнения целевой функции организации либо ориентации на сохранение личного, достаточно привилегированного положения самого руководителя.

По мнению А. Я. Кибанова кадровая политика организации представляет собой генеральное направление кадровой работы, совокупность принципов, методов, форм, организационного механизма по выработке целей и задач, направленных на сохранение, укрепление и развитие кадрового потенциала, на создание квалифицированного и высокопроизводительного сплоченного коллектива, способного своевременно реагировать на постоянно меняющиеся требования рынка с учетом стратегии развития организации и стратегии управления ее персоналом [2, с. 14].

В научных трудах Т. Ю. Базарова кадровая политика имеет два смысла. В широком смысле под кадровой политикой организации понимается система осознанных и определенным образом сформулированных и закреплённых пра-

вил и норм, приводящих человеческий ресурс в соответствие с долговременной стратегией организации. В узком смысле кадровая политика представлена как набор конкретных правил, пожеланий и ограничений (зачастую неосознаваемых), реализующихся, как в процессе непосредственных взаимодействий между сотрудниками, так и во взаимоотношениях между работниками и организацией в целом [1, с. 415].

Кроме того, принято считать, что в «узком смысле» кадровая политика рассматривается как конкретная программа деятельности кадровой службы. Однако, нельзя сводить кадровую политику исключительно к деятельности кадровой службы по реализации некой кадровой программы. Бесспорно, оба толкования (в широком и в узком смысле) должны учитываться и взаимодополнять друг друга при описании кадровой политики организации.

Современная кадровая политика организации должна быть ориентированной преимущественно на достижение стратегических целей организации, осуществление миссии, при этом учитывать специфику внешней и внутренней среды организации и уникальный кадровый состав – как управленцев, так и рядовых сотрудников. Необходимо отметить, что кадровая политика формируется руководством организации, реализуется кадровой службой. Кадровая политика находит свое отражение в целом ряде нормативных документов, например: в уставе организации; правилах внутреннего трудового распорядка; коллективном договоре; штатном расписании организации; положении об оплате и премировании труда; положениях о структурных подразделениях; трудовом договоре (контракте); должностных инструкциях (должностных регламентах); положениях об аттестации сотрудников и других локальных нормативных актах по организации труда персонала и реализации кадровых процессов.

Так же необходимо учесть, что кадровая политика должна своевременно отражать все тенденции и изменения, происходящие с кадровым составом организации, вне зависимости от первопричин этих изменений. В частности, все ключевые аспекты кадровой политики должны быть задокументированы и представлены в положениях по кадровым процессом (например, положение о подборе и отборе, положение о наставничестве и адаптации, положение об обучении, положение об аттестации, положение о трудовой мотивации, стимулировании и оплате труда персонала, положение о кадровом резерве организации, положение об высвобождении персонала и т. д.). Ну и безусловно, кадровая политика организации должна соответствовать законодательству о социальных гарантиях.

Документационное обеспечение кадровых процессов позволяет сбалансировать и гармонизировать производственные взаимоотношения между сотрудником и работодателем, так как конкретизирует их зоны прав и возможностей. Кроме того, соответствующие документы (положения, регламенты) по кадровым процессам вооружают сотрудников кадровой службы инструментом принятия кадровых управленческих решений.

Таким образом, официально кадровая политика фиксируется в общеорганизационных документах и инструкциях, регламентирующих все аспекты работы руководителей средних и низших звеньев управления с различными категориями персонала. Однако не менее важную роль в формировании кадровой политики играют «неписанные» традиции, правила и формы поведения, которые исторически сложились и существуют на уровне «понимания ситуации» и передаются в устной форме в качестве «наставничества» вновь принятым сотрудникам, а так же распространяются между коллегами посредством общения и обмена профессиональным опытом. Именно в этом неформальном взаимодействии содержится огромный потенциал сохранения, трансляции и капитализации корпоративных знаний. Однако именно в этом неформальном взаимодействии, помимо потенциала содержится и огромный риск утечки важнейшей организационной информации и утраты корпоративных знаний.

М. А. Коробкина отмечает, что корпоративные знания составляют основу интеллектуального капитала организации. При этом основная его часть существует в «неявной» форме, а именно в знаниях, опыте и интуиции сотрудников. Соответственно, так как «неявные знания» существуют только в головах людей, то и их передача возможна только через взаимодействие, общение, коммуникации сотрудников. При этом неиспользуемые в данный момент знания, но имеющиеся в опыте сотрудников знания имеют высокий риск быть утраченными при уходе носителя знаний из организации [3].

Таким образом, управление корпоративными знаниями как аспект кадровой политики состоит в аккумулировании интеллектуального капитала организации; выявлении и распространении положительного опыта; формировании информационных баз данных организации; создании условий для сохранения, распространения и передачи корпоративных знаний во внутриорганизационной среде и защите информации и корпоративных знаний от утечки из организации во внешнюю среду и к конкурентам.

Необходимо отметить, что *knowledge management* (управление знаниями) – новая область менеджмента, сфокусированная на процессах и людях, вовлеченных в создание, распространение и оценку знаний, необходимых для реализации стратегического и тактического управления организацией.

В классическом менеджменте управление знаниями выполняет две основные задачи: во-первых, обеспечить эффективность, использование знаний для роста результативности труда сотрудников путем увеличения быстродействия и/или снижения издержек, связанных с поиском, обработкой информации и принятием управленческих решений; во-вторых, обеспечить внедрение инноваций, применение и распространение передового и положительного опыта.

Как известно, знания, которые не используются и не капитализируются – очень быстро устаревают и обесцениваются. Технология управления корпоративными знаниями позволяет создавать такие условия, при которых накопленные знания и внедрение положительного опыта других подразделений и аналогичных организаций эффективно используются для выполнения важных стратегических и тактических задач организации.

Однако большим заблуждением является мнение, что наличие большого количества различных знаний «на все случаи жизни» полезно для организации. В реальности информационная перегруженность только утомляет сотрудников и снижает их уровень работоспособности и эффективности.

Одним из главных критериев полезности информации является её структурированность, которая делает нужную информацию доступной в нужный момент времени в нужном количестве, т. е. структурированность делает информацию актуальной, а значит – полезной.

Для многих организаций, учреждений и структурных подразделений важнейшей причиной малоэффективности сотрудников является нехватка времени. Сотрудники так перегружены информацией, что им некогда учиться работать с информацией и оптимизировать эту работу. Однако стоит заметить, что, зачастую, сотрудники перегружены как раз оттого, что они расходуют слишком много времени на поиск нужных им знаний (до 30% рабочего времени), а так же не знают, кто из их коллег имеет опыт в решении подобных задач, не умеют воспользоваться даже известными им ресурсами, оперативно найти необходимую информацию или нужный шаблон документа в актуальной редакции. Одним словом, сотрудникам ежедневно приходится искать ответы на одни и те же вопросы «Где? Кто? Как?» вместо того, чтобы эффективно трудиться самому, никого не отвлекая от трудового процесса.

Идея управления корпоративными знаниями не нова по своей сути, но её актуальность в разрезе проблемного аспекта (неформального звена) кадровой политики остается значимой для любой организации. Как ни странно, но несмотря на то, что все организации по специфике своей деятельности разные, но проблемы с информацией чаще всего бывают у всех одинаковые:

- Иногда теряются документы, причем как бумажные, так и электронные данные, которые, конечно, можно восстановить, но лишь ценой немалых затрат и усилий.

- Нужный документ точно есть, но сотрудникам приходится долго его разыскивать в архивных документах или на столах своих коллег. Причем даже поиск электронных данных порой занимает очень много времени. А если документ срочно нужен руководству, то на его поиски в авральном режиме задействуется весь отдел.

- Важная информация от рядового персонала, работающего на передовом фронте с посетителями, которая могла бы предупредить руководство о потенциальных проблемах так и не дошла до нужного кабинета.

- В процессе внедрения новой технологии, стратегически важной для поддержания нормального функционирования всей организации или отдельного структурного подразделения, внезапно увольняется или заболевает ключевой сотрудник, унося с собой весь накопленный опыт и важную информацию так никого и не обучив, и не передав знания.

Таких банальных ситуаций, отягощающих рабочие будни сотрудников можно привести огромное количество, но наша задача – определиться с факторами, которые могут повлиять на управление корпоративными знаниями.

При самом общем рассмотрении к категории корпоративных знаний можно отнести: знание бизнес-процессов и технологических процессов организации; знание корпоративной и организационной культуры организации; знание внешней и внутренней среды работы организации; навыки применения информационных технологий; личные профессиональные знания и наработки сотрудников; базы данных, сформированные организацией; контакты и личные связи отдельных сотрудников необходимые для решения определенных задач организации.

Таким образом, управление корпоративными знаниями, представляет собой процесс, в результате которого индивидуальные знания отдельного сотрудника превращаются в корпоративные и становятся неотъемлемым сегментом кадровой политики организации. В этом случае знания отдельного человека отчуждаются от их носителя и становятся нематериальным активом организации. Процесс отчуждения знаний, т. е. письменной фиксации в виде бизнес-процессов, социальных технологий, инструкций, положений, рекомендаций – является самым сложным в практическом исполнении. Не всегда работники легко соглашаются на отчуждение своих знаний. Процесс отчуждения может быть очень конфликтным. А иногда, некоторые сотрудники и рады бы передать свои знания, но не умеют этого сделать – выразить словом и написать – не получается, да и педагогический талант отсутствует.

Когда знания всё же удалось перевести в письменный/электронный вид, становится необходимо создание структуры, прежде всего, это подразумевает следующий алгоритм действий:

1. определить, какая конкретно информация нужна при конструировании того или иного бизнес-процесса и откуда она поступает;
2. определить ответственных за своевременное получение необходимой для работы информации, регламентировать их деятельность.
2. создать карту движения информации при развертывании определенных бизнес-процессов (какая информация, в каком виде, в какой период передается кому от кого и с какой целью);
3. определить ответственных за движение информации при реализации бизнес-процессов;
4. определить ответственных за хранение и актуализацию информации после её использования (архив данных, база данных, шаблоны актуальных документов).

Процесс внедрения технологии управления корпоративными знаниями находится под влиянием целого ряда факторов. И соответственно, сопровождается определенными рисками, детерминированными данными факторами.

Корпоративный фактор: интерес к внедрению технологии управления знаниями должен исходить не от одного лица организации, а должен влиться в организационную культуру компании, затронуть потребности и интересы каждого сотрудника. Риски корпоративного фактора: если инициатива и интерес к внедрению системы корпоративных знаний будет исходить исключительно от руководства, без вовлеченности ключевых специалистов и рядовых

исполнителей, соответственно со стороны персонала огромная вероятность возникновения сопротивления изменениям и сложности практического внедрения разработок, не соотносённых с реальным функционалом и рабочими потребностями рядовых сотрудников. Если же инициатива будет исходить исключительно от «низов», то без поддержки административного ресурса данная инициатива будет поддерживаться и функционировать исключительно за счет энтузиазма отдельных сотрудников, при уходе таких специалистов-энтузиастов из организации система корпоративных знаний очень быстро деградирует, знания утратятся или потеряют свою практическую значимость.

Организационный фактор: после того, как в организации произошло осознание необходимости внедрения технологии управления корпоративными знаниями, необходимо осуществить организационные процедуры по сбору информации о методах и алгоритмах внедрения; изучить уже имеющийся в литературе, СМИ и интернете опыт внедрения; составить бюджет и распределить ответственность за выполнение проекта. Риски организационного фактора: без административного ресурса, позволяющего распределить и закрепить ответственность за координацию, синхронизацию, актуализацию информации и корпоративных знаний за конкретными должностями с предоставлением всех необходимых ресурсов (как материальных, так и административных) – исполнительная дисциплина относительно реальной работы с базой корпоративных знаний прогнозируемо снизится. Данный вид работы, не закрепленный ни должностными регламентами, ни функциональными картами, и, к тому же, не обеспеченный ни финансовыми ни административными ресурсами, будет воспринимается сотрудниками как дополнительная нагрузка, безвозмездно на них возложенная.

Технический фактор влияет на выбор программного обеспечения, технологическую платформу для реализации технологии управления корпоративными знаниями. Важно, чтобы в процесс создания программного обеспечения был вовлечен весь персонал, которому в дальнейшем придется активно формировать и использовать базы данных. Однако, риски технического фактора заключаются не только в необходимости рационального выбора программного обеспечения и бюджетировании затрат на разработку, ни и внедрение, а также дальнейшее техническое сопровождение программного обеспечения. Кроме того, к рискам технического фактора можно так же отнести кибератаки хакеров, внедрение вирусных программ, кража баз данных и т. д.

Человеческий фактор. При разработке стратегии управления знаниями необходимо учитывать умение находить нужную информацию, желание сотрудников делиться информацией, а также эффективность усвоения знаний. Уровень подготовки новых сотрудников должен быть достаточным для быстрого усвоения информации и плодотворной передачи менее опытным сотрудникам. Риски человеческого фактора заключаются в психологической несовместимости «сотрудников – актуальных владельцев» и «сотрудников – потенциальных будущих пользователей» корпоративными знаниями. Такие ситуации «несовместимости» возникают в случаях острой конкуренции между

сотрудниками (в сознании конкурирующих и соперничающих друг с другом сотрудников может возникнуть вопрос: «почему я должен делиться своими наработками со своими конкурентами, с которыми я соперничаю, например, за звание лучший сотрудник года?»). Еще один пример риска человеческого фактора – это борьба поколений «старых сотрудников» с «новичками». Зачастую «старые сотрудники», не хотят делиться своим опытом и наработками с молодым поколением исходя из своей непрожитой обиды: «а когда я пришел – мне никто не помогал, никто-ничем не делился, мне во всем пришлось разбираться самостоятельно... почему я должен кого-то учить?». Отдельный аспект человеческого фактора касается страха потери рабочего места и опасениях о своей потенциальной ненужности как только произойдет передача индивидуальных наработок к копилку корпоративных знаний. Такой глубинный психологический страх потери своей значимости является основой сокрытия знаний от коллег. Не менее сильным оказывается страх потери информации, из-за которого происходит постоянное дублирование информации и накопление неиспользуемых знаний и неактуальных версий документов (дубляжей), при этом поиск актуальной информации среди множества неактуальных версий становится уже самостоятельной задачей.

Индивидуальный фактор. Сотрудники организации могут обладать различными знаниями, как теоретическими, так и практическими. Ценность того или иного сотрудника определяется знаниями, которые он вносит или может внести в информационную среду организации. Риск индивидуального фактора заключается в разности ведущих модальностей, уровней обобщения, уровней интеллектуального развития, уровней теоретической и практической подготовленности различных сотрудников. Соответственно передача опыта может быть затруднена несовпадением модальностей: кому то нужен именно печатный текст для понимания и осмысления сути; кто-то воспринимает информацию исключительно на примере, демонстрации в действии; кто-то нуждается в пояснении в формате вопрос-ответ; кто-то воспринимает информацию исключительно в формате цифр, таблиц, сводных графиков и диаграмм.

Фактор обучения. К программам обучения сотрудников организации, овладения корпоративными знаниями можно отнести: наставничество, самообразование, курсы и семинары, обмен опытом, а также заочное и дистанционное образование, что в итоге может повлиять на уровень усвоения корпоративных знаний. Обучения сотрудников должно быть рациональным, плановым и своевременным. Риск фактора обучения связан также с двумя крайностями: с одной стороны, когда сотрудники по ряду причин (некогда, дорого, не интересно, не актуально и т. д.) не обучаются, не повышают уровень своей квалификации, и, с другой стороны, когда сотрудники обучаются в избыточном формате, проходят несколько разнородных повышений квалификации одновременно. Еще один фактор риска обучения – это формальность: обучение ни ради получения актуальных знаний и навыков, а ради получения документа, подтверждающего факт обучения (нужно для отчетности).

Фактор рациональности. Рациональным знанием является только такое знание, которое легко логически обосновать и повторить. Такие знания хорошо структурируются и являются основой для каталогов и справочников. Они легко усваиваются и могут быть базовыми знаниями для обучения. В связи с этим накопленные рациональные знания позволяют работникам организации поддерживать бизнес-процессы даже в условиях большой текучести кадров. Риск фактора рациональности заключается в попытке обучить сотрудникам не нужным им в профессиональной деятельности компетенциям и навыкам, поддавшись модным веяниям и навязанным ценностям.

В итоге после того, как будут регламентированы процессы получения, обработки, использования и хранения информации, результатом внедрения системы управления корпоративными знаниями должно стать повышение скорости и качества управленческих решений, увеличение объема ценных знаний, которые сохраняются в организации, несмотря на текучесть персонала. Иначе говоря управление корпоративными знаниями в разрезе кадровой политики организации трансформируется в нечто иное как в структурный (организационный) капитал, под которым понимается «...способность организации извлекать пользу и экономическую выгоду из знаний и результатов деятельности сотрудников, даже после того, как эти сотрудники уходят из фирмы...» [4, с. 83].

Таким образом в кадровой политике любой современной организации должен быть предусмотрен механизм управления корпоративными знаниями с учетом влияния ключевых факторов и рисков, распространяемых на все категории сотрудников и ориентированной на получение социального и экономического эффектов. Благодаря технологии управления корпоративными знаниями становится возможным сформировать структурный капитал организации, который отделим от конкретных людей. Оставаясь в организации, даже после ухода ключевых сотрудников, структурный капитал существует в формате транслируемых актуальных корпоративных знаний и является в прямом смысле накопленным организационным капиталом, создающим платформу для дальнейшего роста и развития организации.

Список источников и литературы

1. Базаров Т.Ю. Управление персоналом: учебник для вузов / Под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. 2-е изд., перераб. и доп. М: ЮНИТИ, 2012. 560 с.
2. Кибанов А.Я. Управление персоналом: теория и практика. Кадровая политика и стратегия управления персоналом: учебно-практ. пособие / А.Я. Кибанов, Л.В. Ивановская; под ред. А.Я. Кибанова. М.: Проспект, 2012. 64 с.
3. Коробкина М.А. Управление корпоративными знаниями в контексте организационного обучения // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2013. № 3. С. 124–129.
4. Теоретико-прикладные аспекты управления персоналом в малом и среднем бизнесе: монография / Н.Н. Богдан, О.В. Горшкова, М.Ю. Дикусарова, М.Г. Масилова, Е.А. Могилёвкин, А.С. Новгородов, З.В. Якимова. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. 240 с.

© Якимова З.В., 2022

РАЗДЕЛ 5. ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Научная статья

УДК 342.9; 347.9

ОБЪЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В СУДЕ

Жеремян В.В., магистрант Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия

Научный руководитель

Цуканов С.С., доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат исторических наук

В статье рассматривается объем полномочий представителя в суде. Автор обобщает вопросы, связанные с объемом прав представителя и порядком их реализации. останавливается на порядке оформления и подтверждения полномочий различных представителей на ведение административного дела в суде. Обращается внимание на то, что объем полномочий представителя зависит от характера внутренних отношений между представителем и представляемым (добровольного или обязательного).

Ключевые слова: судебное представительство, представители, полномочия представителей, Российская Федерация.

Для цитирования: Жеремян В. В. Объем процессуальных полномочий представителя в суде // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 208–212.

Original article

SCOPE OF THE REPRESENTATIVE'S PROCEDURAL POWERS IN COURT

Jeremyan V. V., master's student of the Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice

Scientific supervisor

Tsukanov S. S., associate professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of History

The article examines the scope of the powers of a representative in court. The author summarizes the issues related to the scope of the representative's rights and the procedure for their implementation. He dwells on the procedure for registration and confirmation of the powers of various representatives to conduct an administrative case in court. Attention is drawn to the fact that the scope of the representative's powers depends on the nature of the internal relations between the representative and the represented (voluntary or mandatory).

Keywords: judicial representation, representatives, powers of representatives, Russian Federation.

For citation: Jeremyan V. V. Scope of the representative's procedural powers in court. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 208–212. (In Russ.).

Гарантированные ст. 48 Конституции РФ права каждого на судебную защиту и на получение квалифицированной юридической помощи находят свое отражение, в том числе, в виде возможности действовать в суде через представителя. Переход гражданского процесса к состязательной модели судопроизводства, формирование арбитражного процесса, увеличение количества и усложнение дел в судах России, резкое сокращение активности суда при собирании доказательств на фоне недостаточной правовой грамотности людей, обращающихся за судебной защитой, влекут за собой необходимость расширения возможностей для всех лиц быть представленными в суде надлежащим образом.

В отечественных исследованиях данная проблема получила значительное освещение. Рассматриваются вопросы современной классификации правового института судебного (процессуального) представительства в гражданском и арбитражном процессе [1], права и обязанности представителя в гражданском судопроизводстве [2], историко-правовой путь развития суда присяжных

в зарубежных странах [3], понятие и виды судебного представительства по гражданским делам [7], полномочия представителя в административном судебном процессе Российской Федерации [8; 9]. Широкое освещение получили проблемы соблюдения принципа законности в арбитражном процессе [11; 12] и роль правосознания в решении юридических проблем современного общества [4; 5; 10].

Основные положения этих разработок применяются и в теории арбитражного процессуального права и практике арбитражного процесса.

Объем полномочий представителя зависит от характера внутренних отношений между представителем и представляемым (добровольного или обязательного) и регулируется ст. 54 ГПК РФ.

С учетом содержания закона все полномочия добровольного представителя разделяются на общие и специальные. Наличие у представителя общих полномочий на ведение конкретного дела означает, что представитель вправе совершать от имени и в интересах представляемого большинство тех процессуальных действий, которые вправе совершать сам представляемый (ст. 35 ГПК РФ), кроме обжалования судебных постановлений.

К специальным полномочиям ст. 54 ГПК относит следующие действия распорядительного характера: подписание искового заявления, предъявление его в суд; передача спора на рассмотрение третейского суда; предъявление встречного иска; полный или частичный отказ от исковых требований; изменение предмета или основания иска; заключение мирового соглашения, передача полномочий другому лицу (передоверие); обжалование судебных постановлений всех видов (ч. 1 ст. 13 ГПК РФ); предъявление исполнительного документа ко взысканию и получение присужденного имущества или денег.

В данном случае закон требует особого оформления перечисленных правомочий – путем специальной оговорки в доверенности (ст. 54 ГПК РФ). По смыслу ч. 6 ст. 53 ГПК РФ такая оговорка может быть также сделана в устном или письменном заявлении доверителя в суде.

Требования закона к оформлению специальных правомочий добровольного представителя распространяются на всех без исключения представителей, в том числе и на адвоката.

Нарушение требований закона к оформлению специальных полномочий представителя в практике как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов рассматриваются как безусловное основание к отмене судебного постановления вышестоящей инстанцией. В качестве иллюстрации можно предложить дело по частной жалобе на определение судьи ВС РФ, в которой ставится вопрос об отмене определения как незаконного вследствие нарушений процессуального закона, в том числе нарушений оформления полномочий представителя [6].

Объем полномочий обязательного представителя шире, чем у добровольного, поскольку требования ст. 54 ГПК РФ о специальном оформлении распорядительных полномочий на обязательного представителя не распространяются.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 52 ГПК РФ законные представители совершают от имени представляемых ими лиц все процессуальные действия, которые принадлежат представляемым, с ограничениями, предусмотренными законом. Родители, усыновители, опекуны, попечители или иные лица, которым это право предоставлено законом, вправе совершать все те процессуальные действия, которые могли бы осуществлять в процессе сами представляемые, если бы они обладали процессуальной дееспособностью. В частности, законные представители могут предъявить иск, изменить его основание, отказаться от иска, определить характер и объем судебной защиты, заключить мировое соглашение, то есть всё то, что разрешено законом. Надо учесть один момент, что, с одной стороны, законный представитель имеет право самостоятельно распоряжаться процессуальными правилами, а с другой стороны, существует необходимость согласовывать действия с органами опеки и попечительства. Практически, законные представители совершают от имени представляемых все процессуальные действия, право совершения которых принадлежит представляемым с ограничениями, предусмотренными законом.

Ч. 3 ст. 52 ГПК РФ является бланкетной, поскольку, устанавливая, что законные представители осуществляют от имени представляемых ими лиц все процессуальные действия, за исключениями, предусмотренными законом, ГПК ни применительно к законным, ни применительно к каким-либо другим обязательным представителям таких ограничений не предусматривает. Следовательно, пределы полномочий обязательных представителей определяются с учетом норм права, содержащихся в нормативных актах. Например, действия, направленные на распоряжение имуществом, принадлежащим представляемым лицам, законные представители могут совершать только с разрешения органов опеки и попечительства в силу ст. 37 ГК РФ, что должно учитываться судом при принятии таких действий законного представителя, как отказ от иска, признание иска, мировое соглашение (ч. 2 ст. 39 ГПК РФ).

Рассматривая вопрос об объеме полномочий обязательного представителя, необходимо обратить внимание на очевидный пробел действующего законодательства, не определяющего объем полномочий представителя по назначению суда. На практике этот пробел восполняется в зависимости от наличия или отсутствия дееспособности у представляемого лица. Поскольку в случае с представительством от имени ответчика, место жительства которого неизвестно, представляемое лицо при отсутствии иных сведений считается дееспособным, наделение такого представителя не только общим объемом полномочий, но и всеми специальными полномочиями, предусмотренными ст. 54 ГПК РФ, противоречило бы принципу диспозитивности.

Единственное специальное полномочие, реализация которого без согласия на то представляемого лица, не причинило бы ущерба его материально-правовым интересам – это обжалование судебных постановлений. Однако, практическая возможность обжалования представителем по назначению судебного решения вызывает сомнения, поскольку в действующем законодательстве (ст. 89 ГПК РФ) отсутствуют нормы, освобождающие адвоката по

назначению от уплаты государственной пошлины при подаче апелляционных и кассационных жалоб.

Список источников и литературы

1. Богомолов М.В. Особенности современной классификации правового института судебного (процессуального) представительства в гражданском и арбитражном процессе // Вестник Поволжского института управления. 2014. № 1. С. 47–53.
2. Войтович Л.Н. Права и обязанности представителя в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 5. С. 11–16.
3. Котляров С.Б. Историко-правовой путь развития суда присяжных в зарубежных странах // Право и образование. 2021. № 5. С. 124–132.
4. Котляров С.Б., Кукушкин О.В. Правосознание как элемент правовых систем // Результаты современных научных исследований: Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Саранск, 20–21 апреля 2021 года / Редколлегия: Р.Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. Саранск: Типография "Рузаевский печатник", 2021. С. 273–277.
5. Кукушкин О.В., Котляров С.Б. Роль правосознания в решении юридических проблем современного общества // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 1–1. С. 223–231.
6. Определение Кассационной коллегии Верховного Суда РФ от 22 апреля 2004 г. N КА04–136 // Вестник ВАС РФ. 2004. № 4.
7. Решетова Е.С., Булгаков В.В. Понятие и виды судебного представительства по гражданским делам // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 10–8. С. 99–102.
8. Соловьев А.А. О полномочиях представителя в административном судебном процессе Российской Федерации // Вестник финансового университета. Т. 21. № 3 (99). С. 240–248.
9. Туманова Л.В. Заметки о представительстве // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 3. С. 24–31.
10. Цуканов С.С. Сущность и понятие права: современные тенденции // Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики. Материалы XV Международной научно-практической конференции / Под редакцией В.Н. Власенко. Москва, 2021. С. 214–216.
11. Цуканов С.С., Вертопрахов Л.В. Принцип законности в современном законодательстве // Мир в эпоху глобализации экономики и правовой сферы: роль биотехнологий и цифровых технологий. Сборник научных статей по итогам работы V международной научно-практической конференции. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Конверт", 2021. С. 109–111.
12. Цуканов С.С., Вертопрахов Л.В. Проблемы соблюдения принципа законности в арбитражном процессе // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. Сборник научных статей по итогам работы круглого стола № 5 со всероссийским и международным участием. УКК «Актуальные знания»; Ассоциация «Союз образовательных учреждений». Шахты, 2021. С. 13–16.

© Жеремян В.В., 2022

Научная статья

УДК 343

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИМОРСКОГО КРАЯ ПО БОРЬБЕ В СФЕРЕ ХИЩЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В 1990-Е ГГ. КАК АСПЕКТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Климов В. Д., курсант Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

Научный руководитель

Шабельникова Н. А., профессор кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, доктор исторических наук, профессор

В статье освещается деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе с преступностью в сфере хищения автомобилей, а также взаимодействие правоохранительных органов Российской Федерации и Японии в борьбе с транснациональными преступными группировками.

Ключевые слова: транснациональная преступность, хищение транспортных средств, органы внутренних дел.

Для цитирования: Климов В. Д. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе в сфере хищения транспортных средств в 1990-е гг. как аспект противодействия транснациональной преступности // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 213–218.

Original article

ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS OF THE PRIMORSKY KRAI IN THE FIGHT IN THE FIELD OF THEFT OF VEHICLES IN THE 1990S AS ASPECT OF COUNTERING TRANSNATIONAL CRIME

Klimov V.D. cadet of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Scientific supervisor

Shabelnikova N.A., Doctor of History, Full Professor, Department of Humanitarian Disciplines Vladivostok branch of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The article highlights the activities of the internal affairs bodies of the Primorsky Territory in combating crime in the field of car theft, as well as the interaction of law enforcement agencies of the Russian Federation and Japan in the fight against transnational criminal groups.

Keywords: transnational crime, theft of vehicles, law enforcement agencies.

For citation: Klimov V.D. Activities of the internal affairs of the Primorsky krai in the fight in the field of theft of vehicles in the 1990s as aspect of countering transnational crime. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 213–218. (In Russ.).

После распада СССР, все силы правоохранительных органов были направлены на сохранение целостности Российской Федерации, борьба с преступностью отошла на второй план, Приморский край не стал исключением. В XIX в. автор уголовной статистики А. Ж. Кетле озвучил мысль о взаимосвязи экономической и социальной дестабилизации, которая в свою очередь приводит к росту преступности [1, с. 3]. Проблему образования «профессиональной» преступности изучали ещё в РСФСР, за несколько лет до того, как в стране были введены рыночные отношения, которые только подтолкнули преступность к организованности и специализации на определённых отраслях.

Основным последствием распада СССР стала установление криминально-олигархического режима в некоторых регионах страны, однако правоохранительные органы принимали все возможные действия для предотвращения установления криминально-политического режима. 90-е годы XX века стали настоящим «триумфом» преступной среды. Помимо того, что появилось много видов преступлений и самих преступников, самым негативным последствие того времени стало то, что всё вышеперечисленное приобрело организованный характер.

Объектом данного исследования выбран именно Приморский край, так как данный субъект располагается в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в непосредственной близости к Японии, что делает южную часть края наиболее привлекательным районом для различного рода преступной деятельности. Являясь транспортным центром и узлом Дальнего Востока, Приморский край также представляет огромный интерес для транснациональной преступности [8, с. 4].

Так, в п. 2 ст. 3 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности под преступлением транснационального характера понимается преступление 1) совершено в более чем одном государстве; 2) совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве; 3) совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве; 4) совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место быть в другом государстве [2].

По мнению А. Л. Репецкой, транснациональная организованная преступность определяется как функционирование преступных организаций и сообществ, имеющих разветвленную сеть представительств в других странах, использующих международные взаимоотношения для постоянного осуществления преступных умыслов, связанных с перемещением потоков информации, денег, физических объектов, других материальных и нематериальных средств через государственные границы с целью использования благоприятной рыночной конъюнктуры в одном или нескольких иностранных государствах для получения существенной экономической выгоды [6, с. 72].

Характеристика организованной преступности, направления её деятельности в значительной мере зависят от особенностей территории, на которой она существует. Поэтому внимание организованной преступности уже давно сосредоточено на таких богатейших природных территориях, как Сибирь и Дальний Восток [3].

На положительную тенденцию развития международных преступных группировок влияло упрощённое таможенное оформление промысловых судов, работающих без права захода в иностранные порты, однако такие суда имели возможность беспрепятственно пересекать государственную границу, что позволяло контактировать с иностранными и российскими судами [8, с. 84].

Тесное взаимодействие организованных преступных группировок России и Японии можно проследить в количестве российских пистолетов, изъятых из незаконного оборота полиции страны восходящего солнца. В 2000 году это количество достигло отметки в 27 пистолетов за год.

В начале 1991 года, правоохранительные органы Приморского края встретились относительно новым для этого региона, а также для всей России типом преступления – кража автомобилей, которые были доставлены по морю из Японии, а также переправка уже украденных автомобилей в Российскую Федерацию.

Так, преступники получали информацию от своих уведомителей о том, что судном будет доставлена крупная партия транспортных средств из Японии. Автомобили будут забирать их новые собственники. Похитители поджидали на безлюдной дороге владельцев привезённых транспортных средств, обманным путём заставляли их остановиться, а затем под угрозой оружия или расправы отбирали новый автомобиль и скрывались на нём, и это только одна из многих схем, с которыми пришлось столкнуться Приморским органам правопорядка.

Так, в 2000 году, группа преступников по дороге из г. Находки в г. Владивосток устроили «охоту» на водителей иномарок, чьи машины имели товарный вид. В тёмное время суток, на обочине находился микроавтобус, а рядом мужчина, который останавливал транспортные средства проезжающие мимо, с просьбами о помощи в устранении незначительной поломки. После того, как желающий помочь гражданин останавливался и подходил к микроавтобусу, из него появлялось несколько человек с оружием, которые забирали документы и ключи от автомобиля, а затем оставляли потерпевшего на безлюдной дороге, а зачастую расправлялись с жертвой.

В начале 90-х годов свою нишу заняли «медвежатники», то есть люди, которые специализировались на взломе замков и запирающих устройств, с целью кражи автомобилей, в основном используя отмычку. Взломщики могли действовать спонтанно, по наводке или заказу. Иногда, целью «медвежатников» был ценный груз, который мог находиться в транспортном средстве. В наше время, данный вид преступников постепенно исчезает из-за развития технологий и различного рода сигнализаций.

С проблемой бандитского террора вплотную приходилось работать «перегонщикам» – людям, которые занимались покупкой японских автомобилей на авторынках Владивостока, Уссурийска или Находки, а затем доставляли автотранспорт своих ходом вплоть до европейской части России.

Преступные группировки действовали уже по ранее отработанной схеме, под разными предлогами останавливали автомобиль «перегонщика», порой доходило до незначительного ДТП, а после отбирали транспортное средство и деньги, которые были у водителя при себе.

Довольно часто, «перегонщики» отстаивали своё право на владение автомобилем с помощью оружия, а другие объезжали «опасные зоны» с патрулями бандитов через лесные дороги, а в зиму по льду замёрзших рек.

Кража автомобилей был лишь половиной дела. Подделка документов обеспечивалась последовательностью действий и грамотным распределением ролей в группировке. После того, как машина была намечена, «медвежатники» взламывали замок и отключали сигнализацию, а затем на большой скорости увозили автомобиль к заранее подготовленному месту, где он передается тем, кто в срочном порядке меняет номера и садится за руль с поддельными документами.

Затем автомобиль перевозится в ремонтное помещение. Там перебивается номер на двигателе, после чего транспортное средство продается заранее подобранному клиенту, либо автомобиль разбирается на запчасти.

В 1997 году разгорелся новый международный конфликт. Полиция Японии выявила крупную транснациональную группировку, в которой было задействовано 30 граждан Японии и неустановленное количество граждан Российской Федерации. Банда действовала в 9 крупных префектурах Японии и незаконно переправили около 600 автомобилей из Японии в Приморский край. Установить личности некоторых преступников удалось только при тесном

взаимодействии правоохранительных органов Приморского края и полиции Японии[4].

Положительное влияние на взаимодействие в раскрытии и расследовании дел России и Японии оказал указ Президента РФ от 30 июля 1996 г. № 1113 «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерпола» [7] и Положения о Национальном центральном бюро Интерпола, утвержденные постановлением Правительства РФ от 14 октября 1996 г. № 1190. В соответствии с Уставом Международная организация уголовной полиции – имеет целью:

а) обеспечить широкое взаимодействие всех органов (учреждений) уголовной полиции в рамках законодательства страны;

б) создавать и развивать учреждения, которые могут успешно способствовать предупреждению уголовной преступности и борьбе с ней[5].

Японию вступила в Интерпол в 1956 году. А Российская Федерация находится в Интерполе с 1990 года на правах приемника СССР.

Совместная деятельность правоохранительных органов Японии и России отлично показала себя в борьбе с транснациональными преступными группировками такими как «Ямагучи», которые специализировались в основном на краже автомобилей и переправку их в Российскую Федерацию[8]. Сотрудникам обменивались данными, которые помогли в раскрытии и расследовании преступлений международных преступных группировок.

Таким образом, органы внутренних дел Приморского края в период с 1991 по 2000 года закономерно столкнулись со всплеском преступности, однако из-за уникального географического расположения Приморского края, деятельность преступников носила особенный характер. Также непосредственная близость Приморского края к Японии позволяла существовать разветвленной системе транснациональных преступных группировки, в борьбе с которыми взаимодействовали органы внутренних дел Приморского края и Японии.

Список источников и литературы

1. Герри А., Кетле А. Первые статистические исследования преступности. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberpedia.su/10x3d51.html> (дата обращения: 20.03.2022).
2. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.
3. Крушанова Л. А. Трансформация преступности в России в 1990–2000-х годах (на примере Дальнего Востока) // Журнал Российского права. 2021. № 6. С. 131–146.
4. Не рой другому «Ямагучи» // Владивосток. 1997. 5 ноября.
5. Постановление Правительства РФ от 14 октября 1996 г. № 1190 "Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола".
6. Репецкая А. Л. Транснациональная организованная преступность. Иркутск: БГУЭП, 2005. 491с.

7. Указ Президента РФ от 30.07.1996 N1113 (ред. от 27.10.2011) "Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерпола"
8. Шульга В. И. Транснациональные проявления организованной преступности на Дальнем Востоке России: предпосылки и общая характеристика // Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность: монография, Владивосток, 2001. 141 с.

© Климов В. Д., 2022

Научная статья

УДК 9. 93/94 (571.6) “1941/1945”

УЧЕБОЙ И ДЕЛОМ ЕДИНЫ: МОЛОДЫЕ КАМЧАТЦЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Ляскина Н.В. адъюнкт Дальневосточного юридического института
МВД России*

В статье освещается трудовой подвиг молодого поколения Камчатки. Особое внимание уделено развитию школьной и дошкольной сети, что способствовало сдерживанию безнадзорности несовершеннолетних, вовлечению их в государственное важное дело. Делается вывод о том, что, несмотря на все трудности военного времени, трудящиеся Камчатки и молодое поколение под руководством партийной организации внесли значительный вклад в общее дело по оказанию помощи фронту, чем способствовали усилению боевой мощи Красной Армии.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, Камчатка, школы, детские сады, трудовой подвиг, дети, безнадзорность.

Для цитирования: Ляскина Н.В. Учебой и делом едины: молодые камчатцы в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 219–224.

Original article

WE ARE UNITED IN STUDY AND WORK: YOUNG RESIDENTS OF KAMCHATKA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

*Lyaskina N. V., associate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of
Internal Affairs of the Russia*

The article highlights the labor feat of the young generation of Kamchatka. Special attention is paid to the development of the school and preschool network, which contributed to curbing the neglect of minors, involving them in an important state matter. It is concluded that, despite all the difficulties of wartime, the workers of Kamchatka and the younger generation, under the leadership of the party organization, made a significant contribution to the common cause of helping the front, thereby contributing to the strengthening of the combat power of the Red Army.

Keywords: Russia, the Far East, Kamchatka, schools, kindergartens, labor feat, children, neglect.

For citation: Lyaskina N. V We are united in study and work: young residents of Kamchatka during the Great Patriotic War. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 219–224. (In Russ.).

В современных условиях новой «Холодной войны», зарождения «неонацистской» пропаганды, развития полицентричной картины мира, научный интерес исследователей к изучению истории Великой Отечественной войны не иссякает, наоборот приобретает более тщательное научное изучение архивных документов и материалов, раскрывающие важнейшую веху борьбы советского народа с фашизмом.

Дальний Восток, как и другие регионы, в годы Великой Отечественной войны был глубоким тылом, но оперативная работа по недопущению вторжения Японии велась на протяжении всего периода войны. Данная проблема получила освещение в трудах дальневосточных исследователей: Г. А. Ткачевой, Н. А. Шабельниковой, А. В. Жадана, А. В. Усова, Т. А. Орнацкой и др. [2; 3; 4; 6; 7; 9; 10; 11; 12]. Одной из главных причин появления сирот, беспризорников, малолетних преступников являются войны, с которыми столкнулось советское государство на протяжении своего становления и развития государственности [6, с. 62].

Заслуживает внимание и такой стратегический район как Камчатка.

В 1938 году Дальневосточный край был разделен на Приморский и Хабаровский в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР с целью усовершенствования управления Дальним Востоком. В состав Камчатской области вошли: Алеутский, Быстринский, Усть-Большерецкий, Петропавловский, Усть-Камчатский районы, Корякский и Чукотский округа. В свою очередь Камчатская область относилась к Хабаровскому краю.

Советское государство еще в предвоенные годы, одной из важнейших задач считали, осуществление всеобщего среднего образования в городах и всеобщего 7-летнего обучения в деревнях и в национальных школах.

Охват детей школьным образованием в 1939–1940 учебном году составлял 93%, 1112 детей школьного возраста нигде не учились, из них 958 человек проживали в Корякском и Чукотском округах. В архивных свидетельствах отмечается, что причина скрывалась в недоработке окружных и районных отделов народного образования, которые не обеспечили открытие дополнительных интернатов и кочевых школ [5, с. 17].

Школьная сеть Камчатской области накануне войны (1940–1941 учебный год) состояла из 240 школ, в которых обучались 16746 учащихся, в том числе начальных школ – 186 (учащихся – 5363), неполных средних школ – 38 (учащихся – 4390), средних школ – 16 (учащихся – 6993 человека).

Но уже к 1941 году охват детей школьного возраста достиг 95,8%, 557 детей не посещали школу, в основном проживающие в тех же вышеуказанных округах, не смотря на устранение отделами народного образования недостатков [5, с. 16].

Каждый школьник осознавал, что прилежной учёбой он вносит вклад в общее дело – помощь фронту, так как полученные знания потребуются в мирной жизни при восстановлении инфраструктуры родной области. Камчатские школьники, преодолевая усталость, в основном «учились вечером, потому что днём им приходилось работать, заменяя ушедших на фронт взрослых» [1].

Отметим, что рабочей силы и квалифицированных кадров также как и в других регионах страны, не хватало и на Камчатке. Кадровый «голод» решался привлечением женщин-домохозяек, жён-красноармейцев, которые овладевали мужскими профессиями, в том числе значительную помощь оказывали подростки и переселенцы. Это была основа трудового резерва.

Трудовая мобилизация проводилась не только взрослого населения, но и учащихся школ и в период летних сельскохозяйственных полевых работ и уборки урожая [5, с. 207].

Архивный документ «Решение № 146 Исполкома Усть-Камчатского райсовета депутатов трудящихся» свидетельствует, что в целях обеспечения рабочей силой предприятий в путину 1943 года вводилась платная трудовая повинность для неработающих граждан, части служащих государственных учреждений и общественных организаций по утвержденным спискам райисполкома, а также учащиеся 6–10 классов. Школьники под руководством учителей направлялись на путину, где рабочий день устанавливался от 6 до 8 часов в зависимости от их возраста и характера работы. Работа на путине была обязательной для всех школьников. За уклонение от работы вышеперечисленных лиц могла наступить уголовная ответственность [5, с. 172].

Из писем, хранящихся в Государственном архиве Камчатского края, есть свидетельства, что труд школьников продолжался и более 8 часов. Так, из письма семиклассника средней школы № 4 Петропавловска-Камчатского Картакай Лены Васильевны: «... Мы заготавливали рыбу для фронта. Работали по 12, 14 часов с перерывами на еду. Когда темнело, на причале подвешивали керосиновые фонари. Работали до глубокой осени в ледяной воде мыли, разделявали рыбу, потом солили ее. ... Летом опять работали на рыбном промысле в бухте Шлюпочная. Потом нас перевели работать на рыбалку в село Начики. Ночью и на Зайчике и в Начиках многие кричали от боли в руках. ... После Начик нас послали на уборку картофеля и овощей в военный совхоз в окрестностях Петропавловска. ... Учебный год в 1942 году начался в ноябре. ...» [5, с. 357].

Занятость взрослого населения на военных предприятиях, на сельскохозяйственных работах в колхозах, совхозах, на путине, во всех сферах промышленности потребовала и развитие дошкольной сети.

К 1941 г. в области функционировал 21 детский сад, из них 8 – в Петропавловске, 13 – в районах Камчатской области. Дошкольные учреждения

были переполненными. Поэтому открытие новых садов происходило, в основном, при промышленных предприятиях. Постепенно появление ведомственных садов позволило улучшить вопрос в обеспечении местами в детских садах [8].

В период путины в районах области открывались сезонные детские ясли в целях широкого вовлечения женщин в предприятия рыбной промышленности для выполнения плана добычи и обработки рыбы. Открывались сады и при колхозах и совхозах. Ответственность за открытие и бесперебойную работу детских яслей возлагали на председателей поселковых и сельских советов, директоров комбинатов, председателей колхозов, которые должны были изыскать возможность предоставления пригодных помещений, отвечающие санитарным требованиям. В том числе они обеспечивали сады необходимым инвентарем, оборудованием, доброкачественными продуктами, получаемые от животноводческих ферм и огородничества, снабжали топливом, занимались подбором штата обслуживающего персонала из числа лучших колхозников [5, с. 173].

Ежегодно на время летней оздоровительной кампании с 15 июня по 15 сентября родители направляли своих детей на отдых в пионерские лагеря, дачи, детские площадки. Так, из решения № 349 Исполнительного Комитета Камчатского областного Совета депутатов трудящихся «О проведении оздоровительных мероприятий среди детей в летний период 1942 года» пионерлагеря должны были охватить 3–5 классы городских школ в количестве 300 детей и детскими площадками учащихся 1–2 классов городских школ в количестве 300 человек. Оплата стоимости путевок производилась за счет родителей и профсоюзов в размере 350 рублей [5, с. 349]. Дополнительно пионерские лагеря открывались при воинских частях, а руководство их работой возлагалось на городскую оздоровительную комиссию. Родители приобретали за свой счет путевку стоимость, которой была не более 225 рублей [5, с. 349].

Полный охват старшеклассников агротехучебой и автотракторным делом требовали реалии того времени. Усиленная подготовка начиналась с января. Также учащиеся 9–10 классов организовывали курсы трактористов, иногда этому подключали и учащихся 7–8 классов, срок обучения начинался с 25 января и продолжался по 25 апреля.

Примечательно, что к изучению агротехминимума подключали и учащихся среднего школьного звена с 5-го по 7-е классы, к рыбному промышленному обучению привлекали учащихся неполных средних и средних школ комбината. Дополнительные занятия по овладению навыков в аграрной, рыбной промышленности, приобретение новых специальных профессий проводились во внеурочное время [5, с. 351].

Вовлечение всего подрастающего поколения в трудовой фронт являлось необходимой мерой со стороны государства. Решались многие государственные важные задачи. Во-первых, бесперебойное снабжение фронта продуктами (рыбой, сельскохозяйственными продуктами); во-вторых, собственное снабжение продуктами населения Камчатской области; в третьих, занятость

молодежи (подростков) и детей позволило сдерживать негативные социальные явления как безнадзорность и совершение ими противоправных поступков; в-четвертых, оказывали посильную социальную помощь семьям военнослужащих, создавая тимуровские команды; в-пятых, каждый школьник осознавал, что находится в трудовом бою как родные и близкие его люди на фронте.

Камчатская область в годы войны столкнулась с общими трудностями, характерными для всех регионов страны: жилищные проблемы, нехватка рабочей силы и квалифицированных кадров, перебои в снабжении населения продовольственными и промышленными товарами, неудовлетворительное состояние многих учреждений образования и воспитания, нехватка школьных принадлежностей. Но, несмотря на это, трудящиеся Камчатки и молодое поколение под руководством партийной организации, как и в других регионах советского государства, внесли значительный вклад в общее дело по оказанию помощи фронту, чем способствовали усилению боевой мощи Красной Армии.

Список источников и литературы

1. Война: Камчатский край 1941–1945 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2936179.html> (дата обращения 18.03.2022).
2. Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. Том 3. Книга 3. Сер. История Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2020. 944 с.
3. Жадан А. В. Деятельность органов НКВД Дальнего Востока по борьбе с преступностью во второй половине 1945 г. // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 555–567.
4. Жадан А. В. Деятельность органов НКВД Дальнего Востока по борьбе с преступностью несовершеннолетних (1941–1945 гг.) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2 (30). С. 130–142.
5. Камчатская область в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн 1939–1945. Сборник документов Государственного архива Камчатского края. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2010. 492 с.
6. Ляскина Н. В. В тылу как на фронте: детство дальневосточников, опаленное войной (1941–1945 гг.) // Петрозаводск – город воинской славы: героические страницы прошлого Европейского Севера России: сборник статей и материалов V Межрегиональной научно-практической конференции (Петрозаводск, 24 сентября 2021 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2021. С. 62–67.
7. Орнацкая Т. А. Исторический опыт правового просвещения на Дальнем Востоке России (1917–1941 гг.). Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2020. 189 с.
8. Сесицкая А. С. Наше счастливое детство // Камчатский край. 2018. № 46. С. 19.
9. Ткачева Г. А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Хабаровск: ХКМ им. Гродекова, 2013. 339 с.
10. Усов А. В. Краснознаменная экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом океане: основные направления взаимодействия с органами госбезопасности (1932–1942 гг.) // Клио. 2021. № 3 (171). С. 152–156.

11. Шабельникова Н. А. Великая Победа в памяти поколений: Вторая мировая война в современной дальневосточной историографии // Клио. 2019. № 1 (145). С. 36–42.
12. Шабельникова Н. А., Усов А. В. Военно-мобилизационная работа НКВД Приморского края в начальный период Великой Отечественной войны // Клио. № 11 (179). С. 143–149.

© Ляскина Н. В., 2022

Научная статья

УДК 327+34.07

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Позднякова В. И., старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

В статье автор представляет патриотическое воспитание как основной фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в современных геополитических условиях. Основной акцент делается на патриотическом воспитании сотрудников органов внутренних дел. Автор приходит к выводу, что предназначение деятельности, условия ее реализации и «взрослость» субъектов определяют особенности реализации патриотического воспитания в органах внутренних дел.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, патриотизм, органы внутренних дел.

Для цитирования: Позднякова В. И. Патриотическое воспитание и особенности его реализации в органах внутренних дел // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 225–228.

Original article

PATRIOTIC EDUCATION AND PECULIARITIES OF ITS IMPLEMENTATION IN THE INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

Pozdnyakova V.I., senior lecturer of the Department of Humanities of the Vladivostok branch of the Far Eastern Home Ministry Law Institute of the Russian Federation, associate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

In the article, the author presents patriotic education as the main factor in ensuring the national security of the Russian Federation in modern geopolitical conditions. The main emphasis is on patriotic education of internal affairs officers. The author comes to the conclusion that the purpose of the activity,

the conditions for its implementation and the "adulthood" of the subjects determine the specifics of the implementation of patriotic education in the internal affairs agencies.

Keywords: patriotic education, patriotism, internal affairs agencies.

For citation: Pozdnyakova V.I. Patriotic education and peculiarities of its implementation in the internal affairs agencies. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 225–228. (In Russ.).

На рубеже XX–XXI вв. из-за смены парадигмы развития Россия оказалась в ситуации исторического перепутья. Болезненное состояние смены национальных, государственных, духовных ценностей и традиций, выбора пути, решения острых социально-экономических вопросов до сих пор осложняется внешними вызовами и угрозами, связанными с процессом глобализации, охватившим мир. В этой связи особую актуальность приобретают вопросы обеспечения национальной безопасности. 12 сентября 2012 года на встрече представителей власти и обществуности по вопросам нравственного и патриотического воспитания молодежи в Краснодаре

В. В. Путин впервые сформулировал национальную идею и объявил о построении на ее основе национально-государственной идеологии [1]. С этого времени тема патриотизма, как ресурса обеспечения национальной и цивилизационной безопасности, как центральной идеи, вокруг которой должна строиться политическая, духовная, культурная жизнь общества, постоянно присутствует в риторике Президента Российской Федерации [2;3;4]. Актуализация проблемы патриотического воспитания на уровне государственной политики (культурной, образовательной, молодежной) подтверждается принятием новых нормативно-правовых актов (Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся») и внесениями изменений в действующие (новая ст 67.1 Конституции РФ), практическими инициативами (инициатива «Патриотическое воспитание» национального проекта «Образование») и программными документами.

Вопросы патриотизма и патриотического воспитания граждан находятся в фокусе внимания как в общем, так и специализированном ракурсах. В частности, патриотическое воспитание является одним из приоритетных направлений, по которым проводится воспитательная работа с личным составом в органах внутренних дел (далее – ОВД). Особый потенциал этого направления объясняется тем, что наличие у сотрудника ОВД качеств гражданина – патриота, является системообразующим компонентом его профессионализма и профессиональной пригодности, основой его правового статуса. Другими словами, сотрудник полиции обязан быть патриотом, от этого зависит его способность участвовать в укреплении и совершенствовании основ общества, готовность

к выполнению задач, связанных с обеспечением законности, общественного порядка, прав и законных интересов граждан [7].

В структуре деятельности ОВД заложены особенности, которые необходимо учитывать при реализации деятельности по патриотическому воспитанию.

Во-первых, субъектом воспитания в ОВД являются взрослые люди. Воспитание и развитие личности взрослого человека качественно отличается от воспитания ребенка. Наличие жизненного опыта, целостной самооценки личности, сформированных системы ценностей, убеждений, мировоззрения, нравственной позиции, характера взаимоотношения с социальным окружением, сознательность и потребность в обосновании (смысле) обеспечивают взрослому статус субъекта деятельности, то есть переводят воспитание из процесса воздействия в процесс взаимодействия.

Из основания активности и ведущей роли взрослого человека в ходе воспитания вытекают два следствия. Патриотическое воспитание взрослого человека не может ограничиваться информационной или функциональной грамотностью, оно должно быть сугубо индивидуальным, ориентированным на полиморфную смысловую сферу личности (личное экзистенциальное пространство человека, личностные смыслы, мотивы, ценности), «живое», личностное понимание и переживание.

Чувство патриотизма является высшим чувством. Не всякий человек готов преодолеть «инстинктивную адаптацию» [6, с. 22], отказаться от личностных интересов и потребностей и пожертвовать жизнью ради других людей и своей страны. Существует субъективное условие эффективного патриотического воспитания, которое необходимо учитывать при профессиональном отборе, – наличие у человека высокого уровня патриотического сознания и отношения.

Во-вторых, направленность и характер патриотического воспитания в ОВД детерминировано спецификой служебной деятельности и функциональными обязанностями. Анализ статьи 1 ФЗ № 3 «О полиции» и текста присяги позволяет сделать вывод о наличии отличий (например, от военнослужащих) в понимании патриотизма и его проявлении в профессиональной деятельности сотрудников ОВД. Полиция предназначена для обеспечения защиты жизни и здоровья, прав и свобод не только граждан Российской Федерации, но и иностранных граждан и лиц без гражданства [5, с. 3]. Следовательно, патриотическое воспитания сотрудников ОВД должно осуществляться через развитие человекообразности и толерантности. Сотрудник ОВД служит России через службу Закону, а значит, основными объектами проявления его патриотизма должны являться государство и государственность, их благополучие и развитие.

В – третьих, сотрудникам ОВД приходится иметь место с негативными сторонами жизни общества, работать в экстремальных условиях с большой морально- психологической и физической нагрузкой. В связи с этим важно, чтобы патриотическое отношение сотрудника ОВД было тождественно отношению сына к матери, который любит ее такой, какая она есть: гордится ее сильными сторонами и готов помочь и поддержать ее в минуты слабости.

Таким образом, патриотизм – основа национальной безопасности Российской Федерации и одно из ключевых требований, предъявляемых к профессионализму сотрудников ОВД, как представителям государственной власти. Патриотическое воспитание сотрудников ОВД является ключевым направлением воспитательной работы и детерминировано особенностями профессиональной деятельности: ее предназначением, условиями реализации и «взрослостью» субъектов.

Список источников и литературы

1. Встреча Президента с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16470> (дата обращения: 25.11.2021).
2. Встрече с представителями российских деловых кругов от 19.12.2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/53498/audios> (дата обращения: 25.11.2021).
3. Москва. Кремль. Путин. Эфир от 10.05.2020 [Электронный ресурс] Сетевое издание Вести.РУ URL: <https://www.vesti.ru/video/2023859> (дата обращения: 25.11.2021).
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 12.12.2012 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699> (дата обращения: 25.11.2021).
5. Федеральный закон от 07.02.2011 № -3ФЗ «О полиции». Москва: Проспект, 2021. 64с.
6. Фромм Э., Искусство любить. Москва: Издательство АСТ, 2017. 221с.
7. Щеглов А.В., Кушнаренок И. А., Эрдниев А. С. Патриотическое воспитание сотрудников органов внутренних дел: метод.рекомендации. Москва, 2014 [Электронный ресурс] // ДГСК МВД России. URL: <https://дгск.мвд.рф> (дата обращения: 15.09.2021).

© Позднякова В. И., 2022

Научная статья

УДК 343

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1990–2000-Х ГГ.

Степанов Н. С., курсант Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

Научный руководитель

Шабельникова Н. А., профессор кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, доктор исторических наук, профессор

В статье анализируются состояние и структура преступности граждан КНР осуществляющих преступную деятельность на территории Дальнего Востока России. Анализируются причины и особенности проникновения в транснациональной преступности в сферу общественных отношений и государственных институтов. В статье описываются виды наиболее частых преступлений, их характерные черты.

Ключевые слова: транснациональная преступность, незаконная миграция, организованная преступность, контрабанда, российско-китайские отношения.

Для цитирования: Степанов Н. С. Проблемы борьбы с транснациональной преступностью на Дальнем Востоке в 1990–2000-х гг. // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 229–234.

Original article

PROBLEMS OF COMBATING TRANSNATIONAL CRIME IN THE FAR EAST IN THE 1990S–2000S

Stepanov N. S., cadet of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Scientific supervisor

Shabelnikova N. A., Doctor of History, Full Professor, Department of Humanitarian Disciplines Vladivostok branch of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The article analyzes the state and structure of crime of citizens of the People's Republic of China engaged in criminal activities in the Far East of Russia. The reasons and features of the penetration of transnational crime into the sphere of public relations and state institutions are analyzed. The article describes the types of the most frequent crimes, their characteristic features.

Keywords: transnational crime, illegal migration, organized crime, smuggling, Russian-Chinese relations.

For citation: Stepanov N. S. Problems of combating transnational crime in the Far East in the 1990s-2000s. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 229–234. (In Russ.).

После распада СССР основной проблемой новообразованного государства стала погруженность в длительный систематический экономический кризис. Данный фактор сказывался на всех остальных сферах общественной жизни, где наблюдались различные процессы, дестабилизирующие внутренний порядок страны. В условиях несовершенства законодательства и социально-экономических проблем населения происходит маргинализация населения, что приводит к всплеску преступности, немалую часть которой занимает сегмент транснациональной преступности.

Геополитические особенности расположения Дальнего Востока обусловили тесный контакт со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, преимущественно Китаем и Японией. Однако с приходом сводной торговли, иностранных инвестиций и рабочей силы, в Россию проникают многочисленные криминализованные группы из соседних азиатских государств [5]. Среди населения значительно увеличилась доля незаконных мигрантов, которые совершают различные преступления, как самостоятельно, так и в числе представителей, укоренившихся на дальневосточной территории иностранных преступных группировок. Вливание преступного иностранного сегмента в российскую общественную жизнь усугубляло тяжелую ситуацию в стране, нарушая функционирование многих государственных институтов. На протяжении 1990–2000-х гг. острой проблемой оставалась масштабная незаконная миграция [2]. Многочисленность китайских представителей криминального мира проникающих во многие сферы общественных отношений обусловила слияние различных криминализованных групп в транснациональную организованную преступность с четко отлаженной системой связей и каналов с зарубежными государствами, что представляло реальную угрозу внутреннему строю государства. Быстрое развитие хорошо организованных

китайских групп происходило посредством использования насилия, коррупционных схем, давление на своих же граждан, легально находившихся на территории России. Кроме из-за проявления этнической лояльности и нежелания самих жертв обращаться за помощью ввиду страха миграционного преследования, выявить свидетелей преступлений криминальных китайских групп не представлялось возможным. Это обуславливает латентный характер большинства преступлений китайской преступности [3]. Данные особенности сильно усложняли работу правоохранительным органам.

Основной криминальной направленностью действий транснациональных преступных группировок в России, находящейся в процессе перехода от плановой экономики к рыночной, является преступная деятельность в сфере экономики с целью получения сверхдоходов, в частности, добываемых путем разбойных бандитских акций, похищения женщин и девушек и продажи их в притоны, торговли наркотиками, поборов и вымогательств, шантажа, вкладывания денег, полученных незаконным путем в питейные заведения, рестораны, ночные клубы. Огромный доход им приносит контрабанда большого количества экологических ресурсов, добываемых незаконным путем, в их числе есть малочисленные представители флоры и фауны, занесенные в красную книгу.

На Дальнем Востоке происходит активная интеграция российских и китайских мафиозных структур. Большим влиянием в этой сфере обладают «триады». Китайские триады в современных условиях следует рассматривать не только как криминальное явление, но и как наиболее активный элемент китайских диаспор, выполняющий роль катализатора процесса оседания у нас китайских граждан.

Преступные группировки учреждают компании с совместным капиталом по покупке и продаже недвижимости, земельных участков, используя доверенных лиц. Вкладывают деньги в строительство различных объектов, приносящих прибыль, проникают в отдельные сферы промышленно-хозяйственной деятельности занимаются контрабандой золота, культурных ценностей, бытовой техники, лекарственных препаратов, табака, оружия, взрывчатых веществ и боеприпасов, мошенничеством в кредитно-банковской сфере. Представители организованной преступности совершают также грабежи, разбойные нападения, бандитизм, убийства, членовредительство, похищение людей с целью выкупа, занимаются нелегальной переправкой людей за границу.

В середине 2000-х в Приморском крае в структуре совершенных гражданами КНР преступлений наибольший удельный вес составляли незаконное пересечение государственной границы – примерно 73,2%; контрабанда – 7,7%; экологические преступления – 5,8%; кражи и разбой по 2,2%; незаконный оборот наркотиков и угроза убийством по 1,4%; умышленный тяжкий вред здоровью – 0,7% [1].

В процессе всего времени незаконного присутствия на территории Дальнего Востока, представители китайской преступности непрерывно занимаются нелегальной добычей экологических ресурсов и их последующем сбытом. Преимущественно данная деятельность распространена в Приморском

и Хабаровском краях, в ареалах обитания редких красно-книжных животных и территориях произрастания малочисленных растений (таблица 1). Уничтожая медведей, амурских тигров, добывая в корень женьшеня в большом количестве, китайская преступность наносит большой урон экологической сфере регионов [6].

№	п/п Красной книги РФ	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Всего
1	Китайский окунь – ауха	3.2 кг	3 шт.	5 шт.	66 кг	—	—	80 кг
2	Черный амурский лещ	—	—	3.5 кг	—	1 шт.	—	8 кг
3	Желтощек	—	—	20 шт	—	—	—	20 шт.
4	Корень дикорастущего женьшеня	4.791 кг	11.5 кг	8 кг	1.4 кг	4.5 кг	4.5 кг	34.69 кг
5	Зубы кашалота	10 шт.	—	—	—	—	—	10 шт.
6	Дальневосточная мягкотелая черепаха	—	1 шт	1шт	—	—	—	2 шт.
7	Кости амурского тигра	3.27 кг	—	21,5 кг	—	—	—	24.77 кг
8	Шкуры амурского тигра	—	—	—	8 шт.	—	—	8 шт.
9	Лапы амурского тигра	—	—	—	3 шт. (1632 г)	—	—	1.6 кг

Источник: данные о проведенных таможенными органами оперативных мероприятий (2009 по 2014 г.) региона <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii?page=2>

Находясь в нелегальной миграции китайцы задействованы на территории Российской Федерации в незаконной деятельности по добыче экологических ресурсов флоры и фауны, а также их последующем сбыте по контрабандистским каналам на рынки зарубежных государств. На российском Дальнем Востоке китайские преступные группировки вовлечены в заготовку и экспорт российской древесины. Эти группы управляют большими лесными массивами в Хабаровском и Приморском краях, Амурской и Читинской областях, граничащих с северным Китаем. Для организации незаконных лесозаготовок и экспорта леса китайские преступные группировки часто сотрудничают с японской якудзой и российскими преступными группами. По приблизительным оценкам китайские триады ежегодно незаконно экспортируют около 1,5 миллионов кубометров российского леса на сумму 300 миллионов долларов США [4].

Огромный вклад в борьбу с контрабандой внесли таможенные органы. Уже-сточение таможенного контроля, взаимодействие с кинологической службой, реализация деятельности оперативно-разыскных мероприятий – позволили задерживать большие потоки стратегически важное биологическое сырье, незаконно перевозимое через границу.

Также транснациональная преступность наносит огромный урон населению страны, неблагоприятно влияя на здоровье нации и ухудшая демографическую ситуацию. Связано это с незаконным оборотом наркотиков на территории региона. Определенный процент изымаемых из незаконного оборота синтетических наркотиков поступают из Китая, где активно производятся их новые виды. Серьезную опасность представляет ввоз сильнодействующих веществ, из которых уже на российской территории в подпольных нарколабораториях изготавливают метамфетамин.

Противодействие китайской организованной преступности для наших правоохранительных органов осложняется тем, что для эффективной работы по выявлению и борьбе с преступностью необходимо тесное взаимодействие с различными службами зарубежных государств, ввиду интернационального характера проблемы. Штатные методы противодействия, не выходящие за территориальные границы Российской Федерации, не несут должных результатов, обуславливается это еще и тем, что китайское организованное преступное сообщество относится к числу наименее изученных. Преступления, совершаемые членами китайской диаспоры, трудно раскрываемые так, как лишь в единичных случаях затрагивают не их соотечественников, а также потому, что все участники китайского преступного сообщества «дают обед молчания» и нарушивший его заранее знает, что его найдут, где бы он ни был и жестоко накажут. Кроме того, сбор доказательств в отношении лидеров китайской организованной преступности на территории России значительно осложняется различиями в воровских традициях двух стран. Также на проблеме выявления преступлений транснационального характера сказывается факт постоянного совершенствования методов незаконной деятельности и усложнения структуры связей многих уровней государственной власти. Для эффективной борьбы с таким видом преступности необходимо усиление правоохранительных органов разных стран.

Список источников и литературы

1. Баранник И. Н. Транснациональная организованная преступность и сотрудничество правоохранительных органов российского Дальнего Востока и стран АТР в борьбе с ней. Диссертация – М., 2006. – 234 с.
2. Егоров Ю.Н., Самсонов А. В. Организованная преступность в Восточносибирском и Дальневосточном регионах в 1992–2003 гг. [Электронный ресурс]. URL: // <http://mion.isu.ru/pud/sd-natdez>.
3. Номоконов В. Особенности транснациональной преступности на Дальнем Востоке России. [Электронный ресурс] <http://www.bg-znanie.ru/print.phpnid=26594>.

4. Результаты деятельности природно-ресурсного комплекса Хабаровского края [Электронный ресурс]. URL: <http://mpr.khabkrai.ru/contents/94>.
5. Транснациональные проявления организованной преступности на Дальнем Востоке России (предпосылки и общая характеристика) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.crime.vl.ru/docs/books/book4/g2/3.htm>.
6. Хасанский район – один из лидеров по браконьерству на ДВ [Электронный ресурс]. URL: <http://deita.ru/news/incidents/02.12.2011/179577-khasanskij-rajon-odin-iz-liderov-po-brakonjerstvuna-dv/>.

© Степанов Н. С., 2022

Научная статья

УДК 351.74: 343.368.4 (571.1)

ОТДЕЛЬНЫЕ НЕДОСТАТКИ, В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1950–1960-Е ГГ.)

Суверов С.Е., адъюнкт Омской академии МВД России

Развитие советской пенитенциарной системы, в 1950–1960-е гг. было связано с ослаблением государственной карательной политике, постепенной ликвидации исправительно-трудовых лагерей, уменьшением количества осужденных. Однако существовавшие недостатки в ее деятельности, так и не были исправлены. Это было связано, прежде всего, с существовавшей кадровой проблемой, деформацией правосознания у части сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: заключенные, пенитенциарная система, недостатки, надзирательский состав, сотрудники.

Для цитирования: Суверов С.В. Отдельные недостатки, в деятельности советской пенитенциарной системы в Западной Сибири (1950–1960-е гг.) // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 235–237.

Original article

SEPARATE DEFECTS IN THE ACTIVITIES OF THE SOVIET PENITENTIARY SYSTEM IN WESTERN SIBERIA (1950–1960S)

Suverov S.E., associate Professor of the Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia

The development of the Soviet penitentiary system in the 1950s and 1960s was associated with the weakening of the state punitive policy, the gradual elimination of correctional labor camps, and a decrease in the number of convicts. However, the existing shortcomings in its activities have not been corrected. This was due, first of all, to the existing personnel problem, the deformation of the legal consciousness of some law enforcement officers.

Keywords: prisoners, penitentiary system, shortcomings, supervisory staff, employees.

For citation: Suverov S. E. Separate defects in the activities of the soviet penitentiary system in Western Siberia (1950–1960s). Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 235–237. (In Russ.).

Многочисленные, проблемы, существовавшие в советской пенитенциарной системе, еще начиная с 30-х гг., прошлого столетия, оставались и в последующий период (1950–60-е годы). Поддержания социалистической законности, в местах лишения свободы, многое зависело от руководства подразделений, а так же исполнительной дисциплине всего личного состава.

Советская исправительно-трудовая система, была излишне засекречена, в стране не существовало научных разработок по противостоянию криминальным лидерам, руководство пенитенциарных учреждений в одиночку пыталось решать эту проблему, опираясь лишь на свой опыт и знания коллег [4, с. 80].

В изучаемый период, среди осужденных, преобладали неформальные нормы, которые выражали пренебрежительное отношение к любой собственности [3, с. 30], а также и человеческого достоинства. Игнорирование это факта, со стороны части надзирательского состава, по сути, дискредитировало саму систему наказания, наглядно показывая неэффективность попыток перевоспитания преступного элемента.

Отсутствие надлежащего контроля над распределением продуктов питания, вещевого довольствия, приводило к массовому расхищению, как со стороны отдельных сотрудников правоохранительных органов, так и криминального элемента.

В октябре 1957 г. в П/Я № ЯУ – 114/4 Томской области были вскрыты серьезные недостатки в работе продовольственного пищеблока, (он находился в антисанитарном положении, полы были грязные, разделочные столы и посуда грязные). Столовые весы, гири и мясорубка были покрыты ржавчиной. Калорийность в меню не проставлялось, контроль за закладкой продуктов в котел отсутствовал. При проверке были обнаружены излишки сортовой муки – 3,5 кг., соевой муки 2, 5 кг., растительного масла – 0,35 кг., картофеля до 25 кг., не доставало рыбы – сельди 0,9 кг. Внутренний порядок не поддерживался, полы были грязные, под кроватями находились чемоданы и «узлы» с грязным бельем [1, л. 132].

Ряд сотрудников применяли физическое и психическое насилие в отношении заключенных. В следственном изоляторе города Томска, 13 сентября 1964 г. надзиратель 1 категории сержант В. В. Арвы во время несения службы на внутреннем посту № 2 в корпусе № 1 вывел заключенного «М» из камеры с вещами на разговор – т. н. «базар», при этом унижая его человеческое достоинство, насмехаясь над ним, в завершении облив его вещи водой из пожарной

бочки. После проведения служебного расследования, вследствие совершенного порочившего, В. В. Арва, был понижен в должности [2, л. 206].

Таким образом, существовавшие недостатки в деятельности пени-тенциарных учреждениях Западной Сибири в изучаемое время, были связаны, прежде всего, с нехваткой квалифицированных кадров надзирательского состава, слабого контроля со стороны руководства, халатного отношения к своим служебным обязанностям и деформации отдельных сотрудников, распространенной среди спецконтингента преступной философии (пренебрежении к чужой собственности и личности и советскому законодательству).

Список источников и литературы

1. Архив Информационного Центра УМВД России по Томской области. Ф.2. Оп. 1. Д. 27.
2. Архив Информационного Центра УМВД России по Томской области. Ф.25. Оп. 1. Д. 43.
3. Перемолотова Л.Ю, Криминологическая характеристика неформальных норм тюремной субкультуры // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 2 (43). С. 30–33.
4. Суверов Е.В., Шашин Д.Г. Детерминанты деятельности сотрудников НКВД в 1930-е годы применительно к особенностям реализации принципа законности в исправительно-трудовых учреждениях // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 1 (38). С. 79–85.

© Суверов С. Е., 2022

Научная статья

УДК 94(47).084.3/084.5

МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА ПО БОРЬБЕ С НАРКОМАНИЕЙ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-Е ГОДЫ

*Тюркова А.А., адъюнкт Дальневосточного юридического института
МВД России*

В статье рассматриваются меры органов здравоохранения по борьбе с наркоманией на территории РСФСР в 1920-е годы. Обращается внимание на то, что наркотики в тот период резко стали доступным товаром для всех слоев населения. Выделяются особенности фармацевтического контроля с целью недопущения нелегального отпуска лекарственных средств, содержащих наркотические вещества. Делается вывод о том, в 1920-е годы пик заболеваемости наркоманией по всей стране стал причиной активизации строительства новых медицинских специализированных учреждений, разработки методик избавления от наркозависимости.

Ключевые слова: наркомания, Россия, история, медицина.

Для цитирования: Тюркова А. А. Меры медицинского характера по борьбе с наркоманией в Советской России в 1920-е годы // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 238–244.

Original article

MEDICAL MEASURES TO COMBAT DRUG ADDICTION IN SOVIET RUSSIA IN THE 1920S

*Tyurkova A. A., post-graduate student the Far Eastern Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

The article discusses the measures of health authorities to combat drug addiction in the territory of the RSFSR in the 1920s. Attention is drawn to the fact that drugs at that time sharply became an affordable commodity for all segments of the population. The features of pharmaceutical control are highlighted in order to prevent the illegal release of medicines containing narcotic substances. It is concluded that in the 1920s, the peak of the inci-

dence of drug addiction throughout the country caused the intensification of the construction of new medical specialized institutions, the development of methods for getting rid of drug addiction. Key words and phrases: drug addiction, Russia, history of Russia, medicine.

Keywords: drug addiction, Russia, history, medicine.

For citation: Tyurkova A. A. Medical measures to combat drug addiction in Soviet Russia in the 1920s. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 238–244. (In Russ.).

Наркомания – это состояние человека, при котором характерно патологическое влечение к употреблению наркотических веществ, сопровождающееся психическими, а иногда и соматическими расстройствами. Наркомания имеет глубокие исторические корни и на протяжении многих веков является глобальной проблемой человечества, требующей принятия мер со стороны общества и государства. Особенность изучения данного негативного явления заключается в том, что проблема имеет комплексный характер, в рамках которой разрабатываются юридические, педагогические, психологические и медицинские аспекты. Важное значение имеет осмысление исторического опыта противодействия этому явлению.

В трудах таких отечественных исследователей, как В. А. Аникина, Н. А. Милешиной, Л. А. Потаповой, Т. С. Кильмяшкиной, А. С. Шоломовича получили рассмотрение проблемы наркотизма, в том числе, с точки зрения анализа антинаркотического законодательства [1; 7; 13]. Разработка отдельных аспектов, связанных с изучением мер медицинского характера на Дальнем Востоке России представлена в монографических исследованиях и статьях, в которых обращается внимание на то, что наркотики в рассматриваемый период были доступным товаром для всех слоев населения, обобщаются меры противодействия, в том числе, и правоохранительных органов, по борьбе с наркопреступностью [5; 9; 10; 11].

В 1920-е годы в РСФСР зафиксировано резкое увеличение числа лиц, которые страдали такими «социальными болезнями», как алкоголизм, бродяжничество, проституция, наркомания. Распространение данных явлений являлось закономерным следствием экономических, социальных и политических причин. Революционные события, Гражданская война, смена власти и иностранная интервенция оставили глубокий след в развитии общества и государства, что повлияло на криминогенную ситуацию в стране.

В период новой экономической политики увлечение наркоманией перестало быть привычкой только для богатых и богемных представителей общества. Наркотические вещества широко распространились во все слои населения и их употребление стало обычным явлением в губерниях, уездах и селлах [8, с. 129].

Следует отметить, что введение «сухого закона», который был введен в оборот в 1914 г., является одной из причин возбуждения интереса людей к наркотикам, так как до 1925 г. они были гораздо доступнее алкоголя. Так, в статье К. Ф. Аркиной «Кокаинизм как фактор преступности» приведена в пример следующая ситуация: «Старший сын, 19 лет ... служил в советском учреждении, был на хорошем счету. На Пасхе 1921 г. пошел с товарищами искать самогонку, не нашли, но вместо нее нашли кокаин и нанюхались. С тех пор так пристрастился к кокаину, что не может отстать» [2, с. 73]. В дефиците был не только алкоголь, но и табак, поэтому их приобрести даже нелегальным путем было весьма затруднительно. А наркотические вещества в тот период широко применялись в медицине, и в аптеках и складах лекарственных препаратов часто наблюдалось нарушение правил отпуска кокаина.

В целях урегулирования оборота наркотических веществ была издана инструкция Наркомздрава от 13.06.1923 г. «Об отпуске опия, морфия, кокаина и их солей». Согласно данному документу, органы милиции имели право задерживать лиц, пытающихся предъявить поддельный рецепт медицинским работникам с целью приобретения наркотического средства. По новым правилам, отпуск опия, морфия, кокаина и их солей из производственных предприятий в оптовые аптечные склады, а затем в аптеки и лечебные заведения могли производиться только по талонам ордерных книжек, которые выдавались губернскими отделами здравоохранения.

Рецепты на лекарственные препараты, содержащие наркотические вещества, были действительны в течение семи дней после их первоначального прописывания. Для повторного назначения опия, морфия, кокаина и их солей требовалось визирование рецепта врачом с заверенной им печатью. Разрешалось отпускать из аптек опия – не более полграмма, морфия и кокаина – не более трех дециграммов. Взвешивание опия, морфия, кокаина и их солей производилось под наблюдением управляющего предприятием или контролера аптеки.

В производственных предприятиях, оптовых аптечных складах и в аптеках хранение допускалось исключительно в особых шкафах для сильнодействующих средств списка "А" Российской фармакопеи, под замком, ключ от которого хранился у управляющего предприятием или его заместителя. В оптовых аптечных складах и аптеках велась приходо-расходная запись, на основании документов, в книге, которая заверялась губернским отделом здравоохранения.

Многие врачи видели решение проблемы наркотизма в улучшении социально-экономической ситуации в стране. Они полагали, что уничтожение частного капитала, искоренение «пережитков капитализма» позволят снизить чрезвычайно высокие показатели. За этими идеями стояли требования врачей усилить контроль за производством, импортом, распространением и продажей наркотических веществ.

Изданные в период 1920-х годов законодательные акты не предусматривали принудительного лечения или уголовного преследования лиц, потреблявших наркотики. Этой позиции придерживался нарком здравоохранения

Н. А. Семашко, и в статье: «О кокаинизме и борьбе с ним» он объяснял суть принятых законов по борьбе с наркоманией. Он писал: «Как и при всякой социальной болезни, мы обрушиваемся не на “больного”, а на болезнь. Как мы преследуем не проститутку, а проституцию, так и здесь преследовать надо не кокаинистов, а кокаинизм (наркоманию). Как и в борьбе с проституцией, мы все жало репрессий направили не на проститутку, а против тех, кто несчастным положением женщины пользуется для корыстных целей, так точно и здесь все острие репрессий направляем мы против этих паразитов».

Лояльное отношение к людям, страдающим наркоманией, являлось одной из составляющих общей тактики вытеснения социальных пороков в период НЭПа. В 1925 г. на конференции наркосекции Мосздравотдела обсуждался вопрос против идеи административного воздействия на наркоманов и создания концлагерей для них, даже в мягкой форме, предложенной НКВД. Принудительное лечение считали возможным только для определенной категории наркоманов, которые могли представлять социальную угрозу. Также на конференции отмечалось малое количество специализированных учреждений для обследования и изучения наркоманов [4, с. 179].

Уже с середины 1920-х годов стали создаваться не только в центральных районах, но и в отдаленных регионах наркосекции, наркопункты и наркодиспансеры, которые являлись важнейшими инструментами противодействия наркомании [6, с. 360]. Спустя время появились также и учреждения для детей, больных наркоманией. Кроме того, наркоманам оказывали и психиатрическую помощь. В среднем за два года каждый наркоман проходил лечение в психиатрической клинике от двух до пяти раз в течение шестидесяти двух дней.

В 1925 при московском наркодиспансере было открыто детское клиническое отделение для беспризорных детей – кокаинистов, через которое за полтора года прошел 151 ребенок. Особое внимание со стороны государства также уделялось созданию лабораторий и библиотек, организации бесплатных консультаций. Для молодежи и беспризорных детей организовывали особые профилактические мероприятия. Создание наркологических диспансеров было запланировано по американскому и западноевропейскому образцу.

Главным учреждением для лечения наркозависимых людей в Петрограде-Ленинграде в 1917–1924 гг. был Патолого-рефлексологический институт В. М. Бехтерева. Курс лечения включал в себя длительное содержание в стационаре (несколько месяцев), отнятие наркотика, различные формы гипноза, психотерапии и физиотерапии (электротерапия, водолечение, светолечение и т. д.), а также инъекции кислорода и стрихнина. В качестве основного метода медработники использовали принятие ванн с хлористым кальцием. Рацион пациентов состоял из еды, вызывающей сильную жажду, которая способствовала обильному употреблению воды. Это вызывало сильное потоотделение, что помогало выведению наркотика из организма. Психическое угнетение и раздражительность проявлялись у больных от трех до шести дней, затем повторялись через один – два месяца. По истечении этого периода врачи да-

лее переходили к психотерапии и гипнозу. В большинстве случаев контроль за больным не прекращался и после выписки из медицинского учреждения.

Но несмотря на впечатляющие идеи Патолого-рефлексологического института, в первые годы советской власти учреждение было в плачевном материальном состоянии. До середины 1920-х годов лечение пациентов производилось в условиях отсутствия необходимого больничного инвентаря, неудовлетворительного питания, недостаточного отопления, скудности лекарственных средств. Электропроводка, крыша, канализация и многое другое требовали немедленного капитального ремонта.

Учитывая опыт диспансерной работы по борьбе с туберкулезом и венерическими заболеваниями, Н. А. Семашко утверждал, что наркологические диспансеры должны иметь право «вмешиваться» в личную и профессиональную жизнь пациентов, тем самым выполняя свои лечебные и просветительные функции. Так, в дальнейшем стратегия борьбы с наркоманией больше углублялась в санитарное просвещение населения, так как законодательные меры и медицинская профилактика не давали желаемых результатов. В первую очередь было важным донести информацию об опасности употребления наркотических веществ до широкого круга лиц. К тому же, в профилактических мерах нуждались и сами врачи, и студенты-медики.

После отмены «сухого закона» в 1925 г. на прилавках магазинов стали вновь появляться алкогольные напитки, и достать наркотики уже было намного труднее, так как спрос становился все меньше. Врачи отмечали, что большинство наркоманов, прибегая к употреблению больших доз спиртной продукции, старались таким образом освободиться от кокаиновой зависимости.

К концу 1920-х годов защита государственной границы и таможенный контроль стали качественней и были надежным помощником в борьбе с нелегальным импортом наркотических средств. Огромную роль сыграли и принимаемые законодательной властью репрессивные меры в отношении торговцев наркотиков и нарушителей правил отпуска медикаментов. Необходимо ответить, что санитарно-просветительная работа по профилактике «социальных болезней» тоже дала свои плоды. Так, уже в 1928 г. руководство Московского наркодиспансера отмечало, что резко снизилось количество обследуемых детей – кокаинистов. Среди пребывающих в столичных труд-профилакториях существенно сократилась и доля проституток – наркоманок (лишь 4 % нуждались в длительном лечении в наркодиспансере) [3, с. 20].

Но следует учитывать, что данные официальной статистики могли разниться с реальной ситуацией. В стране с течением времени стал больше развиваться культ власти, идеализация политических решений, поэтому было не принято говорить о существовании в социалистическом государстве таких негативных проблем как проституция, бродяжничество, наркомания и т. д. В связи с этим изучение данной социальной проблемы было приостановлено, а данные статистики часто не соответствовали действительности.

Так, в 1929 г. в декабрьском номере журнала «Вопросы здравоохранения» в разделе «Хроника» указывалось, что врачи Краснодара обеспокоены серьез-

ной угрозой со стороны гашиша, «получившего массовое распространение среди деклассированных групп населения и начавшего захватывать другие слои». Анаша стала сильным конкурентом кокаина и опия. Медики предлагали в законодательном или административном порядке установить такие условия посадки, сбора и хранения индийской конопли, которые помешали бы распространению гашиша [12, с. 477].

Таким образом, в 1920-е годы в условиях распространения наркомании органы здравоохранения принимали необходимые меры по ликвидации опасной зависимости среди населения. Были созданы наркодиспансеры, клиники, разработаны методики лечения больных. Особое внимание уделялось санитарно-профилактической работе, что выражалось в регулярном проведении просветительных мероприятий, направленных на массовое осознание вреда, причиняемого наркотическими средствами. Важным сдерживающим фактором являлось издание нормативных актов в области здравоохранения, которые служили регулятором выдачи медикаментов с аптечных складов и аптек. К концу 1920-х годов наркотики стали не таким распространенным нелегальным товаром, как в начале десятилетия. Этому способствовали результаты проведенной комплексной работы работников сферы законодательства, правопорядка, медицины и др. Но вопрос о ликвидации наркомании до сих пор остался открытым, так как с течением времени данное явление приобретает новые опасные формы, с которыми необходимо бороться, привлекая все доступные средства.

Список источников и литературы

1. Аникин В. А. Исторические аспекты становления российского уголовного законодательства об ответственности за нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ // Общество и право. 2010. № 2. С. 121–125.
2. Аркина К. Ф. Кокаинизм как фактор преступности // Вестник просвещения. 1923. № 2. С. 68–74.
3. Васильев П. А. Наркотизм в Петрограде Ленинграде в 1917–1929 гг. Пути решения социальной проблемы // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2010. № 4. С. 16–23.
4. Иванов А. С. Государственно-правовое противодействие наркомании в советской России в 1920-е гг. // Академический вестник. 2011. № 1(15). С. 175–179.
5. История Дальнего Востока России. Том 3. Кн. 2: Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 г. Владивосток: Дальнаука, 2018. 656 с.
6. Лебина Н. Л. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.
7. Милешина Н. А., Потапова Л. А., Кильмяшкина Т. С. Противодействие наркомании в Советской России и СССР (1917–1920-е гг.) // Манускрипт. 2019. Том 12. Выпуск 2. С. 32–35.
8. Панин С. Е. Потребление наркотиков в Советской России (1917–1920-е годы). Вопросы истории. 2003. № 8. С. 129–134.

9. Тюрькова А. А. Деятельность милиции по противодействию наркопреступности на советском Дальнем Востоке (1922–1930): историография проблемы // Клио. 2021. № 3 (176). С. 60–67.
10. Шабельникова Н. А. Исторический феномен хунхузничества в рамках современной историографии // Клио. 2021. № 3 (171). С. 45–52.
11. Шабельникова Н. А. Милиция Дальнего Востока России (1922–1930-е годы): исторический опыт организации и деятельности. Хабаровск: Изд-во Дальневосточный юридический институт МВД России, 2018. 354 с.
12. Шкаровский М. В. Семь имён «кошки»: расцвет наркомании в 1917–1920-е годы // Невский архив. Историко-краеведческий сборник III. Санкт-Петербург: Феникс, 1997. С. 467–481.
13. Шоломович А. С. Отчет о диспансерной борьбе с наркотизмом в Москве // Вопросы наркологии. 1926. Вып. 1. С. 70–79.

© Тюрькова А. А., 2022

Научная статья

УДК: 343.772

РАЗВИТИЕ НОРМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОНТРАБАНДУ МОРСКИХ БИОРЕСУРСОВ НА РУБЕЖЕ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Ширина Е. С. курсант Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

Научный руководитель

Шабельникова Н. А., профессор кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, доктор исторических наук, профессор

В статье освещается российское законодательство на рубеже веков. Приведенные в статье нормативно-правовые акты регулируют и охраняют морские биоресурсы на территории всей страны. Данное законодательство предотвращает попытки контрабанды в морской биосреде.

Ключевые слова: контрабанда, морские биоресурсы, законодательство.

Для цитирования: Ширина Е. С. Развитие норм ответственности за контрабанду морских биоресурсов на рубеже XX – начала XXI вв. // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.) / редкол.: Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович (отв. редакторы), А. В. Милежик, А. В. Усов. – Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 245–249.

Original article

DEVELOPMENT OF THE NORMS OF RESPONSIBILITY FOR THE SMUGGLING OF MARINE BIOLOGICAL RESOURCES AT THE TURN OF THE XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

Shirina E. S., cadet of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Scientific supervisor

Shabelnikova N. A., Doctor of History, Full Professor, Department of Humanitarian Disciplines Vladivostok branch of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The article highlights Russian legislation at the turn of the century. The normative legal acts listed in the article regulate and protect marine bioresources throughout the country. This legislation prevents smuggling attempts in the marine biological environment.

Keywords: smuggling, marine bioresources, legislation.

For citation: Shirina E. S. Development of the norms of responsibility for the smuggling of marine biological resources at the turn of the XX – beginning of the XXI centuries. Humanitarian readings. Issue 3 / Publ. «Forpost nauki». 2022. 245–249. (In Russ.).

С образованием нового государства происходит демаркация страны, обновление нормативно-правовых актов, выбор и назначение должностных лиц в государственные органы. Россия является преемницей СССР и поэтому все документы, заключенные СССР, считаются автоматически заключенными с Россией. Свидетельства о рождении и паспорта, полученные в СССР, являются действительными и обязательной заменой на паспорт гражданина Российской Федерации не подлежат. В период создания новых законов для нового государства продолжают работать законы СССР.

Контрабанда на Дальнем Востоке – одно из опасных видов преступления. В местах, расположенных у морей, это было самое часто совершаемое преступление. Уголовный кодекс Российской Федерации был принят 13 июня 1996 года, с этой даты судопроизводство осуществлялось по нему. Уголовный кодекс Российской Федерации дает понятие термину «контрабанда»: «перемещение в крупном размере через таможенную границу Российской Федерации товаров или иных предметов ... совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием» [3] (ст. 188 УК РФ – утратила силу). Вывоз морских биоресурсов нелегально за пределы России являлся преступлением. Санкция за такое противоправное деяние альтернативная: штраф или лишение свободы. До появления данной нормы на территории России действовал Уголовный Кодекс РСФСР.

Помимо уголовного кодекса Российской Федерации, морская биосфера охраняется нормами главы 8 Кодекса об Административных правонарушениях Российской Федерации. Данный кодекс начал свое действие 30 декабря 2001 года. Этот нормативно-правовой акт обеспечивает защиту добытых морских биоресурсов, погрузка, выгрузка или перегрузка которых производится на континентальном шельфе и (или) в исключительной экономической зоне Российской Федерации, согласно ст. 8.20 КоАП РФ. Если Уголовный Кодекс Российской Федерации обеспечивает наказуемость за контрабанду морских живых ресурсов, а то есть незаконный вылов и добыча, то Кодексом об Административных правонарушениях Российской Федерации санкция предусмотрена

не за незаконный вылов и добычу, а за погрузку, выгрузку и перегрузку в определённых местах. Гипотеза данной нормы называет эти места: континентальный шельф, исключительная экономическая зона Российской Федерации [1]. Сама норма не запрещает незаконную добычу морских биоресурсов, но запрещает производить указанные действия в указанных местах.

За несколько лет до принятия Кодекса об Административных правонарушениях Российской Федерации был принят Таможенный кодекс Российской Федерации. Нормы данного кодекса вступили в силу 18 июня 1993 года. С того времени нормы Таможенного кодекса менялись: какие-то добавлялись по мере развития правонарушений, некоторые утратили силу в следствии неактуальности. С развитием государства и общества, информационных и IT технологий, какие-то противоправные деяния перестают иметь общественную опасность, а какие-то начинают набирать обороты и популярность в связи с появлением новых способов их осуществления.

Таможенные органы, руководствуясь Таможенным кодексом, контролируют все товары, транспортные средства, перемещаемые через таможенную границу Российской Федерации, согласно ст. 191 Таможенного кодекса. Они вправе принудительно останавливать транспортные средства, возвращать морские, речные и воздушные суда, покинувшие таможенную территорию Российской Федерации без разрешения таможенных органов Российской Федерации. Обеспечивая контроль за товарами, проходящими через таможню или минуя ее, таможенные органы выявляют незаконный экспорт [2]. Контрабанда морских биоресурсов один из видов незаконного экспорта. Таможенные органы следят за добросовестной и легальной транспортировкой товаров, в том числе за вывозом морских биоресурсов.

В 2002 году был принят Федеральный закон «Об охране окружающей среды», который дал понятие термину «охране окружающей среды». Согласно ст. 1, охрана окружающей среды – деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений и некоммерческих организаций, юридических и физических лиц, направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий. В этом Федеральном законе дается определение понятию «окружающая среда», окружающая среда – совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов.

С 2002 года ресурсы Российской Федерации стали охраняться, помимо рассмотренных ранее нормативно-правовых актов, Федеральным законом «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ. Морские биоресурсы в данном законе относятся к компонентам природной среды. Следовательно, компоненты природной среды – это не только морские биоресурсы, но и земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, расти-

тельный, животный мир и иные организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство [5]. Данный Федеральный закон предусматривает 4 вида ответственности за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды. Морские биоресурсы находятся под охраной и за незаконный вылов, пользование и распоряжение ими может наступить имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность в соответствии с законодательством. Из этого можно сделать вывод, морские биоресурсы охраняются не только кодексами Российской Федерации, но Федеральными законами.

Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», содержит права и разрешения на добычу морских биоресурсов. В данном Федеральном законе есть статья, признающая недействующими акты законодательства СССР в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов в части, касающейся оснований и порядка предоставления гражданам и юридическим лицам права на добычу (вылов) водных биоресурсов. С принятием этого Федерального закона, акты СССР, связанные с добычей морских биоресурсов, утратили силу. Однако, акты СССР, не противоречащие данному Федеральному закону, могут применяться. Этот Федеральный закон регламентирует сферу действия охраны морских биоресурсов, а именно внутренние морские воды, территориальное море, континентальный шельф, исключительную экономическую и суда, находящиеся в открытом море, плавающие под Государственным флагом Российской Федерации и приписанные к портам Российской Федерации. В этих местах осуществляет защиту и охрану морских биоресурсов нормативно-правовые акты, сотрудники таможенных органов и сотрудники ОВД.

Рыболовство в Российской Федерации осуществляется в отношении тех морских биоресурсов, добыча которых не запрещена [4]. Поэтому весь незаконный вылов морских биоресурсов будет пресечён и наказан. В целях обеспечения сохранения морских биоресурсов и их рационального использования могут быть установлены ограничения рыболовства, например, запрет рыболовства в определенных районах и в отношении отдельных видов морских биоресурсов; закрытие рыболовства в определенных районах и в отношении отдельных видов морских биоресурсов; минимальные размер и вес добываемых (вылавливаемых) морских биоресурсов и иные.

Так же в рассматриваемом Федеральном законе определен общий допустимый улов морских биоресурсов, квоты добычи (вылова) морских биоресурсов, правила рыболовства и другое.

В 2011 ст. 188 УК РФ утратила силу. Однако контрабанда после этого не перестала быть общественно опасным деянием. Законодатели, убрав 188 статью из Уголовного Кодекса Российской Федерации, дополнили статьи 226.1 и 258.1. Одним Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ, утратила силу ст. 188 и вступила в силу ст. 226.1. 2 июля 2013 г. контрабанду морских биоресурсов вынесли в две статьи: 226.1 и 258.1. Вышеупомянутые статьи охраняют контрабанду морских биологических ресурсов их добычу и оборот

соответственно [3]. Упраздняя одну статью, законодатель взамен вводит две, углубляясь и разделяя данное противоправное общественно-опасное деяние. Контрабанда морское биосреды стала разграничиваться в Уголовном Кодексе Российской Федерации и ужесточена нормами законодательства.

Таким образом, в дореволюционный и советский периоды правоохранительные органы вели борьбу с контрабандой морских биоресурсов, однако постоянный рост контрабанды провоцировался отсутствием эффективно работающего законодательства и наличием преступных групп, специализирующихся на контрабанде именно морских биоресурсов. На рубеже XX – начала XXI вв. противодействие контрабанде морских биоресурсов регулируется законодательством Российской Федерации и предусматривает имущественную и уголовную ответственность за нелегальный вывоз морских биоресурсов.

Список источников и литературы

1. Кодекс об Административных правонарушениях Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.
2. Таможенный Кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 28.05.2003. № 61-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2066.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»: Федеральный закон от 20.12.2004. № 166-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 27.12.2004. № 52 (часть I). Ст. 5270
5. Федеральный закон «Об охране окружающей среды»: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

© Ширина Е. С., 2022